

ISSN 2414-5815

*П***РАВО** *Э***КОНОМИКА** *П***СИХОЛОГИЯ**

научно-практический журнал

№ 2 (10)

2018
Витебск

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

Выходит 4 раза в год
Издается с января 2015 года

2018 № 2(10)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:
А.В. Егоров

Редакционная коллегия:

В.В. Богатырева (зам. главного редактора),
В.Н. Бибило, С.Л. Богомаз,
А.А. Бочков, А.В. Бугаев,
Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич,
Д.М. Демичев, А.Г. Егорова,
В.С. Елисеев, Т.В. Казак,
Т.Е. Косарева, Н.В. Кухтова,
С.В. Лауткина, Г.В. Лосик,
А.Н. Пастушеня, Л.Ф. Трацевская,
И.А. Фурманов, И.И. Шматков,
В.А. Янчук, Г.А. Яшева

Редакционный совет:

Т.В. Воронович (Беларусь),
С.А. Трахменок (Беларусь),
В.М. Хомич (Беларусь),
Ю.Н. Карандашев (Польша),
Т.В. Сенько (Польша),
В.А. Моляко (Украина),
Н.А. Адамов (Россия),
Л.В. Винницкий (Россия),
Р.А. Курбанов (Россия),
К.В. Павлов (Россия),
А.И. Савенков (Россия),
С.М. Шингаев (Россия)

Научно-практический журнал
«Право. Экономика. Психология»
включен в Перечень научных изданий
Республики Беларусь
для опубликования результатов
диссертационных исследований
по юридической, экономической
и психологической отраслям науки

Адрес редакции:

Московский пр-т, 33,
210038, г. Витебск, Беларусь
Тел.: +375 (212) 58-48-93,
E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

Подписано в печать 13.06.2018 г.
Формат 60 x 84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,16. Уч.-изд. л. 9,74.
Тираж 100 экз. Заказ 90.

Издатель и полиграфическое исполнение –
учреждение образования «Витебский
государственный университет имени
П.М. Машерова». 210038, г. Витебск,
Московский проспект, 33.

Свидетельство о государственной
регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/255 от 31.03.2014 г.

П Р А В О

- Ивашкевич Е.Ф.** Значение института омбудсмана на современном этапе и развитие специализированных омбудсменов в зарубежных странах 3
- Tratsevskaya L.F., Shmatkov I.I.** Application and Legal Regulation of International Account Forms in the Republic of Belarus 15
- Губаревич А.В.** Соотношение признаков правовой природы и конкурентных преимуществ постоянно действующего международного арбитражного (третейского) суда во внешнеэкономической деятельности 19

Э К О Н О М И К А

- Бекиш Е.И.** Анализ и формирование каналов рынка сбыта продукции на предприятии 24
- Царенкова И.М.** Развитие макрологистической системы дорожного хозяйства: теоретико-методологические основы 30
- Евдокимов А.В.** Проблемы расширения экономической базы развития территориальных общин 37
- Янчук В.А.** Экономическая система и социальная политика в СССР: характеристика, проблемы, полезный опыт для Беларуси 41

П С И Х О Л О Г И Я

- Токарева Н.Н.** Интегративный подход к пониманию совладающего поведения учащихся подростково-юношеского возраста 49
- Лосик Г.В., Ермоленко И.А., Северин А.В.** Участие зрения в восприятии объектов с вариативной формой 56
- Прахова С.А.** Характеристика компонентов детерминации фрустрационных состояний учеников разных возрастных групп 64
- Богомаз С.Л., Ковалевская Т.Н.** Системный подход в изучении феномена психосоциальной адаптации 70
- Макаренко Н.Н.** Изучение синдрома «burnout» у педагогических работников 74
- Шостак Л.А.** Полоролевые различия коммуникативных реакций на ревность в однополой и разнополой дружбе 80
- Кухтова Н.В., Скрипачёва Е.И.** Генезис просоциального поведения у детей в раннем и дошкольном возрастах 87

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

Issued 4 times a year
Published since January 2015

2018 № 2(10)

Founder: Educational Establishment
“Vitebsk State P.M. Masherov University”

Editor-in-Chief:
A.V. Egorov

Editorial Board:

V.V. Bogatyreva (Deputy Editor-in-Chief),
V.N. Bibilo, S.L. Bogomaz,
A.A. Bochkov, A.V. Bugayev,
E.V. Vankevich, G.A. Vasilevich,
D.M. Demichev, A.G. Egorova,
V.S. Yeliseyev, T.V. Kazak,
T.E. Kosarevskaya, N.V. Kukhtova,
S.V. Lautkina, G.V. Losik,
A.N. Pastushenia, L.F. Tratshevskaya,
I.A. Furmanov, I.I. Shmatkov,
V.A. Yanchuk, G.A. Yasheva,

Editorial Council:

T.V. Voronovich (Belarus),
S.A. Trakhimenok (Belarus),
V.M. Khomich (Belarus),
Yu.N. Karandashev (Poland),
T.V. Senko (Poland),
V.A. Moliako (Ukraine),
N.A. Adamov (Russia),
L.V. Vinnitski (Russia),
R.A. Kurbanov (Russia),
K.V. Pavlov (Russia),
A.I. Savenkov (Russia),
S.M. Shingayev (Russia)

Scientific and practical journal
“Law. Economics. Psychology”
is included in the List of scientific publications
of the Republic of Belarus
for publication of the results
of dissertation research
in law, economic and psychological
fields of science

Edition address:

33 Moskovsky Prospect,
210038 Vitebsk, Belarus
Tel.: +375 (212) 58-48-93,
E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

Signed print 13.06.2018. Size 60x84¹/₈.
Offset paper. Conventional printed
sheet 11,16. Publisher's sheet 9,74.
Circulation 100 copies. Order 90.

Publisher and printing performance –
educational establishment “Vitebsk State
P.M. Masherov University”. 33, Moskovsky
Prospect, 210038, Vitebsk.

Certificate of state registration as a publisher,
manufacturer, distributor of publications
№ 1/255, 31.03.2014.

L A W

- Ivashkevich E.F.** The Institution of the Ombudsman at the Present
Time and the Development of Specialized Ombudsmen Overseas .. 3
- Трацевская Л.Ф., Шматков И.И.** Применение и правовое регули-
рование форм международных расчетов в Республике Беларусь 15
- Gubarevich A.V.** Correlation of Signs of Legal Nature and
Competitive Advantages of a Permanent International Arbitration
Court in Foreign Economic Activity 19

E C O N O M I C S

- Bekish E.I.** Channel Analysis of Product Sales Market in the
Enterprise 24
- Tsarenkova I.M.** Development of the Macrologistical System
of Road Management: Theoretical and Methodological Bases 30
- Ievdokimov O.V.** Issues of the Economic Base Expansion of the
Development of Municipalities 37
- Yanchuk V.A.** Economic System and Social Policy in the USSR:
Characteristic, Issues, Experience Useful for Belarus 41

P S Y C H O L O G Y

- Tokareva N.M.** An Integrated Approach to Understanding
the Coping Behavior of Students in their Juvenile and Adolescent
Age Periods 49
- Losik G.V., Yermolenko I.A., Severin A.V.** Participation of Eyesight
in the Perception of Objects with a Varied Form 56
- Prakhova S.A.** Characteristic of the Determination Components
of Frustration States of Different Age Group Pupils 64
- Bogomaz S.L., Kovalevskaya T.N.** A Systematic Approach to the
Study of the Phenomenon of Psychosocial Adaptation 70
- Makarenko N.N.** A Study on Teachers' Burnout Syndrome 74
- Shostak L.A.** Gender and Role Differences of Communicative
Responses to Jealousy in the Same-Sex and Opposite-Sex
Friendship 80
- Kukhtova N.V., Skripacheva E.I.** The Genesis of Prosocial Behavior
of Toddlers and Children Coming up to School Age 87

Значение института омбудсмена на современном этапе и развитие специализированных омбудсменов в зарубежных странах

Ивашкевич Е.Ф.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Эффективная защита прав и свобод человека, правовые рамки урегулирования конфликтов являются основными задачами демократического правового государства. Как судебный, так и внесудебный порядок урегулирования споров между гражданином и органом власти характеризуется определенным формализмом. Физическому лицу без юридического образования сложно выполнить формальные требования, предъявляемые процессуальным законодательством. В связи с этим необходимо существование такого дополнительного независимого средства защиты прав личности, как институт омбудсмена, который призван оперативно и без лишнего формализма отстаивать законные интересы граждан.

Цель научной работы – исследование опыта внедрения и функционирования института омбудсмена в зарубежных странах для демонстрации возможных путей создания института омбудсмена в Республике Беларусь на основе частичной рецепции иностранных законодательных норм.

Материал и методы. Значительный вклад в разработку концептуальных положений относительно сущности и моделирования института омбудсмена, особенностей его функционирования, классификации видового многообразия омбудсмента, способа наделения должностными полномочиями, форм и методов реагирования на нарушения прав и свобод личности внесли научные работы В.В. Бойцовой, А.И. Лебедева, Е.Н. Мухитдинова и др. Были рассмотрены труды таких белорусских правоведов, как В.А. Брилева, Г.А. Василевич, Л.И. Цыганкова и др., которые представили концепции Закона об уполномоченном по правам человека в Республике Беларусь. Основными методами исследования являются метод формально-юридического и сравнительно-правового анализа.

Результаты и их обсуждение. В работе осуществляется комплексный сравнительно-правовой анализ конституционного законодательства, научных публикаций, рассматривающих институт омбудсмента и его развитие на современном этапе.

Заключение. Возникнув как орган парламентского контроля за деятельностью структур исполнительной власти или орган, формируемый правительством с аналогичной целью, в последние десятилетия омбудсмен становится все более независимым органом. Данной тенденции содействуют конституционное закрепление срока его полномочий, усложненная процедура по отстранению от должности и др. Основной тенденцией развития института омбудсмента является появление новых видов специализированных омбудсменов, что ведет к более эффективному его функционированию.

Ключевые слова: омбудсмен, модели компетенции омбудсмента, специализированные омбудсмены.

The Institution of the Ombudsman at the Contemporary Stage and the Development of Specialized Ombudsmen Overseas

Ivashkevich E.F.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

Efficient protection of human rights and freedoms, legal frames of conflict settlement are the main tasks of the democratic legal state. Both in-court and out of court orders of disagreement settlement between the individual and the authority are characterized by certain formalism. It is difficult for an individual without education in Law to fulfill formal requirements of the process legislation. In this connection, the existence of such an additional independent means of human rights protection as the ombudsman institution, which is to promptly and without formalities stand for legal interests of citizens, is necessary.

The research purpose is the study of the experience of the introduction and functioning of the ombudsman institution in different countries to demonstrate possible ways of establishing the ombudsman institution in the Republic of Belarus on the basis of partial repetition of foreign legal norms.

Material and methods. A considerable contribution into the development of the concept regulations of the essence and modeling of the institution of ombudsman, features of its functioning, classification of type variety, ways of entrusting the responsibilities, forms and methods of reacting to human rights and freedoms violation was made by research works of V.V. Boitsova, A.I. Lebedev, E.N. Mukhitdinov and others. Works by such Belarusian law scholars as G.A. Vasilevich, V.A. Brileva, L.I. Tsygankova and others, who presented the concepts of the Law of Human Rights Official in the Republic of Belarus, were considered. The main methods were the methods of formal legal and comparative legal analysis.

Findings and their discussion. A complex comparative and legal analysis of the Constitutional legislation, scientific publications, which consider the institution of the ombudsman and its development at the contemporary stage, is performed in the paper.

Conclusion. Having emerged as a body of parliamentary control over the activity of executive powers or the body, which is established by the government with the same purpose, the ombudsman in recent years is becoming a more and more independent institution. This tendency is facilitated the Constitution regulation of his term of office, an elaborate procedure of resignation etc. The main tendency of the development of the ombudsman institution is emergence of new types of specialized ombudsmen which results in their more efficient functioning.

Key words: ombudsman, competence models of the ombudsman, specialized ombudsmen.

Эффективная защита и гарантированность прав и свобод человека в рамках закона и правосудия, правовые рамки урегулирования конфликтов являются основными задачами как демократического правового государства, так и всего мирового сообщества. В современном мире человек, как бы ни была эффективна национальная правовая система, все же в ряде случаев сталкивается с негативными бюрократическими явлениями. Имеет место так называемый «человеческий фактор», когда лицо, занимающее ответственный государственный пост в системе органов исполнительной власти, по каким-либо причинам ненадлежащим образом исполняет обязанности. В подобных обстоятельствах гражданин, считая свои права нарушенными, имеет право в административном либо судебном порядке защитить нарушенные права.

Как судебный, так и существующий внесудебный порядок урегулирования спорных вопросов между гражданином и органом власти характеризуется определенным формализмом. Физическому лицу без юридического образования сложно выполнить все формальные требования, предъявляемые процессуальным законодательством к подобным формам защиты нарушенного права. Помимо этого, судебное разбирательство конфликтов между физическими лицами и органами государственной власти может длиться достаточно продолжительный период времени и в итоге так и не быть решенным. В связи с этим в правовом демократическом государстве необходимо существование такого дополнительного независимого средства правовой защиты прав и свобод личности, как институт уполномоченного по правам человека (омбудсмена), который призван своевременно, оперативно, без лишнего формализма отстаивать законные интересы граждан.

Творческое заимствование зарубежного опыта в сфере создания национальных учреждений по правам человека стран с развитой демократией и стран, находящихся на разных этапах системной трансформации в сторону демократизации, благо-

творно повлияет на ускорение аналогичных процессов в Беларуси, будет способствовать созданию более благоприятных условий для обеспечения и защиты прав и свобод человека, укреплению международного авторитета страны. Посредническая деятельность омбудсмена будет содействовать снижению нагрузки на суды и одновременно повысит степень доверия граждан к государству.

В связи с тем, что белорусские граждане не имеют права индивидуального обращения в Конституционный Суд, наделение омбудсмена правом обращения в данную инстанцию позволит ускорить совершенствование национального законодательства в области прав человека, обеспечит его всестороннее соответствие предъявляемым международным стандартам. Сейчас, когда одной из важнейших задач в области модернизации механизма государства является дебюрократизация государственного аппарата, контролирующая деятельность омбудсмена способствовала бы укреплению законности в его деятельности, оптимизации методов взаимодействия чиновников с населением. Важную роль выполняет и информационная деятельность омбудсмена в области пропаганды прав и свобод человека. Введение поста омбудсмена в Республике Беларусь будет свидетельствовать о дальнейшей демократизации белорусского общества, развитии диалоговых отношений между государством и гражданским обществом, усилении конструктивного взаимодействия по линии «гражданин–государство» [1, с. 154–155].

Цель научной работы – исследование опыта внедрения и функционирования института омбудсмена в зарубежных странах для демонстрации возможных путей и способов создания и регулирования института омбудсмена в Республике Беларусь на основе частичной рецепции иностранных законодательных норм.

Материал и методы. Источниковедческую базу нашего исследования составили такие международные правовые документы, как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международная хартия эффективного омбудсмена,

Резолюция 48/134 ГА ООН «Принципы, касающиеся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека», Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, другие документы Совета Европы, конституционное законодательство зарубежных стран и др.

Изучению опыта развития института омбудсмана за рубежом посвящена обширная литература. Среди наиболее известных научных источников следует выделить труды таких исследователей, как Roy Gregory, Philip Giddings, Linda C. Reif и другие. Закономерностям распространения института омбудсмана в разных странах, формам и методам их деятельности посвящены работы первого Комиссара по правам человека Совета Европы Альваро Хиль-Роблеса, первого Уполномоченного по правам граждан Польши Евы Лентовской и ряда других авторов.

Значительный теоретический вклад в разработку концептуальных положений относительно сущности и моделирования института омбудсмана, особенностей его функционирования на современном этапе, классификации видового многообразия омбудсмана в зависимости от организационно-правовых форм, способа наделения должностными полномочиями, форм и методов реагирования на нарушения прав и свобод личности внесли научные работы российских ученых В.В. Бойцовой, А.И. Лебедева, В.П. Лукина, А. Марцеляк, Е.Н. Мухитдинова, Е.И. Носыревой, А.Ю. Сунгурова, Н.Ю. Хаманевой, Т.М. Чапурки, Н.Н. Цымбаловой и других. В процессе исследования были рассмотрены научные труды таких белорусских правоведов, как С.Ю. Артемьев, В.А. Брилева, Г.А. Василевич, А.Е. Вашкевич, И.В. Вегера, П.П. Миклашевич, Л.И. Цыганкова и др. В своих научных публикациях они представили концепции Закона об уполномоченном по правам человека в Республике Беларусь, проанализировали место и значение института омбудсмана в системе разделения властей, его основные функции и др. Основными методами являются метод формально-юридического и сравнительно-правового анализа.

Результаты и их обсуждение. Существуют разнообразные подходы к определению института омбудсмана, раскрывающие сущностные черты понятия «омбудсмен». Это и «государственная служба, предусмотренная конституцией и возглавляемая независимым публичным должностным лицом высшего ранга, которое ответственно только перед законом», и «уполномоченный законодательный орган, призванный разбирать жалобы граждан на злоупотребления бюрократического аппарата» [2, с. 40–41]. Международная ассоциация юристов закрепила определение

«омбудсмен» следующим образом: «Служба, предусмотренная Конституцией или актом законодательной власти, возглавляемая независимым публичным должностным лицом высокого ранга, которая ответственна перед законодательной властью, получает жалобы от пострадавших лиц на государственные органы, служащих, нанимателей или действующих по собственному усмотрению и уполномочена проводить расследования, рекомендовать корректирующие действия и представлять доклады» [3, с. 6].

Несколько по-иному акцентирует определение института омбудсмана российский ученый А.И. Лебедев: «Государственная служба, предусмотренная конституцией и возглавляемая независимым публичным должностным лицом высшего ранга, которое ответственно только перед законом» [4, с. 129]. Британская Энциклопедия 1972 г. определяет институт омбудсмана как уполномоченный законодательный орган, который призван разбирать жалобы граждан на злоупотребления бюрократического аппарата. Подобная дефиниция омбудсмана содержится и во Всемирной энциклопедии: «Независимое публичное должностное лицо, расследующее жалобы граждан в отношении должностных лиц правительственных органов» [5, р. 574]. Энциклопедический словарь «Конституция Российской Федерации» определяет омбудсмана как лицо, уполномоченное парламентом осуществлять контроль за соблюдением законных прав и интересов граждан в деятельности органов исполнительной власти и должностных лиц [6, с. 141–142]. Юридическая энциклопедия содержит сходное определение: «Омбудсмен в ряде стран специальное должностное лицо парламента, наблюдающее за законностью действий государственных органов и соблюдением прав и свобод граждан».

Мы поддерживаем мнение исследователя А.Ю. Сунгурова, который под омбудсменом понимает «достойное доверия независимое лицо, уполномоченное парламентом на охрану прав отдельных граждан и осуществляющее опосредованный парламентский контроль в форме обширного надзора за всеми государственными должностными, но без права изменения принятых ими решений» [7, с. 198].

В настоящее время должность омбудсмана носит в разных странах различные наименования. На родине данного правового института – в скандинавских странах – употребляется название «омбудсмен», в англоязычных странах – Парламентский уполномоченный (Парламентский уполномоченный по делам администрации – Великобритания, Северная Ирландия, Шотландия, Уэльс). Для некоторых стран характерен термин

«уполномоченный» без прилагательного «парламентский»: уполномоченный по правам граждан (Польша), уполномоченный по правам человека (Россия). Используются в законодательстве также такие термины, как посредник, медиатор (Франция), проведор (поручитель) юстиции (Португалия), адвокат народа (Румыния) и мн. др. В названии института достаточно часто применяется термин «защитник», подчеркивающий основное содержание его деятельности: народный защитник (Испания), гражданский защитник (итальянские провинции), народный правозащитник (Хорватия). Под воздействием законодательного опыта Швеции, где существует четыре Парламентских омбудсмана, функциональные обязанности омбудсмана иногда возлагаются на коллективный орган. Примерами могут быть коллегия народной правозащиты в Австрии, парламентская ко-миссия по правам человека в Латвии, пять Контролеров Сейма в Литве, три Парламентских адвоката в Молдове, образующих, как и в Румынии, самостоятельное правозащитное учреждение – Центр по правам человека [8].

Некоторые правоведы-конституционалисты высказывают опасение, что вариативность обозначений омбудсменовской службы приведет к негативным последствиям, так как возможно искажение сущности института, его приближение к адвокатским службам и общественным правозащитным организациям. Действительно, понятие «парламентский уполномоченный» в недостаточной степени характеризует омбудсменовскую идею, так как парламент может иметь множество своих уполномоченных. Определение «публичный защитник» близко по значению к термину «адвокат». Исторически же обусловленное понятие «омбудсмен» придает данному институту дополнительное значение, подчеркивая шведское происхождение. «В научном и общественном сознании государств, учредивших омбудсменовские институты, утвердился “образ” специальной службы омбудсмана, отличающейся от иных средств правовой защиты независимо от официально принятого наименования этого органа» [3, с. 334].

В процессе становления и эволюционирования института омбудсмана в юридической науке, как правило, выделяют три основных этапа: I этап – зарождение концепции омбудсмана в скандинавских странах; II этап – актуализация концепции омбудсмана после Второй мировой войны и становление «классической» модели; III этап – возникновение «правозащитной» модели компетенции омбудсмана и ее развернутое закрепление на конституционном уровне. Для «исторической» модели (Швеция, Финляндия) характерна тесная связь института с парламентом,

он фактически является парламентской структурой. В сферу его компетенции входит контроль как за органами исполнительной власти, так и судебная система, иные правоохранительные органы. Омбудсмен вправе возбуждать судебное преследование министров, большая часть из его официальных документов открыта для широкой общественности. С общественными правозащитными организациями он сотрудничает в незначительной степени, так как во время его появления они отсутствовали. В связи с этим защита прав человека не является определяющей его задачей.

Для «классической» модели характерно уменьшение связи омбудсмана с парламентом, законодательное ограничение срока полномочий, исключение полностью из его компетенции контролирующих функций за судебными органами, рекомендательное значение заключений омбудсмана. В его компетенцию включены контроль за деятельностью органов исполнительной власти всех территориальных уровней (иногда исключаются министры), а также служащих учреждений, выполняющих публичные функции (Великобритания, Франция, Дания). Задача защиты прав и свобод личности при создании омбудсменовской службы уже сформулирована в НПА, но не является приоритетной. В основном она предполагает активное содействие парламенту и судебной власти в обеспечении гарантированности основных прав и свобод человека и гражданина. Отсутствие жесткого, формально определенного перечня оснований для вмешательства омбудсмана, принятия им обращения к рассмотрению также является характерной чертой модели «классического» омбудсмана.

Важнейшими особенностями «правозащитной» модели выступают приоритет защиты прав и свобод личности, высокая степень независимости и самостоятельности от парламента и органов государственного управления, возрастание контролирующих функций омбудсмана, введение в его компетенцию информационно-просветительской, пропагандистской деятельности, непосредственное взаимодействие с правозащитными, в том числе международными неправительственными общественными организациями, включение в большей или меньшей степени в сферу полномочий судебной системы, в основном при реализации контроля за соблюдением судьями процедурных правил и профессиональной этики (в России, Украине, Польше и др.). Достаточно часто в странах Восточной Европы законодательно (иногда конституционно) закрепляется право участия омбудсмана в работе высших органов государственной власти: парламента, правительства, высших судов (в Молдове, Украине, Армении). В специальных законах предусматривается

обширный перечень требований к кандидатуре омбудсмана: возрастной, моральный, образовательный цензы, ценз оседлости и другие (в Польше, России, Испании, Молдове, Румынии, Украине, Армении). Как правило, определена возможность принятия омбудсменом на себя новых функций.

Вопрос об учреждениях по правам человека, в том числе института омбудсмана, был впервые затронут ЭКОСОС в 1946 году. Совет предложил государствам-членам рассмотреть вопрос «о желательности учреждения групп или местных комитетов по правам человека для сотрудничества с Комиссией по правам человека ООН». Для содействия развитию концепции омбудсмана в 1978 году был создан Международный Институт Омбудсмана. Мировое сообщество приняло ряд международных правовых актов по правам человека, и 20 декабря 1993 года на 48 сессии ГА ООН был учрежден пост Верховного Комиссара ООН по правам человека [9, с. 1010–1012].

Однако и при наличии объективных потребностей новый конституционно-правовой институт может не возникнуть или возникнуть значительно позже, если его введение активно не поддерживается общественностью и ее организациями. За относительно небольшой срок своего существования в западных государствах институт омбудсмана продемонстрировал свою действенность: занял значительное место в национальном механизме защиты прав и свобод личности, создав дополнительные гарантии со стороны государства и гражданского общества, активизировав диалог между ними. Он стал эффективным средством дополнительного специального контроля за деятельностью государственной администрации, актуализировал критерии гуманизма, целесообразности, нравственности в процессе оценки деятельности чиновников, стимулировал процесс совершенствования законодательства в области защиты прав человека, правового просвещения населения и др. [1, с. 154–155].

Фактически во всех государствах, апробировавших эффективность омбудсменовской службы, введены должности специализированных омбудсменов, а именно: по правам детей, военнослужащих, заключенных, национальных меньшинств, потребителей, по вопросам здравоохранения, информации, равноправия полов, охраны личных данных и др. Косвенным свидетельством эффективности данного института выступает тот факт, что эту должность стали вводить в свою структуру организации, предприятия, учебные заведения.

Вместе с тем следует отметить, что активное создание национальных специализированных омбудсменов началось с середины XX века. К это-

му времени институт уполномоченного по правам человека существовал лишь в двух скандинавских странах – в Швеции и Финляндии (с 1919 г.). В принятой 17 июля 1919 года Конституции Финляндии подтверждалось создание омбудсмана юстиции, действующего параллельно и независимо от канцлера юстиции. До сих пор в стране сосуществуют оба контролирующих института [10; 11, р. 519–525]. 11 июня 1954 г. законодательно был учрежден Институт омбудсмана юстиции и в Дании [12, с. 69].

Для контроля за военной администрацией в 1915 году в Швеции создается военный омбудсмен, который существовал отдельно до 1967 года. После этого реализован принцип органического единства службы, но при этом предусмотрены три различные основные сферы деятельности, контролируемые отдельными омбудсменами. Таким образом, в Швеции действует бюро омбудсменов из четырех человек – Главного парламентского омбудсмана и трех Парламентских омбудсменов [8, с. 89]. Шеф-омбудсмен занимается вопросами доступа общественности к официальным документам, а также к компьютерной системе и банкам персональных данных. К ведению омбудсмана по вопросам юстиции относится деятельность органов правосудия, полиции, тюрем. Специальный омбудсмен осуществляет надзор за вооруженными силами и их отношениями с различными гражданскими структурами. В особую сферу деятельности одного из омбудсменов выделен надзор за законностью в области социального обеспечения и налогового обложения. В связи с принятием Закона против расовой дискриминации (1986) в Швеции появился омбудсмен, стоящий на страже недопущения и пресечения дискриминации в области трудовых и социальных отношений (найма, оплаты труда, увольнений, аренды жилья и т.п.) [13].

С учреждения (1952 г.) должности специализированного омбудсмана, осуществляющего контроль только за вооруженными силами, начался процесс возникновения и функционирования института омбудсмана в Норвегии. Только через десятилетие появился омбудсмен по контролю за деятельностью гражданской администрации [14].

Анализируя соответствующий опыт США, необходимо отметить, что он в значительной степени отличается от европейской практики. В правовой доктрине данные службы приобрели название квазиомбудсменов [15]. Специфика состоит в том, что в некоторых штатах имеется значительное количество должностных лиц, которые в большей или меньшей степени независимы от административного аппарата и обладают правом рассматривать жалобы [16, с. 531]. Наиболее распространен близкий к классическо-

му типу исполнительный омбудсмен. Должность не требует конституционного закрепления, вводится на основании закона или постановления муниципального органа, назначение на нее осуществляется не представительным, а исполнительным органом власти. К его компетенции, как правило, относится наблюдение за деятельностью администрации на уровне штата, округа или города, а также за ее отдельными сферами деятельности: бизнесом, здравоохранением, образованием, исправительными учреждениями и др. В настоящее время в различных учреждениях и корпорациях получили распространение также так называемые «корпоративные» омбудсмены, действия которых направлены на урегулирование внутренних конфликтов между работниками и управленческим персоналом данной организации, внешних споров, возникающих с участием потребителей; университетские – для урегулирования разногласий между студентами, профессорско-преподавательским составом и обслуживающим персоналом и заключения соглашений между конфликтующими [11, р. 423–434]; омбудсмены по надзору за исправительными учреждениями, тюремные, а также «социальные»: больничные и по делам престарелых граждан, школьные [17]. Они рассматривают и передают гласности факты нарушения прав человека соответствующими органами и учреждениями. В одних штатах они ответственны перед легислатурой, в других – перед губернатором, в третьих – перед соответствующим ведомством исполнительной власти штата, а в отдельных штатах – перед благотворительными организациями, которыми они назначаются и смещаются с должности в случаях совершения указанных в законе нарушений (имеют негосударственный характер) [15, с. 93–100].

В ФРГ в 1956 году при отсутствии федерального омбудсмана была учреждена должность Уполномоченного Бундестага по делам армии. В соответствии со ст. 45-б Основного закона ФРГ его важнейшими задачами являются защита основных прав военнослужащих, содействие Бундестагу в осуществлении парламентского контроля за армией. Закон об Уполномоченном по обороне Германского Бундестага действует в редакции 1982 года с последующими изменениями. Каждый солдат имеет право индивидуально обращаться непосредственно к нему не только по поводу допущенной в отношении него несправедливости, но и относительно службы в Бундесвере в целом, что не препятствует возможности его дальнейшего обращения в суд [18, с. 491–492].

Уполномоченный должен обладать активным избирательным правом на выборах в Бундестаг, быть не моложе 35 лет. По истечении срока

полномочий предусмотрена возможность переизбрания. На данное должностное лицо налагается ряд ограничений: запрет на получение дохода от иной должности, занятия или профессии, членство в руководящем составе или наблюдательном совете коммерческого предприятия, а также правительстве или законодательном органе ФРГ или земли. Ежегодно его доклад президент палаты направляет в комитет по обороне, который затем представляет доклад Бундестагу. Однако предусмотрена и процедура включения доклада в повестку дня палаты непосредственно самого Уполномоченного по требованию фракции или 5% общего числа депутатов. В таком же порядке Уполномоченный вызывается на заседание Бундестага, где ему предоставляется слово при обсуждении его доклада [19, с. 38].

Следует указать, что в ФРГ существует практика активной деятельности омбудсменов на земельном уровне. Например, в земле Рейнланд-Пфальц учреждена должность омбудсмана по делам гражданской администрации, в земле Шлезвиг-Гольштейн – омбудсмана по социальным вопросам. В земле Гессен впервые создан институт парламентского уполномоченного по защите частной жизни. На федеральном уровне он был развит Законом 1977 года «О защите от незаконного использования личных или частных сведений», и гессенскому примеру последовали 9 из 11 федеральных земель [17].

Несмотря на то, что в Великобритании институт омбудсмана создан одним из первых в европейских странах, его эволюционирование активно продолжается в форме множества специализированных омбудсменов на общегосударственном и региональном уровнях. В их число в настоящее время входит общенациональный Парламентский комиссар по делам администрации; Парламентский комиссар по делам администрации и Комиссар по жалобам для Северной Ирландии; Омбудсмен по делам администрации Уэльса; Омбудсмен по делам шотландских публичных служб; комиссары по делам местной администрации для Англии, Шотландии и Уэльса; Комиссар правовых служб; комиссары службы здравоохранения для Англии, Уэльса и Шотландии; Омбудсмен Европейского Союза. Кроме того, омбудсмены действуют в негосударственной сфере, например Комиссар по делам членов профсоюзов, Комиссар по пенсионным вопросам, комиссии по жалобам на прессу и вещание и т.п. Столь разноплановая система омбудсменов, однако, не позволяет считать процесс развития видового разнообразия данного института в Великобритании завершенным, так как многие виды омбудсменов появились в последнее время.

Остановимся подробнее на особенностях функционирования некоторых из них. Так, в 1969 году в Северной Ирландии для контроля за соблюдением прав человека парламентскими статутами учреждены два омбудсмана: Парламентский комиссар по делам администрации и Комиссар по жалобам. Парламентский комиссар расследует жалобы граждан на несправедливость вследствие «плохого управления» в департаментах Северной Ирландии, а Комиссар по жалобам – в органах местного самоуправления. Актами о Шотландии и об управлении Уэльсом 1998 года были учреждены Омбудсмен по делам шотландских публичных служб и Омбудсмен по делам Уэльской администрации. Позднее их создание обусловлено предоставлением в это время данным регионам автономии. Комиссары по делам местной администрации в Англии и Уэльсе действуют с 1974 года, а в Шотландии – с 1975 года и учреждены Актами о местном управлении. Они занимаются расследованием жалоб на «плохое управление» на местном уровне, включая деятельность комитетов местных советов, их членов и должностных лиц. Полицейские власти также подпадают под юрисдикцию комиссаров.

Региональные комиссары ежегодно представляют отчеты Парламентскому комиссару по делам местной администрации Англии, который на их основе составляет официальные послания и направляет местным органам общей и специальной компетенции. Помимо этого, парламентские комиссары по делам местной администрации Англии, Уэльса и Шотландии по каждому из обнаруженных фактов «плохого управления» направляют доклады местным властям, которые в течение 3-х месяцев должны дать ответ о принятых мерах реагирования. В случае его недостаточной обоснованности официально направляется повторный доклад-запрос. Если и после этого должные, по мнению омбудсмана, меры не будут приняты, то по его требованию соответствующий вопрос должен быть рассмотрен на сессии местного совета. С 1989 года граждане получили право непосредственного обращения к местным омбудсменам, и теперь к ним поступает гораздо больше жалоб, чем к Парламентскому комиссару по делам администрации [11, р. 435–453].

В 1972 году Актом о реорганизации службы национального здравоохранения были учреждены должности комиссаров по делам службы здравоохранения для Англии, Уэльса и Шотландии. В 1993 году был принят специальный Акт о комиссарах по делам службы здравоохранения, детализирующий их функциональные полномочия и формы реагирования на нарушения. При каждом комиссаре были предусмотрены комиссии, пред-

варительно рассматривающие жалобы при непосредственном обращении граждан на нарушение законных прав и интересов в сфере здравоохранения. В 1990 году Актом о судах и правовых службах учреждена должность Комиссара по делам правовых служб, который рассматривает жалобы на «плохое управление», осуществляемое судами, центральными органами полиции, иными правоохранительными органами и службами [20, р. 11–13].

Среди специализированных омбудсменов европейских стран следует назвать и омбудсмана по делам потребителей. В Швеции омбудсмен по правам потребителей возник в 1971 году и, согласно высказыванию его первого руководителя Свена Гейргрена, основной целью его деятельности является превращение «потребителя-объекта» в «потребителя-гражданина». Омбудсмен по делам потребителей защищает граждан от ложной рекламы, другого нежелательного коммерческого маркетинга, следит за соблюдением законов о маркетинге в условиях контрактации. Аналогичная должность была создана и в Норвегии.

В Швеции функционирует также омбудсмен по делам прессы, который отвечает за исследование нарушений законодательных норм относительно издания печатных СМИ, контролирует обязанности журналистов в сфере соблюдения ими профессиональной этики и недопущения их вмешательства в частную жизнь граждан. В 1986 году в связи с принятием закона против этнической дискриминации в Швеции назначен специализированный омбудсмен по вопросам борьбы с этнической дискриминацией. Свою деятельность он осуществляет в трех основных направлениях: 1) консультирование и помощь населению в отдельных случаях дискриминации, 2) профилактическая деятельность по предотвращению случаев подобной дискриминации, 3) предоставление консультативных услуг правительству, особенно в сфере подготовки законопредложений относительно внесения изменений в действующее законодательство. Однако законодательно не предусмотрено право Омбудсмана подавать иск в суд, не наделен он и полномочиями по надзору за другими органами. В данной стране функционирует также омбудсмен в области трудовых и социальных отношений (занимается вопросами зарплаты, увольнений работников, приема на работу и др.), омбудсмен по обеспечению равенства полов, антитрестовский (антимонопольный) омбудсмен, выступающий против ограничительной торговой практики с целью поощрения свободной, «здоровой» конкуренции в экономике. Подобные специализированные омбудсмены действуют в Финляндии (омбудсмен по вопросам равноправия мужчин и женщин, омбуд-

смен по защите прав потребителей и омбудсмен по вопросам расследования ограничения конкуренции) и других зарубежных странах [21; 22].

Законом «О правах национальных и этнических меньшинств» 1993 года введен уполномоченный по правам национальных и этнических меньшинств в Венгрии [17]. Соответствующая статья содержалась в главе V предыдущей Конституции Венгрии. П. 4 ст. 32/B также гласил: «Для защиты отдельных конституционных прав Государственное собрание может избирать и других комиссаров». Однако в новом Основном законе Венгрии содержится только ст. 30, посвященная Парламентскому специальному уполномоченному по основным правам, где наряду с другими полномочиями на него возложена и «защита прав национальностей и этнических групп в стране» [23]. В настоящее время в стране действует также Уполномоченный по защите данных и свободе информации.

В последние десятилетия получил широкое распространение такой специализированный парламентский уполномоченный, как омбудсмен по правам ребенка. Основными предпосылками создания института уполномоченного по правам ребенка в европейских странах являются неоднократные случаи нарушения законодательства по обеспечению прав несовершеннолетних, ухудшение в связи с финансово-экономическим кризисом социально-экономических показателей статуса детей в семье, сфере образования, здравоохранения, рост беспризорности и социального сиротства в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы, СНГ и Западной Европы, сокращение социальных пособий и иных видов материальной помощи семьям, воспитывающим несовершеннолетних детей, и так далее. Участились случаи насилия в отношении детей со стороны учеников и коллективов образовательных учреждений, со стороны церкви, родителей, всей общественности в странах Европы, о чем неоднократно вещают средства массовой информации.

Институт омбудсмана по правам ребенка выделился из института уполномоченного по правам человека, так как необходимы лица, имеющие правомочия и реальные возможности для защиты прав каждого нуждающегося в ней ребенка, пропагандирующие и применяющие новые механизмы по обеспечению прав детей, возглавляющие систематический мониторинг по формально юридическому состоянию национального законодательства по правам ребенка, а также его практическому воплощению, так как фактически ни в одну структуру власти (только к уполномоченному) ребенок не имеет возможности обратиться самостоятельно. Переломным моментом в подходах к обеспечению прав детей в демокра-

тических государствах можно считать принятие Декларации ООН о правах ребенка от 20 ноября 1959 года и особенно Конвенции ООН о правах ребенка 1989 года, а вследствие ее действия создание Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ). Конвенцией о правах ребенка фактически ребенок выделен как отдельный субъект права, предусмотрены меры государств-участников по реализации прав детей на жизнь, родовое имя, семью, гражданство, свободу мысли, совести и религии, свободу объединений, на труд, образование, отдых и досуг, охрану и укрепление здоровья и другие права. Реализации этих прав во многом способствует создание в ряде европейских государств Уполномоченных по правам ребенка. В настоящее время он существует в 27 странах-членах Совета Европы и многих других.

Омбудсмены по правам ребенка появились сравнительно недавно. Впервые данный институт оформлен в «Законе о норвежском омбудсмене по правам ребенка» 1981 года, затем в Финляндии. В 1987 году Бундестаг ФРГ проголосовал за создание Комиссии по правам детей, которая функционирует при комитетах Бундестага по правам женщин и молодежи, по проблемам семьи и престарелых. В 1989 году создано ведомство комиссара по правам ребенка в Австрии, в 1993 году – ведомство омбудсмана по правам ребенка в Швеции, в 1994 году – в Дании, а в 1995 году – в Исландии и т.д.

В 2009 году в Российской Федерации в связи с необходимостью преодоления отсутствия межведомственной «публичности» в вопросах защиты прав и интересов ребенка, низкой информированности субъектов системы профилактики и субъектов ювенальных технологий о работе друг друга, отчасти закрытости внутриведомственной работы с семьей и детьми для системного контроля за соблюдением прав детей создан институт Уполномоченного по правам ребенка на федеральном уровне (на региональном он существовал еще с 1998 года в рамках пилотного проекта Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) и Министерства труда и социального развития Российской Федерации). Основными направлениями деятельности являются влияние на развитие законодательной базы, обеспечивающей права детей; представительство, защита и восстановление нарушенных прав детей в целом и конкретного ребенка; правовое просвещение по данной проблеме общественности и самих детей на федеральном и региональном уровнях; проведение независимых проверок в учреждениях и структурах, в которых существуют риски нарушения прав ребенка; организация сотрудничества в интересах детей с правозащитными организациями европейского и междуна-

родного сообщества; подготовка ежегодного отчета о выполнении Конвенции о правах ребенка и другие [24, с. 667–670].

Деятельность детских омбудсменов сосредоточена исключительно на вопросах обеспечения прав ребенка. Функции и полномочия этих специализированных омбудсменов в разных странах разные. Например, омбудсмен Швеции должен отстаивать потребности, права и интересы детей и молодежи и обеспечивать выполнение Швецией взятых на себя обязательств в соответствии с Конвенцией ООН о правах ребенка. Детским омбудсменам Норвегии поручено содействовать защите детей, представлять их интересы перед органами государственной власти или руководством частных компаний и организаций, следить за условиями, в которых растут и развиваются дети. В Исландии служба омбудсмана обязана стоять на страже прав, интересов, потребностей детей [25].

Детально сформулированы полномочия Контролера по защите прав ребенка в соответствующем Законе Литовской Республики 2000 года, где выделены 3 уровня его участия в законодательном процессе: 1) парламентский, когда Омбудсмен инициирует принятие новых и изменение действующих правовых актов, участвует в заседаниях парламентских комитетов, представляет годовой отчет Парламенту о своей деятельности; 2) правительственный уровень, на котором им инициируется прием новых и изменение действующих постановлений Правительства и приказов министров, он участвует в рабочих группах Правительства и министерств по исследуемой проблеме; 3) муниципальный, предполагающий участие в работе групп муниципалитетов, круглых столах, конференциях, посвященных дискуссиям о состоянии в области защиты прав детей. Помимо этого, Контролер по защите прав ребенка Литвы самостоятельно создает экспертные рабочие группы для решения различных проблем и создания проектов правовых актов, контроля по реализации национальных программ по обеспечению благополучия ребенка, предупреждению насилия над детьми и др. [26, с. 39–42].

Аналогичные положения содержатся и в Законе о Защитнике прав ребенка Республики Польша от 6 января 2000 года. Причем, подчеркивается в ст. 10 Закона, он имеет возможность обращаться к органам государственной власти, организациям с требованием предоставить разъяснения или необходимую информацию, документы в случае предупреждения или пресечения нарушения прав ребенка. Информация о соблюдении прав детей в Польше направляется ежегодно в виде отчета отдельно Сейму и Сенату, обсуждение которого является предлогом для национальной дискуссии

о состоянии обеспечения и защиты прав детей в Республике Польша.

Одновременно проводится широкая информационно-просветительская кампания, когда под его началом издается и распространяется соответствующая печатная продукция, задействуются электронные ресурсы. С целью проведения независимых исследований при Защитнике прав ребенка Республики Польша созданы два постоянных экспертно-совещательных органа: Совет неправительственных организаций и Научный совет, периодически проводятся Общепольские саммиты по делам детей и другие национальные форумы. Данный конституционный институт в Польше создан на основе принятых ГА ООН «Принципов статуса национальных институтов» (так называемых «Парижских принципов») и решений ЕНОС (Европейская Сеть омбудсменов по правам ребенка), сформулировавших стандарты для институтов омбудсменов по правам ребенка [27].

Во Франции институт Защитника детей в качестве независимого органа власти был учрежден Законом от 6 марта 2000 года № 2000-196. Этот орган подобен институту Посредника, но только со специфическими функциями. В его обязанности входит защищать и реализовывать в жизни права ребенка, определенные в законе или ратифицированном международном соглашении. Защитнику детей направляются индивидуальные жалобы несовершеннолетних детей или их законных представителей, которые считают, что юридическое лицо публичного права или частное лицо не соблюдает права ребенка. Защитник детей назначается на шесть лет декретом Совета министров без права назначения на новый срок. Он не может быть отстранен от исполнения своих функций до истечения этого срока иначе, как в случае обстоятельств, определяемых декретом, принятым после рассмотрения Государственным советом. Защитник детей имеет особый юридический статус. При осуществлении своих полномочий он не получает указаний ни от каких государственных органов, не может подвергаться преследованию, розыску, задержанию, аресту или преданию суду за высказанные мнения или действия при исполнении им своих обязанностей. Защитник детей не может выступать в судебных органах, но может давать рекомендации соответствующим юридическим или физическим лицам. Наказывается лишением свободы до шести месяцев и штрафом любое лицо, которое назовет или предоставит возможность назвать фамилию Защитника детей с указанием должности или без таковой в каком-либо агитационном документе или рекламе любого характера [18, с. 396].

Если жалоба касается органа, выполняющего задачи публичной службы, и носит серьезный характер, то Защитник детей направляет эту жалобу Посреднику. Если жалоба относится к частному лицу или юридическому лицу частного права, на которых не лежит выполнение задач публичной службы, и если Защитнику детей жалоба представляется обоснованной, то он дает указания, которые считает необходимыми для урегулирования рассматриваемой проблемы, в частности рекомендации соответствующему органу для принятия решения, которое позволило бы справедливо урегулировать положение в отношении заявителя, с последующим информированием о реагировании на обращение. Индивидуальные жалобы, направляемые Защитнику детей, не прерывают сроков для обращения в компетентные судебные органы.

Защитник детей вправе предложить изменения в законодательные и регламентарные акты в целях гарантирования лучшего соблюдения прав ребенка, в частности включения во внутреннее право условий (*les stipulations*) международных соглашений, не имеющих прямого действия. По случаю Национального дня прав ребенка он представляет Президенту Республики и Парламенту ежегодный доклад, который подлежит опубликованию. При неисполнении вступившего в силу судебного решения Защитник детей может предписать физическому или юридическому лицу, привлеченному к делу, выполнить это решение в установленный им срок. Если предписание не будет выполнено, Посредник готовит специальный доклад о неисполнении судебного решения, публикуемый в «Журналь оффисьель» [18, с. 395–397].

Анализируя различные модели функционирования институтов омбудсменов по правам ребенка в зарубежных странах, следует обратить внимание на наиболее дискутируемые в настоящее время проблемы повышения эффективности их деятельности, а именно:

- возможность наделения их широкими полномочиями для расследования конкретных случаев нарушения прав ребенка, прибегая к процедурам независимого рассмотрения жалоб;
- создание достаточной финансовой и ресурсной базы, подбор квалифицированного персонала для эффективной деятельности омбудсменов по правам ребенка;
- создание под их руководством экспертно-совещательных органов с широким привлечением общественности для проведения независимых национальных исследований в области прав ребенка, обобщения их результатов, разработки и внедрения предложений в сфере совершенство-

вания механизмов обеспечения прав детей на национальном, региональном и международном уровнях;

- возможная разработка кодексов для детей и подростков (аналог, например, существует в Перу);

- расширение упреждающих действий омбудсменов по правам ребенка в области анализа бюджетных статей расходов на детей, регламентации в детских образовательных учреждениях наказаний и других вопросах [25].

Следует указать на тот факт, что деятельность специализированных омбудсменов, в частности уполномоченных по правам ребенка, не ограничивается рамками отдельных государств. Созданная в 1997 году Европейская сеть детских омбудсменов объединяет независимые национальные учреждения, региональные и местные организации по надзору за соблюдением прав детей в разных странах. В настоящее время она включает 39 учреждений в 32 государствах [27].

На сегодняшний день во многих странах-членах Совета Европы действует институт омбудсмена финансовой системы (Германия, Великобритания, Франция, Нидерланды, Дания, Швеция, Норвегия, Португалия, Италия, Ирландия, Бельгия, Литва, Венгрия, Польша). Первым предусмотрел возможность участия финансового омбудсмена в урегулировании конфликтов между банками и клиентами Союз немецких банков (VdB) в июле 1992 г. С этого времени данная оперативная и неформализованная внесудебная процедура по урегулированию жалоб клиентуры стала неотъемлемой составляющей общей концепции организации деятельности с потребителями немецких частных банков. Финансовый омбудсмен назначается Правлением Союза немецких банков по представлению руководства Союза сроком на три года, с правом повторного назначения. Однако он может быть отстранен от своих обязанностей досрочно по решению Правления в случае обнаружения обстоятельств, указывающих на невозможность объективного, беспристрастного принятия им решения, длительный срок неисполнения им своих полномочий и других серьезных причин [28].

В отношении омбудсмена финансовой системы в ФРГ предусмотрены обязательные требования: 1) потенциальная возможность быть на должности судьи; 2) в течение трех лет до момента назначения на данную должность претендент не должен быть служащим какого-либо банковского союза. Омбудсменом частных банков Германии рассматриваются не все обращения, а только жалобы потребителей. Внесудебная процедура урегулирования спора омбудсменом недопустима,

если «спорная хозяйственная операция может быть отнесена к промысловой или самостоятельной профессиональной деятельности подателя жалобы». В Соединенном королевстве Великобритании аналогичный институт функционирует с 1981 года, а в 2000-м году его правовой статус был закреплён специальным законом, в котором зафиксирована обязанность банков страны обеспечить возможность розничным клиентам урегулировать конфликты посредством данной внесудебной процедуры [22].

Во всех европейских странах порядок внесудебного разрешения споров имеет фактически унифицированную форму. Для принятия омбудсменом к рассмотрению спора заявитель обращается к нему добровольно с письменной жалобой (в настоящее время возможна и электронная форма петиции). В большинстве стран предусмотрены сроки давности для ее подачи, затем определяется круг вопросов для рассмотрения, уточняется круг лиц, участвующих в конфликте (заявители и в отношении которых возможен прием жалоб). Омбудсменом может быть установлен как верхний предел, так и нижний предел суммы иска, ставшего предметом обращения потребителя. Как правило, регламентирована процедура обязательного предъявления претензии поставщику услуг до обращения к финансовому омбудсмену (Бельгия, Франция, Италия). В Люксембурге для обращения в *Commission de Surveillance du Secteur Financier (CSSF)* потребитель обязан использовать все возможные средства в отношении поставщика финансовых услуг. В Литве поставщик финансовых услуг обязан ответить своему клиенту в течение месячного срока после получения его претензии, и только после его соблюдения клиент получает право обратиться в *Стейт Консьюмэ Райтс Протекшн Афорити (State Consumer Rights Protection Authority)* [22].

В 2012 году Ассоциация региональных банков Российской Федерации предложила учредить институт уполномоченного по правам клиентов банков. Его приоритетной функцией предполагалось досудебное урегулирование спорных конфликтов между кредитными учреждениями и заемщиками. Главным аргументом в защиту данного предложения выдвигалась осязаемая возможность сокращения материальных издержек и временных потерь, затраченных на судебное разбирательство [28]. Несколько ранее, осенью 2010 года в Российской Федерации появилась и должность уполномоченного по вопросам инвестиционного климата, в компетенцию которого вменяется обязанность в целях улучшения инвестиционной политики обеспечивать координацию деятельности правительственных ведомств по

привлечению иностранных и российских инвесторов, снижать бюрократические барьеры на их пути, поощрять развитие малого и среднего предпринимательства, оперативное и эффективное рассмотрение обращений российских и иностранных инвесторов, реализовывать предложения и рекомендации совещательных органов по вопросам иностранных инвестиций [29].

В последнее время в ряде государств-членов Совета Европы вводятся специализированные омбудсмены по соблюдению Европейской конвенции о защите прав и основных свобод. Такие омбудсмены функционируют в Германии, Польше, Великобритании, Украине, Португалии и других странах [30].

Закключение. Таким образом, возникнув как орган парламентского контроля за деятельностью структур исполнительной власти или орган, формируемый правительством с аналогичной целью, в последние десятилетия омбудсмен, по мнению конституционалистов-правоведов, становится все более независимым органом. Данной тенденции активно содействует конституционное закрепление срока его полномочий, более длительного по сравнению со сроками полномочий парламента, усложненная процедура по отстранению омбудсмена от должности и др. Возрастает роль омбудсмена как органа «контрольной власти», так как он фактически осуществляет функцию общего, вневедомственного надзора (контроля).

Основное направление современного развития института омбудсмена – появление новых видов специализированных омбудсменов, что ведет к более эффективному функционированию данного института и служит дополнительной гарантией для своевременной защиты и восстановления нарушенных прав и свобод населения. Спецификой института омбудсмена является высокая степень его персонифицированности, когда важны его личностные качества, степень известности и уважительное отношение в обществе.

Из предложенных в настоящее время концепций введения института омбудсмена в Республике Беларусь мы полагаем, что наиболее эффективной моделью является представленная профессором Г.А. Василевичем [31]. В соответствии с ней данный институт должен быть коллегиальным (Национальное учреждение по правам человека), независимым (не должен быть членом Национального Собрания, политической партии и общественного объединения), имеющим статус высшего должностного лица, обладающим широким спектром полномочий и многовекторным направлением деятельности («правозащитная модель»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Цыганкова, Л.И. Институт омбудсмана на постсоветском пространстве: становление, проблемы, перспективы / Л.И. Цыганкова // Вестн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2012. – № 2(130). – С. 154–155.
2. Вагизов, Р.Г. Понятие омбудсмана (уполномоченного по правам человека) в современной правовой доктрине / Р.Г. Вагизов // Российская юстиция. – 2008. – № 11. – С. 40–44.
3. Бойцова, В.В. Служба защиты прав человека и гражданина. Мировой опыт / В.В. Бойцова. – М.: Изд-во БЕК, 1996. – 408 с.
4. Лебедев, А.И. В аппарате уполномоченного по правам человека в Российской Федерации / А.И. Лебедев // Моск. журнал междунар. права. – 2000. – № 1, январь-март. – С. 127–135.
5. The World Book Encyclopedia. Field Enterprise as Educational Corporation // Holert N. Corrol. – 1972. – V. 14. – P. 574.
6. Конституция Российской Федерации от 12 дек. 1993 г. // Энциклопедический словарь / рук. авт. кол. С.М. Шахрай. – М.: Юрист, 1995. – С. 141–142.
7. Региональный уполномоченный по правам человека – первые шаги в России // Развитие института Уполномоченного по правам человека в российских регионах. – СПб.: Норма, 1999. – Т. 2: Региональный омбудсмен / под ред. А.Ю. Сунгурова. Приложение к журналу «Северная Пальмира». – С. 198–205.
8. Цымбалова, Н.Н. Институт омбудсмана в современном мире: история развития и общая концепция / Н.Н. Цымбалова. – СПб.: Стратегия, 2003. – 156 с.
9. Мухитдинов, Е.Н. Эволюция института омбудсмана / Е.Н. Мухитдинов // Право и политика. – 2009. – № 5. – С. 1010–1018.
10. Конституция Финляндии от 11 июня 1999 г. [Электронный ресурс] // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/>. – Дата доступа: 18.03.2018.
11. The International Ombudsman Anthology. Selected Writing from the International Ombudsman Institute / ed. by Linda C. Peif. – The Hague: Kluwer Law International, 1999. – 745 p.
12. Хиль-Роблес, А. Парламентский контроль за администрацией (институт омбудсмана) / А. Хиль-Роблес. – М.: Ad Marginem, 1997. – 335 с.
13. Парламентские механизмы защиты прав человека. Институт парламентского Уполномоченного по правам человека. Специализированные комитеты и комиссии [Электронный ресурс] // Pravo.Vuzlib.Org. Библиотека правовых документов. – Режим доступа: http://pravo.vuzlib.net/book_z1039_page_40.html. – Дата доступа: 16.03.2018.
14. Мелик-Дадаева, И.А. Институт омбудсмана (история, основные функции и особенности деятельности) в Скандинавских государствах / И.А. Мелик-Дадаева // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. – 1986. – № 94. – С. 92–99.
15. Носырева, Е.И. Особенности института омбудсмана в США / Е.И. Носырева // Право и политика. – 2000. – № 9. – С. 93–100.
16. Конституционное право: учебник для вузов / В.В. Алхименко, В.Н. Бутылин, Н.В. Витрук; под ред. В.В. Лазарева. – Изд. 2-е, перераб., доп. – М.: Юрист, 2004. – 605 с.
17. Марцеляк, А. Международный опыт функционирования некоторых специализированных омбудсменов [Электронный ресурс] / А. Марцеляк // Европейский омбудсмен. – Режим доступа: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm>. – Дата доступа: 22.03.2018.
18. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Особенная часть: учебник для вузов / рук. авт. кол. и отв. ред. д.ю.н., проф. Б.А. Страшун. – М.: Норма, 2006. – 1104 с.
19. Трумпель, К.Б. Уполномоченный Бундестага ФРГ по обзору как пример деятельности военного омбудсмана / К.Б. Трумпель // Правоведение. – 1998. – № 4. – С. 36–42.
20. Righting Wrongs. The Ombudsman in Six Continents / ed. by Roy Gregory and Philip Giddings. – Amsterdam, 2000. – 500 p.
21. Функционирование института омбудсмана [Электронный ресурс] // Политология. – 2014. – Режим доступа: <http://all-politologija.ru/knigi/politiko-administrativnoe-upravlenie-uchebnik-komarovskogo/funkcionirovanie-instituta-ombudsmana>. – Дата доступа: 14.01.2014.
22. Деятельность омбудсменов в различных странах мира [Электронный ресурс] // Европейский омбудсмен. – Режим доступа: http://euro-ombudsman.org/ombudsmen_activities/mass-media/kto-takoy-ombudsmen. – Дата доступа: 14.03.2018.
23. Конституция Венгрии от 21 апр. 2011 г. [Электронный ресурс] // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/>. – Дата доступа: 18.03.2018.
24. Чапурко, Т.М. Особенности становления политического института уполномоченного по правам ребенка в современной России / Т.М. Чапурко // Право и политика. – 2008. – № 3. – С. 667–673.
25. Марцеляк, А. Омбудсмен по правам ребенка: проблемы формирования и развития в мире и в Украине [Электронный ресурс] / А. Марцеляк // Правознавец: юридические статьи, образцы документов. – Режим доступа: <http://pravознавец.info/zashita-prav-potrebitelie/ombudsman-po-pravam-rebenka-problemy-formirovaniya-i-razvitija-v-mire-i-v-ukraine.html>. – Дата доступа: 23.03.2018.
26. Шалашевичюте, Р. Специфика становления и деятельности института Контролера по правам ребенка в Литве / Р. Шалашевичюте // Перспективы введения института Уполномоченного по правам ребенка в Республике Беларусь: материалы круглого стола, Минск, 29 нояб. 2006 г. / редкол.: Б.Г. Екич [и др.]. – Минск: М-во образования Респ. Беларусь; Детский Фонд ООН (ЮНИСЕФ), 2006. – С. 39–42.
27. В Варшаве собрались детские омбудсмены европейских стран [Электронный ресурс] // Отдел новостей и СМИ. Радио ООН. – Режим доступа: <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/95365>. – Дата доступа: 20.03.2018.
28. В России могут создать институт финансового омбудсмана [Электронный ресурс] // RealtyPress.ru. Недвижимость и ипотека. – 2014. – Режим доступа: <http://www.realtypress.ru/novosti/novosti/15-06-2010---.html>. – Дата доступа: 15.03.2014.
29. Бутрин, Д. Над Игорем Шуваловым сгустился инвестиционный климат [Электронный ресурс] / Д. Бутрин // Коммерсант. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1524778>. – Дата доступа: 18.03.2018.
30. Институт уполномоченного по правам человека (омбудсмана) [Электронный ресурс] // Европейский омбудсмен. – Режим доступа: <http://euro-ombudsman.org/reference/theory/institut-upolnomochennogo-po-pravam-cheloveka-ombudsmana>. – Дата доступа: 17.03.2018.
31. Василевич, Г.А. Концепция Национального учреждения по правам человека в Беларуси: концепция предполагаемого проекта Закона об Уполномоченном по правам человека в Беларуси / Г.А. Василевич. – Минск: БГУ, 2013. – 29 с.

Поступила в редакцию 04.04.2018 г.

Application and Legal Regulation of International Account Forms in the Republic of Belarus

Tratsevskaya L.F., Shmatkov I.I.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

Nowadays competitiveness of domestic business entities on the foreign market depends on both the choice of the type of international payment and the implementation of their regulatory environment.

The purpose of the article is to study the application and legal regulation of international payments in the Republic of Belarus.

Material and methods. The material is based on works of national scholars and personal development of the authors in the field of international relations and their legal regulation. The main methods of the current research are: deductive reasoning, ascending from the abstract to concrete, analysis and synthesis.

Findings and their discussion. The transition to sustainable development is a key social and economic goal of sovereign Belarus. An effective foreign economic activity of national business entities, carried out by the international trade policy and regulations will play an important role in this process. In modern conditions economic relations between participants of the international trade are based on timeliness and completeness of payments for quality product. Trading and banking practice have developed several different forms of accounts, depending on the degree of mutual confidence among trading partners and the role of banks that act as intermediaries in the parties' economic trade relations. According to the payments there are three main forms of international account relations: documentary credit, encashment, and bank remittance. The legal basis of international accounts is international conventions, multilateral and unilateral agreements, acts of national legislation, banking habits and etc.

Conclusion. Modern social and economic development of Belarus is in large part based on the stable functioning of the national economy, which is determined by successful foreign trade relations. The choice of the correct form of international payments and strict abidance of all legal acts of international and national legislation allows business entities to solve foreign trade issues with minimum investment of time and money.

Key words: sustainable development, foreign economic activity, international accounts, credit, encashment, bank remittance, legal regulation.

Применение и правовое регулирование форм международных расчетов в Республике Беларусь

Трацевская Л.Ф., Шматков И.И.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В современных условиях конкурентоспособность национальных субъектов хозяйствования на внешнем рынке во многом зависит как от выбора формы международных расчетных отношений, так и нормативно-правовых условий их осуществления.

Цель данной статьи – исследование применения и правового регулирования международных расчетов в Республике Беларусь.

Материал и методы. Материалом послужили труды отечественных ученых и личные разработки авторов в области международных расчетных отношений и их правового регулирования. В качестве основных методов исследования использовались логико-дедуктивный, восхождение от абстрактного к конкретному, анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение. Переход к устойчивому развитию – ключевая социально-экономическая задача суверенной Беларуси. Важную роль в этом процессе призвана сыграть эффективная внешнеэкономическая деятельность национальных хозяйствующих субъектов, осуществляемая с учетом международных внешнеэкономических норм и правил. Хозяйственные связи между участниками международной торговли в современных социально-экономических условиях строятся с учетом своевременности и полноты оплаты за поставляемую продукцию надлежащего качества. Торговая и банковская практика выработала несколько форм расчетов, которые отличаются друг от друга в зависимости от степени взаимного доверия торговых партнеров, а также от той роли, которую призваны играть в каждом конкретном случае банки, выступая посредниками между контрагентами внешнеэкономической деятельности. В соответствии с этим сложились три основные формы международных расчетных отношений: документарный аккредитив, инкассо и банковский перевод. Правовую основу международных расчетов составляют международные конвенции, многосторонние и односторонние договоры и соглашения, акты внутреннего (национального) законодательства, банковские обычаи и т.д.

Заключение. Современное социально-экономическое развитие Беларуси в значительной мере основывается на устойчивом функционировании национальной экономики, во многом определяемом успешной внешнеэкономической деятельностью ее участников. Правильный выбор и применение формы международных расчетов, а также неукоснительное следование при этом всем нормативным правовым актам международного и внутреннего (национального) законодательства позволяют хозяйствующим субъектам решать внешнеэкономические вопросы с минимальными затратами времени и средств.

Ключевые слова: устойчивое развитие, внешнеэкономическая деятельность, международные расчеты, аккредитив, инкассо, банковский перевод, правовое регулирование.

Social and economic reforms in the Republic of Belarus, its entry into the world community as a sovereign, stable developing state, building of its effective model of social and economic development are carried out with a glance to the world trends, the most important of which is globalization. The growing interconnection and interdependence of the countries of the world are realized through the active foreign economic activity, which allows them to solve the problems of limited potential of natural resources and economic advance. The competitiveness of Belarusian enterprises which participate in foreign economic activity is largely determined by the choice of the form of international account relations and the legal conditions (international and national) of their implementation.

Based on the above, the purpose of this article is to study the application and legal regulation of international payments in the Republic of Belarus.

Material and methods. The material is based on works of national academics and personal development of the authors in the field of international account relations and their legal regulation. The main methods of the current research are: deductive reasoning, ascending from the abstract to concrete, analysis and synthesis.

Findings and their discussion. In modern conditions opening of national economies has intensified, and that has led to activation of foreign economic activity of economic entities, increment of the volume of international payments and enhancement of their role in shaping the financial outcome of economic activities of enterprises and corporations. In this regard, the study of the nature of international account relations and the regulatory and legal conditions of their implementation become particularly important. As the research demonstrated, international accounts are settlements between participants of foreign economic activity carried out through banks. At the same time in international practice, the form of calculation includes payment terms which are governed by the rules of private international law and which have specific features of the funds-transfer order to the accounts, type of billing statements and the procedure of the flow of documents [1].

International conventions, multilateral and unilateral treaties and agreements, acts of domestic (national) legislation, banking habits, and many other elements form a legal framework of international accounts. In addition, the Uniform Customs and Practice for Documentary Credits (UCP 500) and the Uniform Rules for Collection, which were developed by the International Chamber of Commerce and

were the result of the long-term systematization of international trade and banking practices, have become widespread in the legal regulation of international account relations. In the Republic of Belarus, along with these international regulatory legal acts, account relations between participants of foreign economic activity are regulated, mainly, by the Banking Code and Instructions of the National Bank. In the process of establishing and developing international economic relations, Belarus has concluded bilateral agreements on international accounts with the Russian Federation, Kazakhstan, Ukraine, Latvia, Lithuania, Uzbekistan, Tajikistan, Armenia, Turkmenistan and some other countries.

The peculiarity of the legal regulation of international account relations is the prevalence of norms established by domestic (national) legislation and regulating foreign economic activities of Belarusian business entities. These standards govern:

- The timing of payments for foreign economic transactions by non-residents and the timing of their provision of goods and services after payments by residents;
- Currency of accounts between residents and non-residents;
- The procedure for making advance payment;
- The possibility and procedure for changing the forms of accounts previously agreed upon and fixed in the concluded foreign trade contract on the foreign economic transaction being made.

During the research, we established that in the modern international trade and banking practice of Belarusian business entities, there are three main forms of international account relations: documentary credit, encashment, and bank remittance.

Documentary credit is one of the most popular forms of payment used by Belarusian participants in foreign economic activity. At the same time, the use of a documentary credit is most beneficial for the seller (the exporter). This is because accounts under the documentary credit are made at the place of its opening, which brings together in time the shipment of the product to the buyer and its payment to the seller. In its turn, untimely opening of the documentary credit by the payer-importer allows the supplier to delay the delivery or even refuse to execute the concluded contract because of the non-receipt of funds from the trading partner. Thus, the withdrawal of money from the payer's account preceding the delivery is common for documentary credit payments [2].

At the same time, international accounts in the form of a documentary credit have a number of shortcomings that slow down and complicate the procedure, among which we can distinguish:

1. *Complex document flow and interruptions in the movement of documents* associated not only with their control in banks, but also with the transfer between banks. So, if there are problems related to bank verification of documents and the establishment of discrepancies in them, the executing bank is forced to contact the importer for additional instructions. In case of its agreement with the revealed discrepancies, the bank shall make the appropriate payment, if not, the money will not be paid to the exporter.

2. *Manual verification of the documents accompanying the payments under the documentary credit.* This procedure requires considerable time and highly qualified specialists.

3. *The emergence of transit risk*, thereby, for its elimination, it is required to include the insurance policies of reputable insurance companies in the list of accompanying documents.

4. *Insufficient or, conversely, detailed description of the shipped products*, which leads to additional time costs for the necessary clarifications.

5. *Violations of the shipment schedules set-up due to the occurrence of circumstances in the process of the delivery not provided for by the participants of the transaction*, which leads to a slowdown in accounts and the need to compile additional documents for its servicing.

Legal regulation of documentary credit accounts of Belarusian participants of foreign economic activity is carried out in accordance with the Uniform Customs and Practice for Documentary Credits (UCP 500) and by the Banking Code of the Republic of Belarus. The Banking Code is a national normative legal act that establishes the basic principles of the documentary credit operations by Belarusian economic entities. More detailed regulation of the international accounts procedure through the documentary credit is contained in the Instruction concerning the procedure for banking documentary operations, approved by the resolution № 67, 29.03.2001 of The Board of the National Bank of the Republic of Belarus [3].

As for the encashment form of the international account relations, it is characterized by the receipt of money by the supplier for the shipped products due to him from the payer through the bank serving this foreign trade operation on the basis of the corresponding account documentation. Whereas the bank charges a certain amount for crediting the received funds to the client's account. The research showed that the advantage of the collection form of accounts is the simplicity of registration and the ability to control the documents listed [4].

The legal basis for the implementation of the encashment operations is the Uniform Rules

for Collections of the International Chamber of Commerce (in force as at the date of implementation of the encashment), which is the main international normative act regulating this form of the account relations between the subjects of foreign economic activity [1].

It should be noted that the encashment operations are beneficial both for the participants of the trade transaction and for the banks serving it. Thus, banks do not need to open additional accounts or accumulate funds in any other way when executing their clients' orders (as, for example, in the case of the documentary credit form of account relations). In addition, the buyer can be sure that after the payment of the account documents, he will be entitled to the product and all accompanying documents of the relevant transaction. For its part, the supplier is in confidence that before the receipt of money the inventory items will be at his disposal. Unfortunately, the encashment form has been identified as not becoming widespread in the account practice of the participants of foreign economic activity in the Republic of Belarus. In our opinion, the underestimation of the obvious advantages of the encashment accounts is due to the imperfection of the national legislation regulating these relations, as well in connection with the insufficient legal culture of economic entities concerning both domestic and international legislative sphere.

In its turn, a bank remittance as a form of international account relations represents an order to the bank of one participant of an international trade transaction (an originator) to transfer a certain amount in favor of another its participant (a transferee). A bank remittance is carried out cashless by one bank to another. Participants of the transaction (exporters and importers) in this form of account relations exchange the accompanying documents directly, without participation of the bank. When calculating by means of bank remittances, banks don't control the transaction fact, its documentary maintenance, and payment in accordance with the contract concluded by the sides. They only transfer money from the account of an originator into the account of a transferee at the time of providing the relevant payment order [2]. Simplicity, economic profitability and availability of bank remittances make them one of the most common modern forms of international account relations used by Belarusian business entities. At the same time, according to the research, a number of problems arise when using payments through bank remittances.

1. *Incorrect specification of the recipient's details* (his name or his account number), leading to the wrong transfer of funds. In this case, there

is a need for additional notification by the sending bank of the funds of the bank of their recipient about the change of the beneficiary and the remittance of the funds from the incorrect account to the correct one, which causes a slowdown in the remittance procedure.

2. *Operational errors*, which make up about a quarter of all errors made in the processing of payment orders during the process of bank remittances. Their correction involves the additional expenses of means and time, slowing down the remittance and increasing the workload of bank employees.

3. *Sending payment to the wrongly indicated recipient bank of the funds*. This circumstance leads to penalties, according to which the recipient bank is forced to compensate the sending bank 90% of the income received from the placement of the received amount.

4. *An overdue payment* in case of which the bank that detains the payment (the sending bank) requests a back-value to correct the accounting transaction on the transferee bank account with an opportunity to make the remittance "retroactively". At the same time, the bank that committed such a mistake is obliged to pay compensation to the recipient bank at a special, increased tariff (in the amount of 100% of the amount of the payment).

5. *Indication of the wrong (smaller) amount of the payment*. In this case the sending bank pays the missing sum and offers to the recipient bank to make a back-value for the additionally transferred funds.

6. *Insufficiency of funds on the account of the managing subject-originator*. Lack of the necessary funds on the account leads to the necessity of the mandatory re-checking of solvency of the originator, which becomes a reason for an extension of the bank remittance procedure.

International accounts through a bank remittance are regulated in Belarus by national legislation and relevant banking rules. The main regulatory legal acts are the Banking Code of the Republic of Belarus [5], the Law of the Republic of Belarus № 226-3, 22.06.2003 «On Currency Regulation and Currency Control», amended and supplemented [6], and the Instruction № 28.10, 23.12.1997 on International Accounts in the form of a bank remittance, approved by the National Bank of the Republic of Belarus [3]. At the same time, as it has been established during the research, there are no international legal acts regulating accounts by means of a bank remittance.

Conclusion. Liberalization of foreign economic activity of economic entities of the Republic of Belarus, as a result of which they are able to compete on a global scale, updated the issues of foreign trade transaction and related international accounts, as their rational use contributes to the normal cash operating cycle and continuous disposal of commodities and services. International accounts represent a system of organization and regulation of payments of subjects of foreign economic activity and are carried out by banks in strict accordance with the norms of national and international legislation. International account relations of Belarusian economic entities in modern conditions are implemented in three main forms: documentary credit, encashment, and bank remittance. It is difficult to avoid problems during realization of international account relationships, but participants of international business activity need to calculate the possible risks and anticipate the occurrence of possible difficulties in order to avoid or minimize them, since this ultimately determines the successful completion of each transaction they make.

REFERENCES

1. Chugai, S.P. Problemi upravleniya [Issues of Management]. – 2013. – № 1. – P. 57–64.
2. Tratsvskaya, L.F. Nauka – obrazovaniyu, proizvodstvu, ekonomike: materialy XXIII (70) Regionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Science for Education, Manufacturing, Economy: Deliberations XXIII (70) of Regional Scientific and Practical Conference], Vitebsk, February 15, 2018. – Vitebsk: VGU imeni P.M. Masherova, 2018. – P. 315–316.
3. Natsionalniy pravovoy Internet-portal Respubliki Belarus [National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus]. – Available at: <http://spravka-jurist.com>. – Accessed: 03.02.2018.
4. Tratsvskaya, L.F. Aktualnyye problem professionalnogo obrazovaniya v Respublike Belarus I za rubezhom: materialy V Mezhdunar. Nauch.-prakt. Konf. [Essential Problems of Vocational Education in the Republic of Belarus and abroad: Deliberations V of International Scientific-Practical Conference], Vitebsk, December 15, 2018. – Vitebsk: VF UO FPB «MITSO», 2018. – P. 126–129.
5. Bankovskiy kodeks Respubliki Belarus: Kodeks Resp. Belarus, 25 okt. 2000 g., № 441-Z: v red. Kodeksa Resp. Belarus ot 01.01.2017 g. [The Banking Code of the Republic of Belarus: the Code of the Republic of Belarus, October 25, 2000, № 441-3 as Amended by the Code of the Republic of Belarus of 01.01.2017], OOO «YurSpektr», Nats. tsentr pravovoy inform. Resp. Belarus, Minsk, 2018.
6. O valyutnom regulirovaniy I valyutnom kontrole: Zakon Resp. Belarus, 22 iyulya 2003 g., № 226-Z: v red. Zakona Resp. Belarus ot 05.01.2016 g. [On Currency Regulation and Currency Control: the Law of the Republic of Belarus № 226-3, 22.07.2003, as Amended by the Law of the Republic of Belarus of 05.01.2016], OOO «YurSpektr», Nats. tsentr pravovoy inform. Resp. Belarus, Minsk, 2018.

Received by the Editor 12.03.2018.

Соотношение признаков правовой природы и конкурентных преимуществ постоянно действующего международного арбитражного (третейского) суда во внешнеэкономической деятельности

Губаревич А.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В последнее время стороны правовых споров все чаще обращаются к институту постоянно действующих международных арбитражных (третейских) судов (далее МАС). Это требует четкой правовой регламентации их деятельности, а также определения значения и правовой природы выносимого такими судами решения.

Цель данной статьи – определить порядок соотношения признаков правовой природы и конкурентных преимуществ постоянно действующего международного арбитражного (третейского) суда во внешнеэкономической деятельности.

Материал и методы. Материалом для проведения исследования послужили международные акты, а также акты национального законодательства, регулирующие вопросы деятельности международных арбитражных (третейских) судов. Основными методами исследования являются диалектический, сравнительно-правовой, системного анализа, историко-правовой.

Результаты и их обсуждение. В статье рассматриваются концептуальные теории о правовой природе решения МАС, а также предложения по совершенствованию национального законодательства в исследуемой сфере. На конкретных примерах, а также анализе законодательства показано, что особенность арбитражного решения проявляется и в том, что оно может быть отменено или не приведено в исполнение только по ограниченному списку оснований, большинство из которых имеет процессуальный характер. Однако, на наш взгляд, решение МАС должно быть обоснованным даже при наличии соглашения сторон о неуказании мотивов его вынесения. Среди основных требований, предъявляемых к арбитражному решению, определим: законность, обоснованность и обязательность вынесения мотивированного и справедливого решения. Решение МАС обладает свойствами обязательности, исполнимости, окончательности, исключительности, процессуальности. Не все эти свойства законодательно закреплены.

Заключение. Арбитражным решением устанавливаются права и обязанности сторон по результатам разрешения конкретного спора, поэтому решение МАС, наряду с судебным решением, является юридическим фактом. Решение МАС должно отвечать требованиям законности и обоснованности, а также быть мотивированным и справедливым. Соглашение сторон о рассмотрении и разрешении МАС спора «по справедливости» должно быть прямо выражено (зафиксировано в письменном виде).

Ключевые слова: международный арбитражный (третейский) суд, международная палата арбитров, арбитражное решение.

Correlation of Signs of Legal Nature and Competitive Advantages of a Permanent International Arbitration Court in Foreign Economic Activity

Gubarevich A.V.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

Recently, the parties to legal disputes are increasingly turning to the institution of permanent international arbitration courts (hereinafter referred to as the IAU). This requires a clear legal regulation of their activities, as well as determining the meaning and legal nature of the decision taken by such courts.

The purpose of this article is to determine the order of the correlation between the signs of the legal nature and the competitive advantages of a permanent international arbitration court in foreign economic activity.

Material and methods. The material for the study was international acts, as well as acts of national legislation governing the activities of international arbitration courts. The main research methods are dialectical, comparative legal, system analysis, historical and legal.

Findings and their discussion. The article considers conceptual theories about the legal nature of the decision of the IAU, as well as proposals for improving national legislation in the field under investigation. On specific examples, as well as analysis of legislation, it is shown that the peculiarity of the arbitration award is also manifested in the fact that it can be revoked or not enforced solely on a limited list of grounds, most of which have procedural character. However, in our opinion, the decision of the IAU should be justified, even if there is agreement between the parties on the lack of motivation for its issuance. Among the basic requirements for an arbitral award, we define: the legality, validity and compulsion of a reasoned and fair decision. The decision of the IAU, in our opinion, has the properties of binding, feasibility, finality, exclusivity, prejudiciality. Not all these properties are legislatively fixed.

Conclusion. The arbitration award establishes the rights and obligations of the parties based on the resolution of a particular dispute; therefore the decision of the IAU, along with the court decision, is a legal fact. The decision of the IAU must meet the requirements of legality and validity, and be motivated and fair. The agreement of the parties on the consideration and settlement of the dispute by the "fairness" of the IAU must be directly expressed (fixed in writing).

Key words: international arbitration court, international chamber of arbitrators, arbitration award.

В настоящее время на территории Республики Беларусь функционируют два МАС – Международный арбитражный (третейский) суд при БелТПП (далее МАС при БелТПП) и Международный арбитражный (третейский) суд «Палата арбитров при Союзе юристов» (Международная палата арбитров). Они призваны содействовать правильному и своевременному разрешению споров, отнесенных к их компетенции, развитию и повышению эффективности внешнеэкономической деятельности субъектов хозяйствования. Поскольку эти задачи достигаются посредством вынесения решения МАС по существу спора, изучение правовой природы института международного коммерческого арбитража (далее МКА) стало актуальным направлением правовой науки.

Цель данной статьи – определить порядок соотношения признаков правовой природы и конкурентных преимуществ постоянно действующего международного арбитражного (третейского) суда во внешнеэкономической деятельности.

Материал и методы. Материалом для проведения исследования послужили международные акты, а также акты национального законодательства, регулирующие вопросы деятельности международных арбитражных (третейских) судов. Основными методами исследования являются диалектический, сравнительно-правовой, системного анализа, историко-правовой.

Результаты и их обсуждение. Научные исследования деятельности МАС в разные периоды проводились многими учеными-правоведами. Отдельные институты МКА изучали В.Н. Ануров, А.А. Григоров, А.Н. Жильцов, Дж.М. Кордеро, И.Н. Поляков. Общие правовые проблемы МКА – А.Н. Попков, М.А. Попов, Е.М. Цыганова и др. В Беларуси отдельные институты МКА исследованы А.С. Данилевичем, И.В. Перервой, О.Н. Толочко, Н.А. Шелкоплас, Н.Г. Юркевичем и др.

Как в гражданском, так и в хозяйственном процессе основной вид судебного постановления МКА – решение. В соответствии с п. 17 ст. 1 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее ГПК) решением признается содержащее ответ на заявленные требования су-

дебное постановление суда первой инстанции, рассмотревшего дело по существу [1]. Норма части второй ст. 9 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее ХПК) определяет решение суда, рассматривающего экономические дела, как судебное постановление, принятое судом первой инстанции при рассмотрении дела по существу [2].

Согласно абзацу пятому ст. 1 Закона Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 279-З «О международном арбитражном (третейском) суде» (далее Закон о МАС) решением признается разрешающее спор по существу арбитражное постановление состава МАС [3]. Несмотря на схожесть данных понятий, их правовая регламентация различна. Это проявляется в особом процессуальном порядке принятия решений, вступления в законную силу, признания и исполнения на территории Республики Беларусь. Из содержания п. 1 ст. 7 Гражданского кодекса Республики Беларусь, предусматривающей основания возникновения гражданских прав и обязанностей, следует, что судебное решение представляет собой юридический факт, который порождает определенные юридические последствия [4].

В правовой доктрине квалификация судебного решения как юридического факта не всегда была однозначной. В частности, такие авторы, как А.А. Добровольский и С.А. Иванова не признавали судебное решение в качестве юридического факта, а в свою очередь такой ученый, как О.А. Красавчиков, наоборот, признавал. На наш взгляд, решение МАС также можно охарактеризовать как юридический факт, поскольку арбитражным решением устанавливаются права и обязанности сторон по результатам разрешения конкретного спора.

Поэтому вполне закономерно, что вопрос об определении места решений третейских судов и иных постоянных арбитражных органов в системе юридических фактов, порождающих гражданские права и обязанности, должен решаться аналогично. В связи с указанным предлагаем дополнить подп. 3 части второй статьи 7 Гражданского кодекса Республики Беларусь после слов «из судебного решения» словами «решения меж-

дународного арбитражного (третейского) суда, решения третейского суда, иного постоянного арбитражного органа» [4].

Сущность и значение арбитражного решения опосредуются совокупностью присущих ему признаков, требований и свойств. На наш взгляд, арбитражное решение обладает следующими признаками:

1) является правоприменительным актом, поскольку содержит результат применения норм права, которому стороны подчинили свои договорные отношения;

2) является юридическим фактом, порождающим определенные правовые последствия;

3) является актом индивидуального применения, т.к. касается конкретных субъектов спорного правоотношения;

4) является процессуальным актом, поскольку выносится с соблюдением требований, установленных законодательством.

Решение арбитражного (третейского) суда должно отвечать определенным требованиям. Из содержания ст. 25 Закона о МАС следует, что решение арбитражного (третейского) суда должно быть законным и обоснованным [3]. Однако требования законности и обоснованности вынесенного арбитражного решения отличаются от требований законности и обоснованности, предъявляемых к решениям государственных судов. Последние должны выноситься при строгом соблюдении норм материального и процессуального права. Так, в случае неприменения или неправильного применения экономическим судом норм материального и процессуального права решение подлежит изменению или отмене в апелляционном, кассационном или надзорном порядке. В свою очередь, соблюдение требования законности в арбитражном (третейском) процессе всегда обусловлено строгим соблюдением лишь норм процессуального права, поскольку именно несоблюдение норм процессуального характера составляет базу оснований для отмены арбитражного решения, предусмотренных ст. 43 Закона о МАС [3].

Особенность арбитражного решения проявляется и в том, что оно может быть отменено или не приведено в исполнение только по ограниченному списку оснований, большинство из которых имеет процессуальный характер. Часть вторая ст. 40 Закона о МАС устанавливает презумпцию наличия мотивировки арбитражного решения [3]. Так, если стороны не договорились об ином и если иное не вытекает из ст. 39 Закона о МАС, в арбитражном решении должны приводиться мотивы, на которых оно основывается [3]. Однако, на наш взгляд, решение МАС должно быть обо-

снованным даже при наличии соглашения сторон о неуказании мотивов его вынесения. Это прямо следует из содержания ст. 25 Закона о МАС [3].

В теории процессуального права существует положение, согласно которому решение любого юрисдикционного органа обязано соответствовать требованию справедливости. Содержание данного требования отличается в зависимости от правового статуса органа, вынесшего решение. Требование справедливости в рамках государственного судопроизводства означает, что дело должно быть разрешено на основании законодательства, регулирующего спорное правоотношение, с учетом имущественного положения сторон и других факторов. При этом, как отмечают Д.С. Валдайцев и Ю.И. Лутченко, все участники процесса «должны быть глубоко убеждены в правильности принятого решения» [7, с. 118].

В свою очередь, арбитражное законодательство многих стран допускает разрешение спора «по справедливости» или «в качестве дружеских посредников». Спор разрешается судом на основании общепринятых норм морали, не имеющих нормативно-правового характера, а не на основании правовых норм. Соглашение сторон о рассмотрении спора «по справедливости» должно быть зафиксировано в письменном виде и не должно противоречить императивным нормам законодательства, применимого к спору. Аналогичные положения закрепил п. 5 ст. 38 Регламента МАС при БелТПП (в новой редакции), утвержденного постановлением Президиума Белорусской торгово-промышленной палаты от 17 марта 2011 г. [5], и п. 5 ст. 38 Регламента Международной палаты арбитров, утвержденного протоколом центрального совета Союза юристов от 12.06.2009 г. [6]. Исходя из этого возникает вопрос о категориях споров, которые могут быть рассмотрены МАС «по справедливости». Представляется, что эта тема может стать предметом самостоятельного исследования.

Таким образом, среди основных требований, предъявляемых к арбитражному решению, определим: законность, обоснованность и обязательность вынесения мотивированного и справедливого решения. Решение МАС, на наш взгляд, обладает свойствами обязательности, исполнимости, окончательности, исключительности, преюдициальности. Не все эти свойства законодательно закреплены.

Основное правовое последствие вынесения арбитражного решения – его обязательность. Однако содержание данного свойства применительно к арбитражному решению и решению государственного суда различно. Арбитражное решение обязательно только для сторон спора (ст. 44 вы-

шеупомянутых регламентов МАС). Решение государственного суда общеобязательно для всех субъектов права (ст. 24 ГПК [1], ст. 27 ХПК [2]).

В теории МКА вопрос об общеобязательности арбитражного решения рассматривается неоднозначно. Одни авторы придерживаются позиции, согласно которой обязательность решения МАС должна приравниваться к обязательности договора, а не к силе нормативного правового акта, т.е. распространяться только на стороны спора [8, с. 165]. Другие авторы обосновывают необходимость закрепления специальной нормы об общеобязательности арбитражного решения, равной по содержанию обязательности решения государственного суда [9, с. 100].

Закон о МАС, в отличие от п. 1 ст. 35 Закона Российской Федерации от 7 июля 1993 года № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» [10], прямо не указывает на обязательность (в любом из значений) арбитражного решения. При этом российский закон признает обязательность арбитражного решения независимо от места его вынесения. МАС, созданные на территории Республики Беларусь, руководствуются принципами хозяйственного процессуального законодательства Республики Беларусь, которые не противоречат принципам, закрепленным ч. 1 ст. 3 Закона о МАС [3].

В связи с этим считаем обоснованным применение ст. 27 ХПК [2] и в отношении арбитражного решения, выносимого МАС. Законодательное закрепление самостоятельного положения об обязательности арбитражного решения будет более явно отражать его правовую природу. Потому предлагаем часть первую ст. 3 Закона о МАС [3] дополнить абзацем девятым следующего содержания: «обязательности решения, вынесенного международным арбитражным судом».

Арбитражное решение, вступившее в законную силу, подлежит исполнению. При этом из сущности института МКА следует, что такое решение должно исполняться в добровольном порядке. Однако это происходит не всегда, и тогда исполнение решения МАС обеспечивается государством в принудительном порядке, установленном хозяйственным процессуальным законодательством Республики Беларусь, а именно гл. 29 ХПК.

Принудительность исполнения арбитражного решения, на наш взгляд, не связана с моментом вступления его в законную силу. Такую же позицию выразил А.И. Муранов. Исследователь отмечает, что «только после рассмотрения государственным судом вопроса о приведении арбитражного решения в исполнение» оно приобретает свойство принудительного исполнения [8, с. 170]. Исходя из этого, нельзя согласиться

с утверждением А.С. Данилевича о том, что «вступив в законную силу, арбитражное решение обладает принудительным характером, как и решение государственного суда» [9, с. 179]. Свойство принудительности не присуще арбитражному способу разрешения споров, оно отражает эффективность вынесенного МАС решения.

Отличительная особенность арбитражного решения – его окончательность (абзац девятый ч. 1 ст. 3 Закона о МАС) [3], обусловленная правовой природой МКА. Эта особенность выражается в:

- 1) добровольности передачи спора на рассмотрение в МАС и его исполнения;
- 2) невозможности обжалования решения МАС в рамках арбитражного разбирательства;
- 3) наличии ограниченных оснований (процессуального характера) для отмены арбитражного решения.

Заключение. Таким образом, вступившее в законную силу арбитражное решение обладает также свойством исключительности и преюдициальности. Первое свойство нормативно закреплено в действующем законодательстве Республики Беларусь и означает невозможность повторного обращения в МАС и экономический суд Республики Беларусь при наличии вступившего в законную силу решения МАС по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям. Однако если экономический суд отказал в признании и приведении в исполнение решения МАС (ст. 149 ХПК), у сторон спора есть возможность обратиться с тождественным иском в государственный суд.

Вопрос о наличии у решения арбитражного (третейского) суда свойства преюдициальности в доктрине МКА не разрешен. Так, Н. Громов отмечает, что решения третейских судов имеют преюдициальное значение для государственных судов [11, с. 39]. По мнению М. Попова, у арбитражного решения отсутствует такое свойство [12, с. 38]. Решение МАС может использоваться только как письменное доказательство. Действующее законодательство не содержит положений, закрепляющих преюдициальность фактов, установленных решением МАС. На наш взгляд, свойство преюдициальности – следствие признания за решением МАС общеобязательного характера. Думается, что это будет способствовать востребованности МКА как способа защиты прав и законных интересов субъектов права.

В связи с указанным предлагаем дополнить ст. 106 ХПК частью четвертой следующего содержания: «Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением международного арбитражного (третейского) суда, решением третейского суда, иного постоянного арбитражного органа и имеющие значение для суда, рассматри-

вающего экономические дела, не подлежат повторному доказыванию лицами, участвовавшими в деле, рассмотренном международным арбитражным (третейским) судом, третейским судом, иным постоянным арбитражным органом, их правопреемниками».

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1) арбитражным решением устанавливаются права и обязанности сторон по результатам разрешения конкретного спора, поэтому решение МАС, наряду с судебным решением, является юридическим фактом;

2) решение МАС должно отвечать требованиям законности и обоснованности, а также быть мотивированным и справедливым. Соглашение сторон о рассмотрении и разрешении МАС спора «по справедливости» должно быть прямо выражено (зафиксировано в письменном виде);

3) свойство обязательности, которым обладает арбитражное решение, необходимо законодательно закрепить в ст. 3 Закона о МАС;

4) законодательное установление последствий признания за решением МАС свойства преюдициальности будет способствовать реализации принципа экономии хозяйственного судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11 января 1999 г. № 238-З (в ред. Закона Республики Беларусь от 08.01.2018 № 94-З) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь от 15 декабря 1998 г. № 219-З (в ред. Закона Республики Беларусь от 09.01.2017 № 19-З) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. О международном арбитражном (третейском) суде: Закон Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 279-З (в ред. Закона Республики Беларусь от 01.07.2014 № 174-З) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З (в ред. Закона Республики Беларусь от 09.01.2017 № 14-З) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. Регламент Международного арбитражного (третейского) суда при БелТПП: постановление Президиума Белорусской торгово-промышленной палаты от 17 марта 2011 г. [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
6. Регламент Международной палаты арбитров: утвержден протоколом центрального совета Союза юристов от 12 июня 2009 г. [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
7. Валдайцев, Д.С. Требования, предъявляемые к решению хозяйственного суда / Д.С. Валдайцев, Ю.И. Лутченко // Вестн. Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь. – 2001. – № 3. – С. 117–127.
8. Муранов, А.И. Еще раз об обязательности по российскому праву решений международного коммерческого арбитража и внутринациональных третейских решений / А.И. Муранов // Моск. журнал междунар. права. – 2002. – № 1. – С. 162–182.
9. Данилевич, А.С. Законность и обоснованность решения международного арбитражного суда / А.С. Данилевич // Промышленно-торговое ПРАВО. – 2002. – № 5–6. – С. 175–188.
10. О международном коммерческом арбитраже: Закон Российской Федерации от 7 июля 1993 года № 5338-1 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
11. Громов, Н. Применение преюдициальных актов при рассмотрении судами гражданских дел по вновь открывшимся обстоятельствам / Н. Громов // Законность. – 1998. – № 2. – С. 35–40.
12. Попов, М. Проблема преюдиции решений и тождественности исков применительно к третейским судам / М. Попов // Третейский суд. – 2001. – № 2. – С. 36–44.

Поступила в редакцию 04.04.2018 г.

Анализ и формирование каналов рынка сбыта продукции на предприятии

Бекиш Е.И.

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
Витебский филиал «Международный университет «МИТСО»»

Высокие складские запасы – традиционная проблема белорусского реального сектора, которая обострилась в период кризиса и спада спроса на основных рынках сбыта. Наиболее тяжелое положение в вопросе складских запасов наблюдается в области производства машин и оборудования. Существующая проблема запасов продукции говорит о снижающемся спросе на отечественную продукцию, а значит, о проблеме со сбытом товаров в республике и за ее пределами.

Цель – проведение оценки сегментов рынка для формирования каналов сбыта продукции ОАО завода «ВИЗАС».

Материал и методы. Материалом для исследования послужили данные производственно-хозяйственной деятельности ОАО завода «ВИЗАС» и показатели ее эффективности, электронные информационные ресурсы. Основные методы исследования: аналитический, горизонтального и вертикального сравнительного анализа, средних и относительных величин, детерминированный факторный анализ.

Результаты и их обсуждение. При проведении анализа по рынкам сбыта выявлено, что значительная доля продукции предприятия составляет в Российскую Федерацию (53,7%) и Республику Беларусь (41,9%). Экспорт для стран дальнего зарубежья значительно ниже. По результатам осуществленного анализа каналов сбыта продукции по субъектам товаропроизводящей сети выявлено, что наибольший объем реализации продукции в размере 28% приходится на дилеров ООО «Белстанко» и ООО «СТМ-Маркет». На основании оценки развития товаропроизводящей сети за рубежом и защиты экономических интересов предприятия заключены договора с субъектами товаропроизводящей сети в России, Украине, Иране.

Заключение. Выявлено, что предприятие осуществляет маркетинговую деятельность, направленную на освоение новых рынков стран Европейского союза и дальнего зарубежья и наращивание экспорта. Установлено, что опыт сотрудничества с другими странами у предприятия есть и необходимо расширять географию и осваивать новые рынки.

Ключевые слова: рынок сбыта, канал сбыта, экспорт, импорт, продукция, предприятие, маркетинговая деятельность.

Channel Analysis of Product Sales Market in the Enterprise

Bekish E.I.

Educational Establishment of Vitebsk Branch of Belarusian Federation
of Trade Unions “International University of “MITSO”»

High inventory is a traditional problem of Belarusian in the real sector, which deteriorated during the crisis and the decline in demand in major markets. The most difficult situation in stocks is observed in the production of machinery and equipment. The existing problem of stocks demonstrates reduced demand for domestic products, which means a problem with the sale of goods in the Republic and abroad.

The aim is to assess market segments to generate the sales channels of JSC “VIZAS”.

Material and methods. The research material was data of the production and economic activities of JSC “VIZAS” and indicators of its effectiveness, electronic information resources. The basic research methods are the analytical method, methods of horizontal and vertical comparative analysis, the method of secondary and relative values, deterministic factor analysis.

Findings and their discussion. The analysis on markets revealed that a large proportion of the products of the Company goes to the Russian Federation (53,7%) and the Republic of Belarus (41,9%). Export to non-CIS countries is significantly lower. On the basis of the carried out analysis of sales channels by actors producing goods network it was revealed that the greatest volume of product sales, 28 per cent, is taken by the dealers of ООО “Belstanko” and LLC “STM-Market”. Based on an assessment of the development of the distribution network abroad and protection the economic interests of the Company contracts with subjects of distribution network in Russia, Ukraine and Iran were signed.

Conclusion. It was revealed that the Company carries out marketing activities aimed at the development of new markets in the countries of the European Union and abroad and increase exports. It was found out that the Company has some experience of cooperation with other countries, and it is necessary to expand and develop new markets.

Key words: markets, channel sales, export, import, products, company, enterprise marketing activity.

Сегодня основная часть организаций Республики Беларусь старается улучшить свою деятельность за счет привлечения дополнительных ресурсов, в то время как на многих из них остается масса скрытых и неиспользованных резервов. Их поиск имеет большое значение, так как они позволяют более эффективно использовать уже имеющиеся ресурсы [1; 2].

Существенно расширился круг задач, которые требуется решать в условиях жесткой конкуренции и постоянно меняющихся требований рынка. Эти задачи охватывают не только организацию и управление персоналом, но и включают определение номенклатуры и объемов выпуска продукции с учетом потребностей и возможностей рынка, поиск и привлечение ресурсов (прежде всего, финансовых), обеспечение реализации продукции, проведение своевременных расчетов с поставщиками и потребителями, повышение качества и конкурентоспособности продукции и др. [3; 4].

Высокие складские запасы – традиционная проблема белорусского реального сектора, которая обострилась в период кризиса и спада спроса на основных рынках сбыта. В Беларуси запасы готовой продукции по отношению к среднемесячному объему промышленного производства составляют 77,1%. Наиболее тяжелое положение в вопросе складских запасов наблюдается в области производства машин и оборудования, запасы составляют 247,4% по отношению к среднемесячному объему производства. Существующая проблема запасов продукции говорит о снижающемся спросе на отечественную продукцию, а значит, о проблеме со сбытом товаров в республике и за ее пределами [5].

С этой целью проведена оценка сегментов рынка для формирования каналов сбыта продукции ОАО завода «ВИЗАС».

Цель статьи – проведение оценки сегментов рынка для формирования каналов сбыта продукции ОАО завода «ВИЗАС».

Материал и методы. Материалом для исследования послужили данные производственно-хозяйственной деятельности ОАО завода «ВИЗАС» и показатели ее эффективности, электронные информационные ресурсы. Основные методы исследования: аналитический, горизонтального и вертикального сравнительного анализа, средних и относительных величин, детерминированный факторный анализ.

Результаты и их обсуждение. ОАО завод «ВИЗАС» представляет собой промышленное предприятие, специализирующееся на производстве многопрофильных заточных станков для

изготовления и обработки различного рода режущего инструмента. На данный момент предприятием освоены сложные 4- и 5-координатные шлифовально-заточные полуавтоматы с системой ЧПУ фирмы «SIEMENS» (Германия), которые по конструктивному решению и технологическим возможностям соответствуют лучшим зарубежным аналогам.

Предприятие осуществляет ремонт и модернизацию станков отечественного и импортного производства с заменой системы ЧПУ (на ЧПУ «SIEMENS») и механических частей (подшипников, направляющих и т.д.) на импортные комплектующие изделия. Учитывая традиционно сильные позиции в области производства заточного и универсально-заточного оборудования, а также одно из ведущих мест, достигнутое на рынке деревообрабатывающего оборудования, ОАО завод «ВИЗАС» планирует и в дальнейшем работать в области станкостроения.

Анализ состояния потребительского рынка для предприятия с учетом его потенциальных возможностей (загрузка оборудования основного производства составляет 64,4%) позволяет прогнозировать рост производства продукции, потребителями которой являются предприятия строительной отрасли, химического и нефтяного машиностроения, автотракторной промышленности, предприятия Военно-промышленного комплекса и Министерства путей сообщения.

С учетом оценки работы предприятия в последнее время можно выделить в качестве оптимального рынка сбыта своей продукции территорию стран СНГ – Российская Федерация, Республика Беларусь, Узбекистан, Казахстан и страны Балтии.

Работа предприятия должна быть определена с учетом постоянно возрастающих требований к современному машиностроительному производству. Мировая практика показывает, что за последние 25–30 лет сложность машины как объекта производства возросла в 4–6 раз, а требования к точности изготовления деталей и сборки выросли примерно на порядок. К этому нужно добавить значительное расширение номенклатуры выпускаемой продукции при одновременном сокращении продолжительности выпуска изделий одной номенклатурной группы. Объемы выпуска продукции, как и прежде, находятся в широком диапазоне – от единичных образцов до массового производства, однако преобладающим становится единичное (специальное) мелко- и средне-серийное производство.

Изменения, наблюдающиеся в структуре реализации продукции, являются отражением изменений, происходящих в структуре спроса

на оборудование: имеет место тенденция роста спроса на специальное оборудование и полуавтоматы с числовым программным управлением (ЧПУ).

Рассмотрим объем продаж продукции завода по рынкам сбыта.

На рисунке 1 видно, что продукция завода поставляется на внутренний рынок (41,9%), на рынок Российской Федерации поставка ведется на 53,7%, другие страны: Казахстан – 0,3%, Украина – 1,5%, Азербайджан – 0,3%, Польша – 0,5%, Эстония – 0,3%, Молдова – 1,5%.

Постоянно поддерживается спрос на модернизацию специального заточного оборудования, находящегося в эксплуатации, имеется как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации. Международный опыт показывает, что 10% торгового оборота машиностроения основано именно на оборудовании, бывшем в употреблении, приносящем до 30% от общей суммы реализации машиностроительной продукции.

Большой удельный вес в реализации продукции имеет продукция, предназначенная для

изготовления сельскохозяйственной техники, – редукторы привода ножа жатки мод. КЗР4М, потребителем которой является РУП «Гомсельмаш». На предприятии освоен серийный выпуск до 4000 шт. в год.

Покупателями специального оборудования с числовым программным управлением традиционно являются предприятия автомобильной и станкоинструментальной отраслей, авиационной промышленности, строительно-дорожного и коммунального, нефтегазового, тракторного и сельскохозяйственного, энергетического, транспортного машиностроения.

Рассмотрим показатели внешнеэкономической деятельности завода. Данные сведем в таблицу 1.

По данным таблицы 1 видно, что объем экспорта ОАО завода «ВИЗАС» составляет 19485,8 тыс. руб. Значительная доля в экспорте продукции приходится на рынок Российской Федерации – 18009,8 тыс. руб. Экспорт для стран дальнего зарубежья значительно ниже и составляет всего лишь 238 тыс. руб.

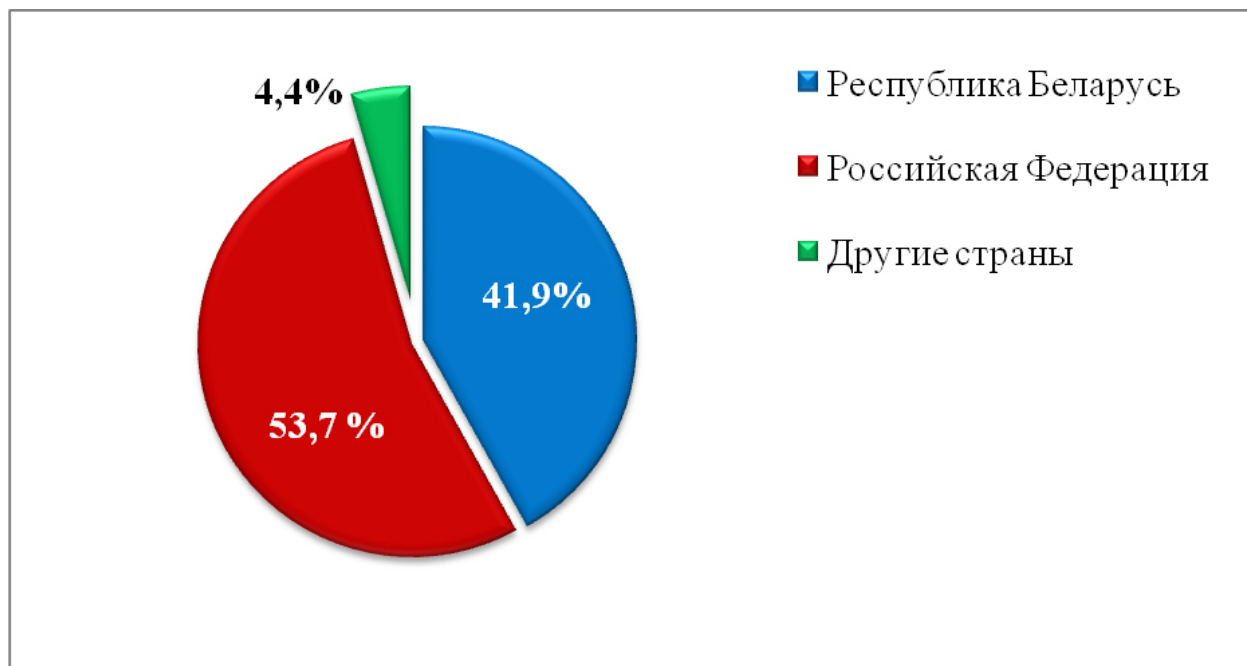

Рисунок 1 – Объемы продаж по рынкам сбыта.

Таблица 1 – Показатели внешнеэкономической деятельности ОАО завода «ВИЗАС»

Экспорт	Тыс. руб.
Всего	19485,8
В т.ч. по регионам	
Россия	18009,8
Страны СНГ	1237,6
Дальнее зарубежье	238

В Республике Беларусь сложились долгосрочные договорные отношения с ПО «Гомсельмаш», ОАО «Минский тракторный завод», ОАО «Минский автомобильный завод», ОАО «Минский завод колесных тягачей», ОАО «Минский завод шестерен», ОАО «ГродноАзот», ОАО «БелАЗ», ОАО «Оршанский инструментальный завод», ОАО «Минский моторный завод», ОАО «Гомельский завод «СИИТО»».

В Российской Федерации наиболее динамично развиваются отношения с Москвой, Московской, Свердловской, Воронежской, Омской, Челябинской, Пермской, Волгоградской, Ростовской, Рязанской и Владимирской областями: ОАО «УМПО» (Уфа), ОАО «РСК «МиГ»» (Луховицы), ОАО «Звездочка» (Северодвинск), ОАО «Концерн «Калашников»» (Ижевск), ООО «Технопарк «Тракторозаводский»» (Челябинск), ФГУП «НПЦ газотурбостроения «Салют»» (Москва), ОАО «СИЗ «ТВИНТОС»» (Серпухов) и прочие.

ОАО завод «ВИЗАС» имеет потенциальную возможность производить оборудование, необходимое вышеуказанным предприятиям. Однако наличие кредиторской задолженности, износ основных фондов, недостаток оборотных средств не позволяют освоить выпуск качественно новой высокотехнологичной, конкурентоспособной продукции и, как результат, обеспечить рост производства и реализации.

Формирующиеся в России региональные рынки станкостроительной продукции можно реально оценить с точки зрения их предпочтительности для реализации оборудования ОАО завода «ВИЗАС». Наиболее широким спектром производителей и потребителей станкостроительной продукции обладают старопромышленные районы России, что делает этот рынок наиболее емким и устойчивым. Рынок северо-западного региона России обладает серьезным потенциалом за счет наращивания внутрирегиональной кооперации и торговли.

Предприятие осуществляет маркетинговую деятельность, направленную на освоение рынков стран Европейского союза и дальнего зарубежья и наращивание экспорта. Продвижение продукции на этих рынках имеет ряд факторов, отличающих продвижение продукции в страны СНГ, – это наличие сертификатов качества, таможенное оформление, наличие ввозных пошлин, наличие конкурентной продукции-аналогов мировых лидеров-производителей, политика государства, сложные логистические схемы и пр.

Предприятие имеет опыт сотрудничества по продаже серийных заточных станков с Вьетнамом, Турцией, Ираном и Ираком. В последнее время аналоги заточных станков закупаются у

производителей Китая и Тайваня, цены которых значительно ниже. С Ираном и Ираком в результате сложившейся политической ситуации в этих странах отношения не поддерживаются.

На рынке этих стран широко представлены дешевые, но невысокого качества заточные станки из Китая, Таиланда и некоторых других стран Тихоокеанского региона. Переписка и переговоры по вопросам приобретения нашей продукции с Китаем и Вьетнамом ведутся регулярно, но в силу национальной специфики ведения переговоров намерения по заключению договоров не воплощены. Реальной перспективой сотрудничества может стать работа со станкоторговой E.G. Tech, Египет.

Рынок Западной Европы характеризуется разовыми продажами заточных станков, запчастей, а также станков, изготавливаемых по чертежам заказчика. Рынок учитывает высокие требования, предъявляемые к станкам. Это касается сертификатов соответствия требованиям безопасности CE, точностных параметров станка. На рынке сложились традиции по использованию в станках определенного качества подшипников, ремней, электродвигателей, электроаппаратуры и т.п. Все это затрудняет продажу на этом рынке заточных станков в том виде, в котором они изготавливаются сегодня.

Реальной перспективой сотрудничества может стать работа со станкоторговыми компаниями MEXIM SP Z.O.O. (Республика Польша) и STRATEGIA INVEST (Республика Словения), а также участие в выставочных мероприятиях на территории стран ЕС. Предприятие приняло предложение от компании American Brochard Machine Co по сотрудничеству в области совместного производства и реализации станков для заточки протяжек на территории стран СНГ. Проведен ряд переговоров, подписан протокол о намерениях, составлен план сотрудничества, реализация которого уже осуществляется.

В целях развития товаропроизводящей сети за рубежом и защиты экономических интересов предприятия заключены договора с субъектами товаропроизводящей сети в России, Украине, Иране. В качестве основной формы сотрудничества предприятием определено сотрудничество в рамках дилерского договора (для стран СНГ) и агентского соглашения (для стран дальнего зарубежья).

Выбор субъекта предпринимательской деятельности в качестве субъекта товаропроизводящей сети за рубежом осуществляется с учетом основных критериев: набор представляемых маркетинговых, рекламных услуг, услуг сбыта; возможность оказания услуг по сервисному обслуживанию.

живанию продукции; стабильность финансового положения и платежеспособность [6].

На предприятии утвержден реестр субъектов товаропроводящей сети, который изменяется и пополняется в течение года. Официальными дилерами ОАО завод «ВИЗАС» на внешних рынках являются: ООО «Станэксим-М» и ООО «Белстанко» г. Москва, РФ; ООО «СТМ-Маркет», г. Великие Луки, РФ; ООО «РОСПО», г. Рудня, РФ; ООО «Станэксим-Украина», г. Днепропетровск, Украина; ООО «ТД «Белорусские станки»», г. Смоленск, РФ; ИП «ПромТехАстана» г. Астана, Казахстан; ООО «Белукрстанкоинструмент», г. Киев, Украина; ООО «Инвест-Станко», г. Химки, РФ; ОАО «Станкомонтаж», с. Новая Отрадовка, Башкирия; ООО «СП «СТАН-Комплект»» г. Киев, Украина; ООО «Станкокомпания «Гигант»», г. Москва, РФ. Рассмотрим удельный вес реализации продукции по субъектам товаропроводящей сети предприятия (рисунок 2).

Из рисунка 2 видно, что наибольший объем реализации продукции в размере 28% (около 291000 долларов США) приходится на дилеров ООО «Белстанко» и ООО «СТМ-Маркет». Вторую позицию в 13,7% (142000 долларов США) занимает ООО «ТД «Белорусские станки»», за ним следует ИП «ПромТехАстана» – 8,6% и ООО «Инвест-Станко» – 8,3%.

При заключении договоров с субъектами товаропроизводящей сети за рубежом осуществляется анализ представленных данных субъектом учредительных (регистрационных) документов, свидетельствующих о текущем финансово-экономическом состоянии.

С дилерами, не отраженными на рисунке 2, на протяжении исследуемого периода не заключались договора на поставку продукции.

Сотрудничество с субъектами товаропроизводящей сети предприятия за рубежом позволяет добиться положительных экономических результатов, важнейшими из которых являются:

- осуществление маркетинговых исследований в данном регионе деятельности с целью продвижения товара производителя;
- сокращение и упрощение процедуры согласования договоров и исполнение обязательств в соответствии с законодательством стран региона;
- возможность планирования объемов производства и поставок товара;
- возможность планирования объемов поступления денежных средств;
- сокращение времени и затрат на сервисное обслуживание продаваемых товаров в регионах.

Основными конкурентами ОАО завода «ВИЗАС» в области производства и сбыта заточного оборудования на рынках стран СНГ являются только западные фирмы, так как эти виды оборудования не изготавливались и не изготавливаются предприятиями бывшего СССР, а теперь СНГ. Ведущими западными фирмами-конкурентами выступают: «WALTER», «SAACE», «STRAUSAK», «ANCA» и др. Эти фирмы характеризуются хорошей репутацией на рынке, отлаженным сервисным обслуживанием.

Свое преимущество перед западными фирмами ОАО завод «ВИЗАС» видит, прежде всего, в более низкой цене при подобных показателях качества, в возможности организации сервисного гарантийного обслуживания на территории бывшего СССР, в том, что оборудование ОАО завода «ВИЗАС» более адаптировано к заточке инструмента согласно ГОСТу.

В области производства и сбыта 5-ти координатных заточных станков с ЧПУ основными конкурентами являются фирмы: «WALTER» (Германия), «STRAUSAK», «EWAG» (Швейцария), «ANCA» (Австрия). Эти фирмы характеризуются хорошей репутацией на рынке, у них большой опыт изготовления заточных станков, имеют службы сервисного обслуживания в Европе.

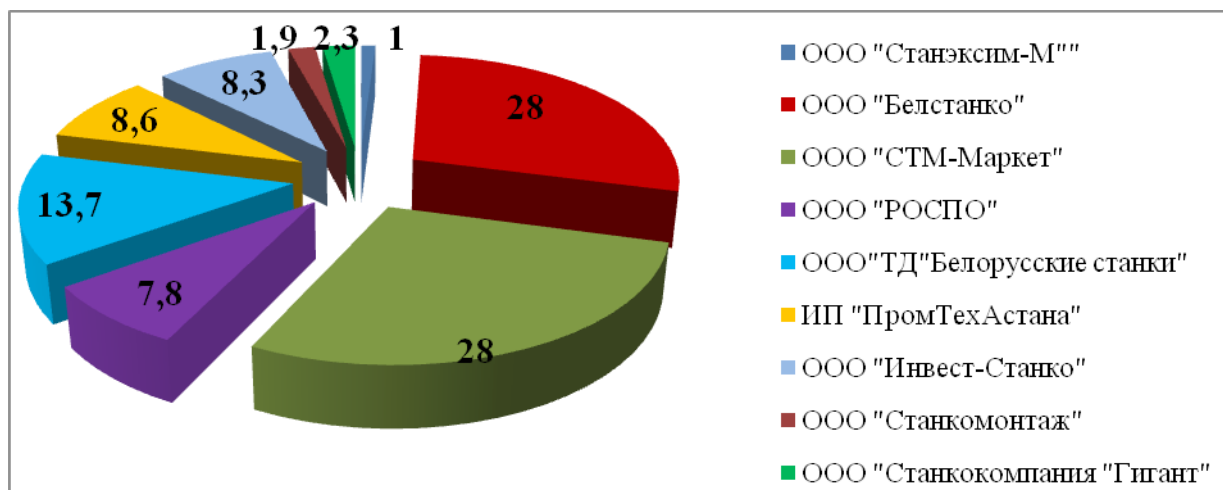

Рисунок 2 – Каналы сбыта продукции по субъектам товаропроизводящей сети, в %.

Основными конкурентами ОАО завода «ВИЗАС» в области производства *деревообрабатывающего оборудования* выступают специализированные предприятия бывшего СССР, а также ряд западных фирм, таких как «FELDER», «SHEPPAN», «ЕМКО» и др.

Ведущими производителями и продавцами *зубошлифовального оборудования* на рынке стран СНГ являются такие фирмы, как «Liebherr» (Германия), «Reishauer» (Швейцария, Германия), «Gleason-PFAUTER» (США–Германия). На сегодняшний день на рынке СНГ нет отечественных производителей современных зубошлифовальных станков с ЧПУ. Стоимость зубошлифовальных станков с ЧПУ ведущих западных фирм от 800000–1000000 евро. ОАО завод «ВИЗАС» свое преимущество в конкурентной борьбе видит в возможности наиболее полного удовлетворения запросов потенциального покупателя, более низкой цене, качественном обслуживании на территории СНГ.

Главными поставщиками *резьбошлифовальных и шлицешлифовальных станков* на рынке СНГ являются «FAVRETTO», «KOPP», «OTTOFLEX BY EMMERRE», «SAMPUTENSILI».

Станки мировых производителей, отличающиеся высоким качеством, имеют и высокие цены (от 1000000 \$) и мало доступны отечественным потребителям и большинству потенциальных потребителей в странах СНГ.

Предполагаемые к выпуску ОАО завода «ВИЗАС» *шлицешлифовальные станки*, учитывающие в конструкции последние достижения техники, обладающие высокой производительностью, широкой универсальностью при относительно невысокой цене, должны занять эту нишу в стране, странах СНГ и имеют определенную перспективу в дальнейшем выйти на рынок стран Восточной и Центральной Европы. Самый серьезный сильный конкурент – ЧПУ «SIEMENS» (Германия), занимающий лидирующее положение на рынке. На ЧПУ

«SIEMENS» действует система менеджмента качества, соответствующая требованиям международного стандарта, что подтверждено Сертификатом Госстандарта РБ и сертификатом TUV CERT (Германия).

Заключение. При анализе рынков сбыта установлено, что значительная доля продукции ОАО завода «ВИЗАС» поставляется в Российскую Федерацию и Республику Беларусь.

На основании проведенного анализа каналов сбыта продукции по субъектам товаропроизводящей сети выявлено, что наибольший объем реализации продукции в размере 28% приходится на дилеров ООО «Белстанко» и ООО «СТМ-Маркет».

Выявлено, что предприятие осуществляет маркетинговую деятельность, направленную на освоение рынков стран Европейского союза и дальнего зарубежья и наращивание экспорта.

Таким образом, установлено, что опыт сотрудничества с другими странами у предприятия есть и необходимо расширять географию и осваивать новые рынки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекиш, Е.И. Экономическая эффективность деятельности ОАО «Витебский маслоэкстракционный завод» и направления ее повышения / Е.И. Бекиш // Право. Экономика. Психология. – 2017. – № 2(7). – С. 34–38.
2. Бекиш, Е.И. Анализ управления финансовой деятельностью на ОАО «Витебский мясокомбинат» / Е.И. Бекиш, Е.Е. Мантур // Ученые записки УО «ВГАВМ». – 2012. – Т. 47, вып. 2. – С. 243–246.
3. Бекиш, Е.И. Анализ резервов повышения эффективности хозяйствования и рентабельности в ОАО «Молоко» / Е.И. Бекиш, Р.В. Бекиш // Ученые записки УО «ВГАВМ». – 2012. – Т. 46, вып. 2. – С. 335–338.
4. Гаркавая, В.Г. Экономика предприятия / В.Г. Гаркавая. – Минск: Изд-во Гревцова, 2009. – 360 с.
5. Информация о результатах анализа состояния и развития отрасли станкостроения в государствах-членах ТС и ЕЭП [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org>. – Дата доступа: 18.02.2017.
6. Березин, И.С. Маркетинг и исследования рынков: учебник / И.С. Березин. – М.: Русская Деловая Литература, 2004. – 416 с.

Поступила в редакцию 27.04.2018 г.

Развитие макрологистической системы дорожного хозяйства: теоретико-методологические основы

Царенкова И.М.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет транспорта»

Процесс формирования единой логистической системы требует развития пропускных мощностей транспортной инфраструктуры сопредельных государств. Одним из основных условий обеспечения высоких скоростей грузопотоков является наличие высококачественных автомобильных дорог. В Беларуси ведется активная работа по модернизации существующей дорожной сети, особенно на направлениях международных транспортных маршрутов, что требует значительных финансовых вложений. При этом эффективное сочетание транзитных и логистических функций транспортной системы, реализуемых с участием автомобильных дорог, требует разработки научной теории развития логистических систем в дорожном хозяйстве.

Цель статьи заключается в развитии теоретических основ функционирования макрологистической системы дорожного хозяйства в контексте создания эффективной инновационно-ориентированной инфраструктуры.

Материал и методы. Материалом послужили труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов и дорожников, данные отчетов НИР, выполняемых автором, статистические показатели развития дорожного хозяйства. В качестве методической основы применены системный и институциональный подходы, общенаучные методы анализа, синтеза и оптимизации логистических систем.

Результаты и их обсуждение. Логистическая система дорожного хозяйства формируется и в дальнейшем развивается в соответствии с требованиями экономики в удовлетворении безопасных и бесперебойных перевозок грузов и пассажиров с минимальными затратами времени и ресурсов. Целью логистической системы на макроуровне является обеспечение оптимальных условий для направленного движения транспортных потоков по автомобильным дорогам, организованных в различных отраслях народного хозяйства. Установлены границы макрологистической системы дорожного хозяйства и представлена ее содержательная характеристика с позиции воспроизводственного подхода к производственным ресурсам. Выявлен циклический характер происходящих в ней процессов, выделены основные циклы, позволяющие разграничить производственно-технологические комплексы работ, реализуемые в дорожном хозяйстве от сферы обращения его продукции. Сформирована модель макрологистической системы, включающая совокупность блоков, синтезирующих логистические потоковые процессы. Предлагается оптимизацию потоковых процессов строительства, реконструкции, капитального ремонта, ремонта и содержания автомобильных дорог производить в рамках макрологистической системы дорожного хозяйства, координируя их с потоковыми процессами эксплуатации дорог. Определены базовые ключевые моменты сопряжения различных форм логистического потока, показаны их особенности, отражающие специфику исследуемой отрасли.

Заключение. Выявлены организационно-экономические особенности макрологистической системы дорожного хозяйства Республики Беларусь в контексте создания эффективной инновационно-ориентированной инфраструктуры, даны рекомендации по совершенствованию происходящих в ней потоковых процессов.

Ключевые слова: автомобильная дорога, дорожное хозяйство, макрологистическая система, логистический поток.

Development of the Macrologistical System of Road Management: Theoretical and Methodological Bases

Tsarenkova I.M.

Educational Establishment "Belarusian State University of Transport"

The process of shaping a unified logistics system requires the development of capacity of the transport infrastructure of neighboring countries. One of the main conditions for ensuring high speeds of freight traffic is the availability of high-quality roads. In Belarus there is active work on modernization of the existing road network, particularly in the areas of international transport routes that require significant investment. At the same time, an effective combination of transit and logistics functions of the transport system, implemented with the participation of highways, requires the development of a scientific theory of the development of logistics systems in the road sector.

The purpose of the article lies in the development of theoretical bases of functioning of the macrologistical system of road management in the context of effective innovation-oriented infrastructure.

Material and methods. The material was the works of domestic and foreign scientists-economists and road workers, data of research reports carried out by the author, statistical indicators of road development. System and institutional approaches, general scientific methods of analysis, synthesis and optimization of logistics systems are used as a methodological basis.

Findings and their discussion. Logistics system of road management formation of the team is being built and further developed in accordance with the requirements of the economy, satisfies the creation of safe and smooth transportation of goods and passengers with minimal over-expenditure of time and resources. The purpose of the logistics system at the macro level is to provide optimal conditions for the directional movement of traffic flows

on roads, organized in various sectors of the economy. The boundaries of the macrologistical system of road management and submitted to its substantial characteristics from the position of the reproduction approach to productive resources. Identified the cyclical nature of its processes, identified the main cycles that distinguish industrial-technological work packages implemented in the road sector from the sphere of circulation of its products. Form of the Rowan model of macrologistical system, including a set of blocks, Sintesi-lactation logistics flow processes. Proposed optimization of flow processes of construction, reconstruction, overhaul, repair and maintenance of auto-tomobilnym ways to generate in the framework of the macrologistical system of road management, coordinating them with the stream processes of road maintenance. The basic key points of interconnection of various forms of logistic flow are determined, their values reflecting the specifics of the studied industry are shown.

Conclusion. The organizational and economic features of the macrologistic system of the road economy of the Republic of Belarus in the context of the creation of an effective innovation-oriented infrastructure are revealed, recommendations on the improvement of the flow processes occurring in it are given.

Key words: motorway, road sector, macrologistical system, logistics flow.

На современном этапе транспортный комплекс Республики Беларусь обеспечивает стабильное удовлетворение потребностей экономики и общества в услугах по перемещению грузов и пассажиров. Учитывая прогнозируемые к 2020 году рост грузооборота автомобильного транспорта на 106,8% и увеличение объемов логистических услуг в 1,5 раза по отношению к 2015 году, дальнейшие исследования должны проводиться в области решения задач по совершенствованию условий функционирования транспортного комплекса и развитию инфраструктуры, выполнению показателей экономической эффективности [1; 2].

В развитии объектов транспортной инфраструктуры особое внимание уделяется сети автомобильных дорог, совершенствованию транспортно-логистической деятельности. Различным аспектам совершенствования материально-технического обеспечения при его взаимодействии с транспортом посвящены работы Л.Л. Афанасьева, Л.А. Бронштейна, В.С. Лукинского, С.М. Резера и др.

Стабилизация экономики страны во многом зависит от создания и использования новых механизмов управления, способных значительно повысить эффективность функционирования как отдельных предприятий, так и целых сложных экономических систем. Здесь важная роль принадлежит логистике.

Ведутся исследования в области классификации видов логистики, логистических систем, научно-методических и концептуальных подходов к ее использованию в транспортной и других сферах деятельности. В нашей стране накоплен достаточный опыт в области логистики как науки об управлении и практической деятельности по планированию, организации и управлению материальными и связанными с ними информационными, финансовыми, сервисными и другими потоками. В работах белорусских (И.А. Еловой, Р.Б. Ивуть, С.А. Пелих, И.И. Полещук и др.), российских (Б.А. Аникин, А.И. Семененко, В.И. Сергеев, С.А. Уваров и др.) и зарубежных (Р. Баллоу, Д. Бауэрсокс, Д. Класс и др.) ученых разработаны методология, модели, технологии, методы и ин-

струменты формирования как микро-, так и макрологистических систем.

Активное участие страны в разнообразных международных проектах требует глобализации логистики и укрупнения формируемых логистических систем, что служит необходимым дополнением реализуемых масштабных экономических процессов [3]. Современная трактовка логистики базируется на двуедином подходе к определению ее содержательной основы, т.е. как совокупность средств и методов рациональной организации товародвижения в сфере бизнеса с одной стороны, а с другой как методология управления сложными потоковыми процессами в экономических системах. Первый подход приемлем для экономических потоков отдельных предприятий и организаций, а второй – охватывает все потоковые процессы хозяйствующего субъекта, в т.ч. внешние и внутренние трансакции. В этом случае логистика представлена в достаточно широком с экономической точки зрения смысле, т.к. рассматривает ее для микро-, мезо- и макроэкономической системы [4].

В то же время требуется переосмысление существующих научно-теоретических разработок, принимая во внимание необходимость скорейшего повышения пропускной способности автомобильных дорог. Определяющую роль при этом играет организационная структура макрологистической системы дорожного хозяйства, от которой во многом зависит эффективность принимаемых управленческих решений и функционирование автотранспортной отрасли в целом.

Цель исследования заключается в развитии теоретических основ функционирования макрологистической системы дорожного хозяйства, рассматриваемой как важнейшая подсистема макрологистической системы национальной экономики, в контексте создания эффективной инновационно-ориентированной инфраструктуры.

Материал и методы. Материалом послужили труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов и дорожников, данные отчетов НИР, выполняемых автором, статистические показатели развития дорожного хозяйства. В качестве методической основы применены системный и

институциональный подходы, общенаучные методы анализа, синтеза и оптимизации логистических систем.

Результаты и их обсуждение. Управление экономическими процессами характеризуется существенными различиями в зависимости от уровней хозяйствования. На макроуровне при реализации национальных интересов, как правило, преобладают социально-общественные подходы к управлению. Системный подход к трансформации логистических процессов в Республике Беларусь предполагает структуризацию национального хозяйства на элементы, звенья, иерархические уровни и выявление взаимосвязей и взаимозависимостей, а также адаптацию объекта исследования к меняющимся условиям внешней среды, сохранение целостности системы [5].

В дорожном хозяйстве на макроуровне логистические подходы используются, прежде всего, в той мере, в какой обнаруживаются общие черты и аналогии его функционирования и развития с потоковыми процессами оптимизации организационно-экономической деятельности в сложных динамических системах.

Макрологистическая система дорожного хозяйства представляет собой структурно-композиционную целостность, объединенную общностью стратегических целей и задач, функционирующую на рынке транспортно-логистических услуг по поставке (развитие, капитальный ремонт) и продвижению (ремонт и содержание) готового продукта (автомобильной дороги) пользователям на основе концепции логистики. При этом сфера дорожного хозяйства в рамках исследования ограничивается не только дорожно-строительными и связанными с ними производственными процессами, а расширяется до границ экономических изысканий, формируясь в сложную логистическую систему с многослойным потоковым процессом, составляющим ее системообразующую основу.

Теоретическую базу построения такого рода макрологистической системы обеспечивает воспроизводственный подход к производственным ресурсам. При этом логистический подход к активации воспроизводственных процессов позволяет осуществить интенсивное развитие звеньев системы. Характерными чертами такой организации являются саморазвитие, порождаемое цикличностью воспроизводственного процесса и адаптация к изменениям. Особый акцент в развитии данной системы делается вместо количественных на качественные параметры.

Таким образом, границы макрологистической системы дорожного хозяйства зависят от состояния и степени развития рынка транспор-

тно-логистических услуг и определяются циклом *воспроизводства автомобильных дорог* и организационно-экономическим циклом их эксплуатации, включающими в себя процессы финансирования, мониторинга уровня развития сети дорог и перемещаемых по ним транспортно-логистических потоков, диагностики состояния автомобильных дорог, информационного обеспечения пользователей автомобильных дорог и производственных процессов, изысканий и проектирования во внутренней дорожной среде, осуществления процедур закупок материально-технических ресурсов, организации складского хозяйства, транспортировки, организационно-технологического распределения в рамках строительства, реконструкции, капитального ремонта, ремонта и содержания автомобильных дорог, получения дохода от эксплуатации автомобильных дорог. Следует отметить, что деление на циклы является достаточно условным и призвано разделить производственно-технологические процессы дорожного хозяйства от сферы обращения его продукции.

В целом под *воспроизводством автомобильных дорог* следует понимать потоковые процессы строительства, реконструкции, капитального ремонта, ремонта и содержания автомобильных дорог, рассматриваемые в постоянном движении и возобновлении. При этом изменяются только объекты формирования потоков, в зависимости от требований, предъявляемых к дорожной сети. Также в воспроизводственном цикле непрерывно формируются и видоизменяются организационно-потоковые процессы использования рабочей силы, выполнения производственно-технологических операций, получения финансовых выгод.

Используя логистический подход к рассмотрению дорожного хозяйства как макрологистической системы, *воспроизводство* можно представить как совокупность потоковых процессов строительства, реконструкции, капитального ремонта, ремонта и содержания автомобильных дорог и потоковых процессов их эксплуатации транспортными средствами с целью формирования экономической базы для оптимизации таких процессов в рамках единой структурно-композиционной целостности. Это единство в дальнейшем может быть конкретизировано жизненным циклом автомобильной дороги, в котором процессы производства и обращения можно условно рассматривать как отдельные периоды расширенного воспроизводства.

В процессе эксплуатации состояние автомобильной дороги постоянно изменяется как в техническом (состояние покрытия проезжей части, обочин, искусственных сооружений и т.п.), так и

экономическом (динамика объемов перевозок, грузо- и пассажирооборота, состава транспортно-го потока и т.п.) плане. В результате происходят периодические колебания и изменения транспортно-эксплуатационных показателей в пределах организационно-экономического цикла эксплуатации автомобильной дороги. Особое значение имеют изменения, происходящие на стыке эксплуатации автомобильных дорог при одновременном дорожном обеспечении перевозочного процесса, направленном на создание необходимых условий для удовлетворения всех отраслей народного хозяйства в автомобильных перевозках грузов и пассажиров с минимальными затратами времени и ресурсов.

Примерив традиционные стадии движения капитала в сфере обращения к такому логистическому объекту, как автомобильная дорога, можно констатировать наличие традиционных функциональных форм и стадий кругооборота оборотных средств:

- денежная – потоковые процессы приобретения материальных, технических и трудовых ресурсов – как часть сферы обращения;

- производственная – потоковые процессы производства строительно-монтажных работ на автомобильной дороге – воспроизводственная сфера;

- товарная (реализация готовой продукции) – потоковые процессы эксплуатации автомобильных дорог – другая часть сферы обращения.

В конце обобщающего потокового процесса полученные от эксплуатации автомобильных дорог денежные средства в виде налоговых поступлений возвращаются в бюджет, приобретая свою первоначальную денежную форму. При этом наиболее конкретным и важным потоковым процессом сферы обращения является осуществление транспортного перевозочного процесса по автомобильным дорогам, обеспечивающего вовлечение не только готовой продукции дорожного хозяйства, но и продукции других отраслей в народнохозяйственный оборот.

Модель макрологистической системы дорожного хозяйства может быть представлена в виде совокупности функционально взаимосвязанных основных блоков, синтезирующих логистические потоковые процессы.

Каждый из представленных блоков может быть смоделирован в форме логистической системы, обеспечивая совершенствование организации потоковых процессов воспроизводства и обращения на всех уровнях (микро-, мезо-, макро-) в дорожном хозяйстве (рисунок 1).

Логистика имеет много направлений (закупочная, производственная, сбытовая и др.), и

рассмотрение каждого из них существенно изменяет содержание реализуемых функций в процессе строительства, реконструкции, капитального ремонта, ремонта и содержания автомобильных дорог. Также изменяется объект логистики в зависимости от ключевых позиций рассмотрения, оперируя интересами в рамках маркетинга, менеджмента, финансирования, технологических процессов. На макроуровне главное правильно сформулировать цели логистической оптимизации, оценив потребности в их осуществлении, не ограничиваясь только решением проблем материально-технического обеспечения и транспортировки продукции.

Результаты работы макрологистической системы дорожного хозяйства оцениваются с позиции целостности как конечные отраслевые результаты. Отсюда понятие конечного результата для логистических систем разных уровней и масштабов будет трансформироваться в зависимости от сложности их внутренней структуры. Цели макрологистической системы дорожного хозяйства рассматриваются через призму достижения планируемых стратегических целей Государственных программ развития транспортного комплекса, логистической системы страны и др. и оптимизации основных оперативных процессов в дорожном хозяйстве (реконструкции, капитального ремонта автомобильных дорог). Стратегическое целеполагание связано с решениями, последствия которых сказываются в течение длительного времени, отмена или исправление которых повлечет за собой дополнительные финансовые затраты и потери в народном хозяйстве.

Совокупность организационных действий в системных объектах, объединенных общностью конечных целевых результатов, порождает существование потоков и необходимость оптимизации происходящих в них процессов, что входит в функции логистики. Специфика формирования и особенности потоков в макрологистической системе дорожного хозяйства представлены на рисунке 2.

При вариантной проработке способов решения задач по достижению стратегических целей макроуровня формируются экономические показатели, определяющие потребность в различного вида ресурсах. Это исходная точка зарождения логистического потока. Выполняемое обоснование инвестирования в строительство формирует первичные информационные и финансовые потоки, которые пока еще являются абстрактными, но начинают свое направленное движение к потребителю. По мере продвижения по уровням макрологистической системы информация детализируется, используется в качестве

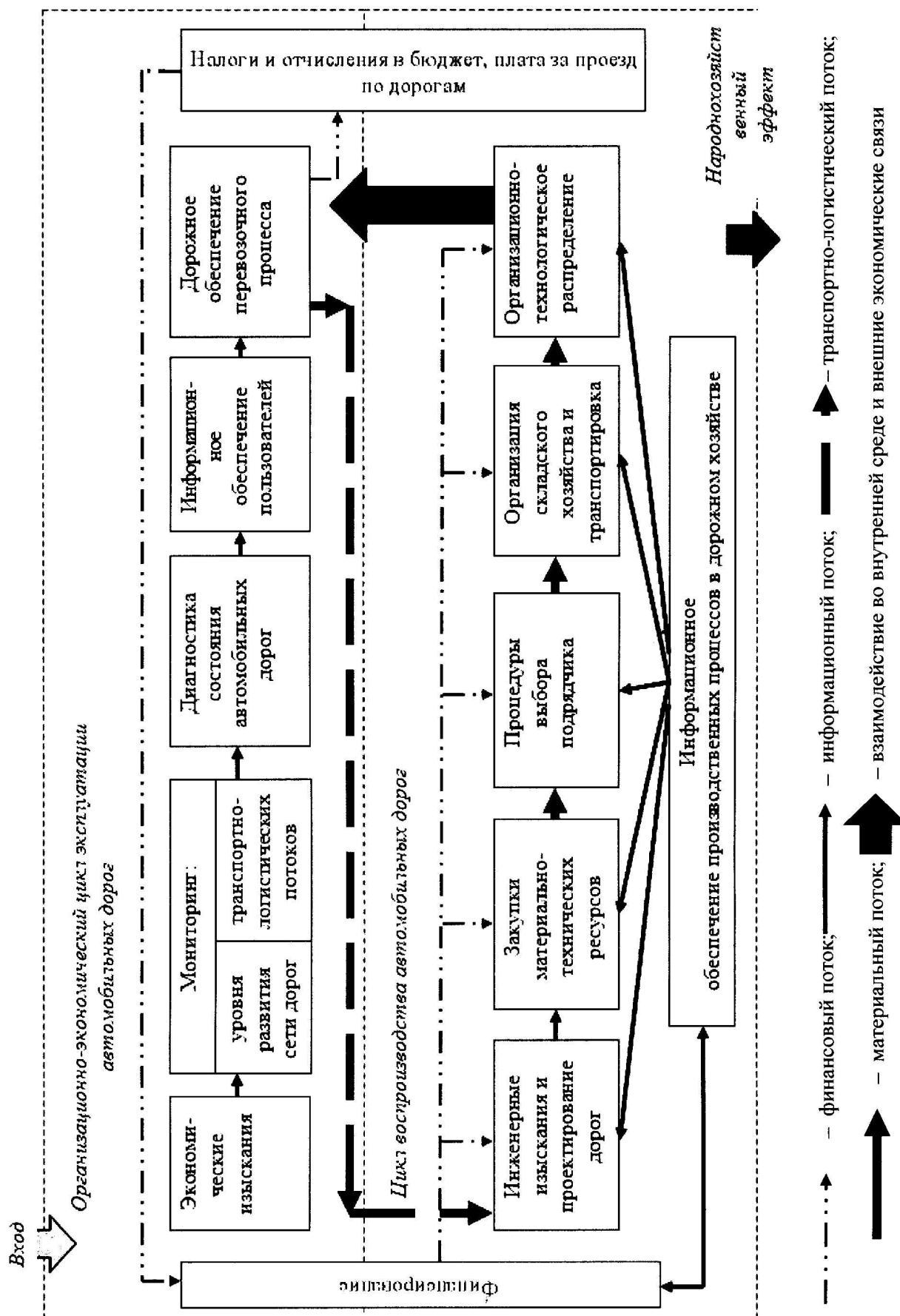

Рисунок 1 – Модель функциональных задач макрологистической системы дорожного хозяйства.

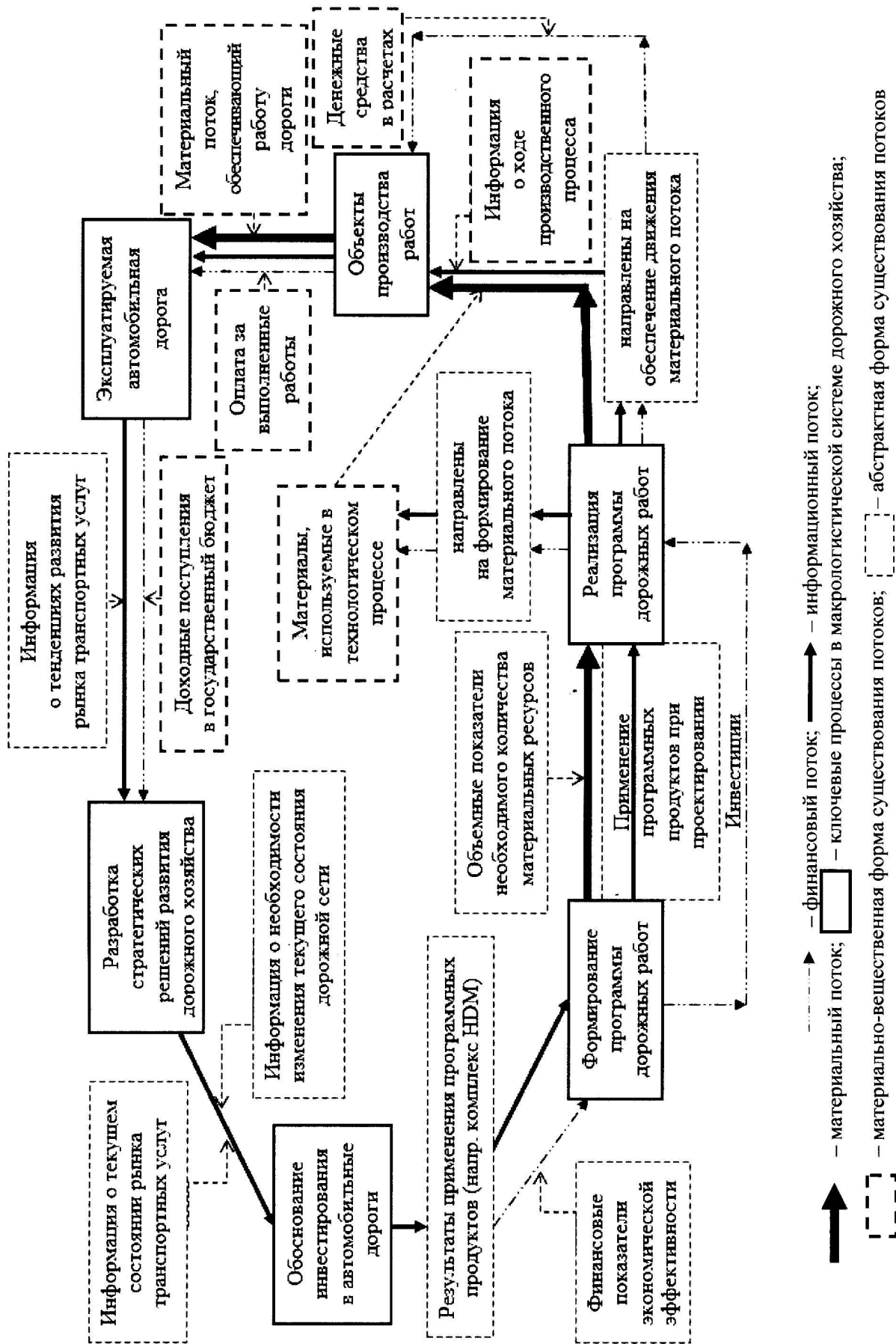

Рисунок 2 – Укрупненная схема формирования потоков макрологистической системы дорожного хозяйства.

исходной различными программными продуктами, перерождаясь в ценные данные для пользователей. Финансовые потоки из результатов предварительных расчетов эффективности приобретают многообразие конкретных форм денежных расчетов между субъектами производственных отношений. Материальный поток формируется гораздо позже, только при реализации конкретных проектных решений, необходимых для достижения целей макроуровня.

Первичными в макросреде дорожного хозяйства являются абстрактные потоки, не имеющие материально-вещественной основы (информационный, финансовый), что позволяет принимать в дальнейшем экономически обоснованные организационные и производственные решения. В последующем названные потоки необходимо структурировать на две составляющие: одна из которых трансформируется в материальный поток, приобретая материально-вещественную форму, вторая – продолжает свое движение, выполняя его содержательное сопровождение при выполнении работ по строительству, реконструкции, капитальному ремонту автомобильных дорог.

После сдачи готового объекта в эксплуатацию материальный поток прекращает свое существование в первоначальной форме исходных материальных ресурсов, став материальной основой конструктивных частей автомобильной дороги, тем самым продолжая свое функционирование в форме готовой продукции на временном интервале доведения ее до пользователей (этап эксплуатации автомобильной дороги). Ограничим этот период границами временного периода до появления необходимости повышения пропускной и провозной способности автомобильной дороги. Следует отметить, что в это же время в составе материального потока структурируются относительно мелкие его проявления, функционирующие при содержании и ремонте автомобильных дорог, которые нецелесообразно рассматривать на макроуровне, усложняя объект исследования. Здесь вновь возрастает роль финансовых и информационных потоков. Плата за проезд по автомобильным дорогам и другие платежи и отчисления, установленные законодательством, формируют дорожный фонд, создавая основу для последующей реализации стратегических целей макроуровня. Информационные потоки, функционирующие как в среде дорожного хозяйства, так и в его внешнем окружении синтезируют опреде-

ленные информационные продукты (дорожно-измерительные станции, GPSS и др.), позволяющие оптимизировать движение транспортно-логистических потоков по автомобильным дорогам и снизить связанные с этим финансовые расходы других отраслей народного хозяйства.

Заключение. Таким образом, можно констатировать наличие двух форм существования потоков в макрологистической системе (абстрактной и материально-вещественной), что является ее отличительной особенностью и должно учитываться при организации логистических систем на других уровнях. Оптимизация развития отраслей в национальной экономике неразрывно связана с целенаправленным комплексным представлением потоковых процессов в дорожном хозяйстве, что возможно только при условии организационного, технологического, экономического и информационного единства. Повышенная значимость совокупных результатов должна учитываться при решении масштабных задач на макроуровне. При функционировании макрологистической системы дорожного хозяйства возможно совершенствование большого количества взаимосвязей, основанных на взаимной зависимости и объективной необходимости взаимодействия различных организационных структур при исполнении логистического процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственная программа развития транспортного комплекса Республики Беларусь на 2016–2020 годы: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 28 апреля 2016 г., № 345 [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 07.05.2016, 5/42042. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21600345>. – Дата доступа: 02.04.2018.
2. Республиканская программа развития логистической системы и транзитного потенциала на 2016–2020 годы: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 18 июля 2016 г., № 560 [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 22.07.2016, 5/42364. – Режим доступа: <http://bitrix.pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2016/july/10723/>. – Дата доступа: 02.04.2018.
3. Glazyev, S.Yu. The Future of the World Economy Is an Integrated World Economic Structure [Economy of Region] / S.Yu. Glazyev, A.E. Ajvazov, V.A. Belikov // *Ekonomika regiona*. – 2018. – № 14(1), 1–12.
4. Ивуть, Р.Б. Логистика / Р.Б. Ивуть. – Минск: БНТУ, 2013. – 229 с.
5. Борисова, В.В. Особенности трансформации логистических процессов в Республике Беларусь / В.В. Борисова, К.Г. Гордей // *Изв. С.-Петербург. гос. экон. ун-та*. – 2015. – № 5(95). – С. 30–36.
6. Нечаев, А.С. Современные подходы к формированию инновационной макрологистической системы / А.С. Нечаев // *Вестн. стипендиатов ДААД*. – 2012. – № 1(9). – С. 70–77.

Поступила в редакцию 23.04.2018 г.

Проблемы расширения экономической базы развития территориальных общин

Евдокимов А.В.

Харьковский национальный университет городского хозяйства, Украина

Последние годы для Украины ознаменовались появлением тенденции к существенному усилению роли органов местного самоуправления в социально-экономическом функционировании и развитии страны, что вынудило отечественных исследователей и управленцев к поискам возможностей расширения ресурсной базы обеспечения выполнения муниципальными образованиями делегированных им функций и их развития в целом.

Целью данной публикации является выявление недостатков отечественной системы финансирования местного самоуправления по сравнению с аналогичными системами стран восточной Европы, а также поиск источников покрытия возможного дефицита местных бюджетов как результата проявления данных недостатков.

Материал и методы. Материалом для публикации послужили информационные данные о структуре доходов местного самоуправления стран восточной Европы, а также нормативные документы, регулирующие порядок формирования экономической базы территориальных общин Украины. В качестве методов выступили сравнительный анализ, систематизация и обобщение исследовательских данных, представленных в научной литературе. В статье рассмотрены зарубежная практика формирования местных бюджетов, а также различные подходы к определению местных финансов и, соответственно, материальной и финансовой базы развития территориальных общин.

Результаты и их обсуждение. Законодательство многих из проанализированных стран закрепляет за органами местного самоуправления существенную часть бюджетных доходов в виде обязательных платежей, что, как показывает исследование, прямо коррелирует с уровнем их управленческой эффективности. Однако в структуре доходов бюджетов общин Украины поступления от взимания налогов и сборов занимают весьма малую часть, которой недостаточно для покрытия даже 50% ее текущих расходов, что порождает необходимость поиска и мобилизации дополнительных источников дохода муниципальных образований.

Заключение. С целью увеличения поступлений в бюджет общины целесообразным является ее объединение с другими общинами, а также привлечение средств государственного бюджета, экономических субъектов общины и внешних заёмщиков.

Ключевые слова: местное самоуправление, налоги и сборы, местные финансы.

Issues of the Economic Base Expansion of the Development of Municipalities

Ievdokimov O.V.

Kharkiv National University of Municipal Economy, Ukraine

For Ukraine recent years were marked by the emergence of a trend towards a significant strengthening of the role of local self-government in the social and economic functioning and development of the country. It forced domestic researchers and managers to seek opportunities to expand the resource base to ensure that the municipalities fulfill the functions delegated to them and their development.

The purpose of this publication is to identify the shortcomings of the domestic system of financing local self-government in comparison with similar systems in Eastern Europe, as well as to find sources to cover the possible deficit of local budgets as a result of these deficiencies.

Material and methods. Materials of the publication were the data on the structure of local self-government revenues in Eastern Europe, as well as regulatory documents governing the formation of the economic base of territorial communities in Ukraine. As methods, comparative analysis, systematization and generalization of research data presented in the scientific literature were used. The article presents the foreign practice of forming local budgets, as well as various approaches to the definition of local finance and, accordingly, the material and financial basis for the development of territorial communities.

Findings and their discussion. The legislation of many of the analyzed countries fixes a significant part of budget revenues in the form of compulsory payments to local self-governments, which, as the study shows, directly correlates with the level of their managerial effectiveness. However, in the structure of the revenues of the budgets of the communities of Ukraine, receipts from the collection of taxes and fees occupy a very small part, which is insufficient to cover even 50% of its current expenditure, which raises the need to search for and mobilize additional sources of income for municipalities.

Conclusion. In order to increase revenues to the municipality budget, it is expedient to unite it with other municipalities, as well as attract funds from the state budget, economic entities of the municipality and external borrowers.

Key words: local self-government, taxes and fees, local finance.

Начиная с 2014 года одной из приоритетных задач действующего правительства Украины стала децентрализация власти посредством передачи определенных функций органов государственного администрирования муниципальным образованиям, что порождает необходимость расширения их экономической базы для полного и бесперебойного осуществления всех возложенных на них функций. Однако доходная база таких образований жестко ограничивается как нормативно, так и сложившейся экономической ситуацией в стране, что обуславливает необходимость поиска альтернативных источников наполнения местных бюджетов, что является целью данной публикации. Проблемы формирования местных бюджетов освещались в работах таких исследователей, как О. Бориславская, И.Б. Заверуха, А.М. Школик, В. Гетько, О. Кирилленко, В. Кравченко, О. Пчелинцев, N. Ntanta, E. Innocent, B. Deante [1–7], и многих других, однако вопросы неналоговых путей их формирования не являются раскрытыми полностью.

Цель данной публикации – выявление недостатков отечественной системы финансирования местного самоуправления по сравнению с аналогичными системами стран восточной Европы, а также поиск источников покрытия возможного дефицита местных бюджетов как результата проявления данных недостатков.

Материал и методы. Материалом для публикации послужили информационные данные о структуре доходов местного самоуправления стран восточной Европы, а также нормативные документы, регулирующие порядок формирования экономической базы территориальных общин Украины. В качестве методов выступили сравнительный анализ, систематизация и обобщение исследовательских данных, представленных в научной литературе.

Результаты и их обсуждение. Современная украинская экономическая политика направлена на отведение местному самоуправлению ключевой роли в обеспечении потребностей населения страны, что уже подразумевает соблюдение муниципалитетами двух условий:

- наличие ресурсов для полного, своевременного и бесперебойного удовлетворения потребностей населения;
- наличие ресурсов для развития, то есть увеличение потенциала данного удовлетворения.

Как показывает проведенный анализ, в ряде стран западной Европы соблюдение данных двух принципов достигается путем нормативного расширения источников формирования доходной базы бюджетов их территорий.

С целью разработки предложений по совершенствованию системы отечественных местных финансов автор решил проанализировать структуры и особенности формирования местных бюджетов стран Восточной Европы, которые похожи по административному устройству, географическим и демографическим признакам, в частности, опыт Польши, Болгарии и Венгрии. Проведенный анализ доходов местных бюджетов исследуемых стран позволил выделить похожие их источники:

- собственные доходы;
- общая субвенция;
- целевые дотации из государственного бюджета;
- иностранные ресурсы, не подлежащие возврату;
- ресурсы Европейского союза;
- другие ресурсы, определенные конкретными правовыми нормами.

Рассмотрим особенности структуры и механизма функционирования местных финансов по каждой из исследуемых стран отдельно.

По нашему мнению, основной особенностью Польши является удачная реформа местного самоуправления. На сегодняшний день в Польше существует три уровня системы самоуправления: гмина – уезд – воеводство, которые являются независимыми друг от друга. Местный бюджет страны состоит из налоговых поступлений (косвенные налоги, акцизы, личный подоходный налог, корпоративный налог на прибыль) и неналоговых поступлений.

Основные источники собственных доходов различных уровней в Польше приведены в таблице 1.

Местный бюджет Болгарии состоит из двух уровней – общин и округов. К полномочиям местного самоуправления относится взимание налогов на недвижимость, наследство, дарение и др.

В Венгрии можно выделить два уровня местной власти – муниципалитеты и графства. Главные доходы поступают в местные бюджеты из следующих источников:

- местные налоги и сборы, которые устанавливают муниципалитеты (в пределах, определенных законодательством);
- дивиденды и доходы от собственной деятельности, рента коммунальной собственности и тому подобное;
- выполнение обязанностей в соответствии со специальным законом;
- получение трансфертов;
- пропорциональные поступления финансов для защиты окружающей среды и защиты памятников, находящихся на территории муниципалитета;

– доходы от продажи охотничьих лицензий на своей территории [3].

Основными видами местных налогов в Венгрии являются налог на собственность, коммунальный налог и местные бизнес-налоги.

Итого, мировой опыт стран Восточной Европы свидетельствует об удачных результатах реформ местного самоуправления, состоящих, прежде всего, в предоставлении автономии местным органам власти и расширении собственных доходов.

Налоговый же кодекс Украины содержит только 5 местных налогов и сборов. К местным налогам относятся:

1) налог на недвижимое имущество, отличное от земельного участка;

2) единый налог.

К местным сборам относятся:

3) сбор за осуществление некоторых видов предпринимательской деятельности;

4) сбор за места для парковки транспортных средств;

5) туристический сбор.

Помимо этого, местным органам самоуправления запрещается самостоятельно устанавли-

вать собственные налоги и сборы. Это обуславливает отсутствие:

– финансовой автономии на местном уровне;

– мотивации органов местного самоуправления к качественному обслуживанию населения;

– конкуренции между различными территориальными общинами, что приводит к «консервированию» власти.

Результаты проведенного исследования позволили выделить три способа преодоления возможного дефицита:

1) Объединение общин.

В отличие от отдельных, объединенные общины, согласно украинскому налоговому законодательству, закрепляют за собой:

– 60% налога на доходы физических лиц;

– 25% экологического налога;

– 5% акцизного налога;

– 100% единого налога;

– 100% налога на прибыль предприятий и финансовых учреждений коммунальной собственности;

– 100% налога на имущество (недвижимость, земля, транспорт) [8].

Таблица 1 – Основные источники собственных доходов различных уровней местного самоуправления Польши [1]

Уровни	Основные источники собственных доходов
Бюджеты воеводств, гмин, уездов	– доходы от коммунального имущества; – поступления от бюджетных учреждений, коммунальных предприятий, вспомогательных хозяйств; – поступления от денежных взысканий, штрафов; – начисленные проценты за несвоевременное перечисление платежей; – наследство, подарки; – проценты от ссуд, предоставленных органами местного самоуправления, если иное не предусмотрено законом; – проценты на ресурсы, находящиеся на банковских счетах органов местного самоуправления; – дотации из бюджетов субъектов местного самоуправления
Бюджеты гмин	– налогообложение недвижимости; – сельскохозяйственный налог; – лесной налог; – налогообложение транспортных средств; – налогообложение физических лиц; – налог с владельцев собак; – налогообложение наследства и дарения; – налогообложение гражданско-правовых сделок; – гербовый сбор; – торговый сбор; – административный сбор; – местный сбор; – эксплуатационный сбор
Бюджеты уделов	– поступления от сборов, составляющих доходы удела, которые взимаются на основании отдельных предписаний; – 25% поступлений от распоряжения имуществом государства

Недостатком данного метода, по мнению ряда специалистов, является усложнение администрирования территории в силу увеличения ее площади [9].

2) Привлечение долговых средств и базовых дотаций.

Недостаток средств в местном бюджете, безусловно, может быть покрыт за счет долговых средств и финансовой помощи государственного бюджета – базовых дотаций выравнивания, однако такой подход является допустимым лишь в краткосрочной перспективе, поскольку одной из целей децентрализации в Украине выступает достижение общинами состояния полной финансовой автономности [10].

3) Добровольное привлечение средств экономических субъектов общины.

В научной литературе [2; 4; 5] отмечается, что органы самоуправления территориальных общин непосредственно могут управлять только частью финансов, относящейся именно к категории «местные финансы», то есть к финансам местных органов власти. В то же время понятие территориальных финансов значительно шире и включает финансы учреждений бюджетной сферы и субъектов хозяйствования, занимающихся коммерческой деятельностью, финансы кредитно-финансовых учреждений, финансы населения и общественных организаций, то есть всех субъектов экономических отношений территориальной общины. При этом совокупность финансовых средств указанных субъектов составляет финансовый потенциал территориальной общины.

Это означает, что финансовые отношения на уровне территориальной общины не сводятся только к местным финансам, поскольку социально-экономическое развитие общины может быть обеспечено и другими финансовыми ресурсами: средствами частного сектора, домохозяйств и других экономических субъектов, связанных с общиной.

Заключение. В результате анализа структуры доходов территориальных общин в Украине и их нормативно-правовой специфики было выявлено, что целесообразными путями наполнения местных бюджетов в нынешних украинских реалиях являются объединение территориальных общин и привлечение средств государственного бюджета, экономических субъектов общины и внешних заемщиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бориславська, О.М. Децентралізація публічної влади: досвід європейських країн та перспективи України / О.М. Бориславська, І.Б. Заверуха, А.М. Школик [та ін.]; Центр політико-правових реформ. – К.: О.М. Москаленко, 2012. – 212 с.
2. Гецько, В.В. Місцеві фінанси: суть, структура і принципи формування ресурсів / В.В. Гецько // Фінанси України. – 1999. – № 5. – С. 103–129.
3. Кириленко, О.П. Місцеві фінанси: навч. посібник / О.П. Кириленко. – Тернопіль: Карт-бланш, 2004. – 192 с.
4. Кравченко, В.І. Місцеві фінанси України: навч. посібник / В.І. Кравченко. – К.: Т-во «Знання», 1999. – 487 с.
5. Пчелинцев, О.С. Стратегия реформы и вопросы финансирования городского развития / О.С. Пчелинцев // Финансы. – 1996. – С. 12–15.
6. Deante, B. Local government reorganization in Western democracies / B. Deante. – London: SAGE, 1998.
7. Nnanta, N.E. Community driven development in the local government system: a new strategy [Електронний ресурс] / N.E. Nnanta, E.O. Innocent // Kuwait Chapter of Arabian Journal of Business and Management Review. – 2013. – Vol. 3, № 1. – Р. 1–15. – Режим доступу: http://www.arabianjbmr.com/pdfs/KD_VOL_3_1/1.pdf. – Дата доступу: 15.02.2018.
8. Формування спроможних територіальних громад: практичний посібник [Електронний ресурс]. – Режим доступу: https://www.auc.org.ua/sites/default/files/library/posibnyk_tergrweb.pdf. – Дата доступу: 13.01.2018.
9. 10 причин, чому стоить створювати об'єднані територіальні громади [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://samopomich.ua/ru/10-prychyn-chomu-slid-stvoryuvaty-ob-39-yednani-terytorialni-gromady/>. – Дата доступу: 05.01.2018.
10. Про затвердження Методики формування спроможних територіальних громад: постанова Кабінету Міністрів України від 8 квітня 2015 р. № 214 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/214-2015-%D0%BE>. – Дата доступу: 11.01.2018.

Поступила в редакцію 29.03.2018 г.

Экономическая система и социальная политика в СССР: характеристика, проблемы, полезный опыт для Беларуси

Янчук В.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В постсоветской обществоведческой литературе, в первую очередь в экономической, нередко ретранслируются идеологические догмы, взятые из западных, как правило, американских, учебников. Одна из них применяется для характеристики экономической системы и социальной политики СССР и состоит в том, что экономика СССР была административно-командной системой.

Цель статьи – описание и позитивный анализ экономической системы и социальной политики СССР.

Материал и методы. В статье используются труды белорусских, российских и американских экономистов, Конституция СССР и исторический фактологический материал, где дается характеристика экономической системы и социальной политики в СССР. При этом применяются диалектический принцип позитивного отрицания и методы системно-структурного анализа, учета конкретных исторических условий, сравнения и аналогии.

Результаты и их обсуждение. В СССР была централизованно управляемая социалистическая экономическая система советского типа, в основе которой лежало экономическое и социальное проектирование и планирование. Ядро советской системы составляли общественная собственность и отношения сотрудничества, а производство было нацелено на наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей общества.

Обсуждение проектов планов экономического и социального развития происходило в три этапа. На первом этапе обсуждение шло на уровне Политбюро ЦК КПСС и министерств и ведомств. На втором – на уровне трудовых коллективов предприятий и объединений. На третьем – на съездах КПСС, а также на сессиях Верховного Совета СССР, где они утверждались и принимали силу закона.

Заключение. Экономика СССР представляла собой централизованно управляемую социалистическую систему советского типа. В СССР впервые в мире была сделана попытка сформировать государственную власть, реализующую на практике общенародный экономический интерес. Разрушение советского народного хозяйства привело к глубочайшему экономическому и социальному кризису, который в некоторых постсоветских странах продолжается до сих пор.

Ключевые слова: административно-командная экономическая система, централизованно управляемая социалистическая экономическая система советского типа, социалистическое планирование, социальная политика.

Economic System and Social Policy in the USSR: Characteristic, Issues, Experience Useful for Belarus

Yanchuk V.A.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

In post-Soviet social science literature, in the economic first of all, ideological dogmas, which are borrowed, from Western, more often American textbooks, are usually referred to. One of them is applied to characterize the economic system and social policy of the USSR and is in the fact that the USSR economy was the administrative and command one.

The purpose of the article is to describe and positively analyze the economic system and social policy of the USSR.

Material and methods. Works by Belarusian, Russian and American economists, the Constitution of the USSR as well as historical factual material which characterize the economic system and social policy of the USSR are used in the article. The dialectical principle of positive negation as well as methods of system structural analysis, consideration of definite historic conditions, comparison and analogy is used.

Findings and their discussion. The USSR had a centrally managed socialist economic system of Soviet type, the basis of which was economic and social designing and planning. The nucleus of the Soviet system was made up by public property and relations of cooperation while production was aimed at more complete satisfaction of growing material and spiritual needs of the society.

The discussion of draft plans of economic and social development took three stages. At the first stage the discussion took place at the Political Bureau of the CPSU Central Committee, Ministries and Institutions. At the second stage – in labor collectives of enterprises. The third stage was CRSU Congresses as well as the USSR Supreme Soviet Sessions where they were approved and enforced in the legislation.

Conclusion. The USSR economy was a centrally managed socialist system of Soviet type. In the USSR attempt was made to shape the state power which implements in practice a generally social economic interest. The destruction of Soviet public economy resulted in a deep economic and social crisis, which is still ongoing in some post-Soviet countries.

Key words: administrative and command economic system, centrally managed socialist economic system of Soviet type, socialist planning, social policy.

В современной постсоветской обществоведческой литературе, в первую очередь в экономической, широко представлены ретранслированные из западных, как правило, американских, учебников идеологические догмы. Одна из них используется для характеристики экономической системы СССР и состоит том, что экономика СССР называется административно-командной системой. Возьмем, к примеру, популярный белорусский учебник под названием «Национальная экономика Беларуси». В нем говорится следующее: «Административно-командная экономика существовала в СССР, странах Восточной Европы. Командная экономика эффективна в экстремальных условиях и при наличии резервов экстенсивного роста, т.е. возможности использования дополнительных ресурсов. Ее характерные черты: государственная (общественная) собственность на экономические ресурсы; отсутствие конкуренции и, как следствие, монополизация экономики; коллективное принятие решений; государственный аппарат руководит хозяйственной деятельностью с помощью преимущественно административных методов» [1, с. 43].

Приведем другой пример. По мнению белорусского экономиста профессора И.М. Лемешевского, основная научная специализация которого трансформация современных экономических систем, «история человечества зафиксировала неоднократные попытки использовать командную экономику как модель национальной экономики. Например, в XX веке модель командной экономики пытались воздвигнуть Советский Союз и фашистская Германия.

В СССР (1921–1991 гг.) командная экономика характеризовалась директивным планированием, централизованным ценообразованием и административным распределением ресурсов между предприятиями, а также широким использованием подневольного труда крестьян и заключенных» [2, с. 105].

Далее, на с. 240 мы встречаем следующую сентенцию: «Концепция плановой экономики в СССР выступила прямой реакцией на обострение социальных противоречий в условиях либеральной рыночной экономики. На практике выродилась в административно-командную систему, которая полностью скомпрометировала идеи казарменного социализма. И в этом случае за возврат на траекторию цивилизованного развития пришлось заплатить большую цену» [2, с. 240]. Автор, как видим, характеризуя экономическую систему СССР, не пожалел идеологического яда. Но он не оригинален – такова точка зрения значительной части либеральных экономистов, пред-

ставляющих страны постсоветского и западного образовательного пространства.

Цель данного исследования – описание и позитивный анализ экономической системы и социальной политики СССР, выяснение его полезного опыта для Республики Беларусь в условиях формирования и становления перспективной национальной модели.

Материал и методы. В статье используются труды белорусских, российских и американских экономистов, Конституция СССР и исторический фактологический материал, где дается характеристика экономической системы и социальной политики в СССР. При этом применяются диалектический принцип позитивного отрицания и методы системно-структурного анализа, учета конкретно-исторических условий, сравнения и аналогии.

Результаты и их обсуждение. В чем заключается несостоятельность приведенных во введении либеральных взглядов по вопросам формирования и развития экономической системы и социальной политики в СССР, в частности, представленных в работах И. Лемешевского?

Во-первых, на одну доску здесь поставлены экономические системы фашистской Германии и ее победителя СССР, что некорректно с научной точки зрения и не имеет никакого отношения к действительности, поскольку они коренным образом отличаются по характеру отношений между экономическими субъектами и целеполаганию перспективного развития.

Во-вторых, без должных на то оснований социализм в СССР называется казарменным. Хотя, с другой стороны, когда СССР вел войну с фашистской Германией не на жизнь, а на смерть, тогда, пожалуй, наша страна и представляла единую социалистическую казарму в лучшем смысле этого слова, но ведь не это господин И. Лемешевский имеет в виду.

В-третьих, СССР, оказывается, сошел с траектории цивилизованного развития и заплатил за это большую цену. Здесь, правда, возникает вопрос: а вот если бы СССР не сошел с этой траектории, то смог бы он победить фашистскую Германию? Вряд ли! Сложился бы как карточный домик, сопротивлялся бы как Франция, Бельгия, Польша... В таком случае был бы реализован гитлеровский план Ост, описание которого находится за рамками статьи.

Недалеко от белорусских экономистов в оценке экономической системы в СССР ушли и многие российские авторы. Вот, например, что пишет известный экономист, автор курса микроэкономики Р.М. Нуреев, характеризуя экономическую систему СССР: «... командная экономика описывается как система, в которой доминирует

общественная (государственная) собственность на средства производства, коллективное принятие экономических решений, централизованное руководство экономикой посредством государственного планирования» [3, с. 62].

В данном контексте, справедливости ради, стоит сказать о том, что иногда раздаются и трезвые голоса. Так, например, известный российский экономист, автор учебников по экономической теории Г.С. Вечканов, характеризуя экономическую систему СССР, в качестве одного из типов социально-экономических систем выделяет *централизованно управляемую систему*. В основе такой социалистической системы лежит общественная собственность на средства производства, которая, в свою очередь, выступает в форме государственной, а также собственности предприятий и кооперативов. Допускается частная трудовая деятельность [4, с. 54–55].

Идея по поводу административно-командной экономики в СССР и ее республиках перетекала и в белорусское учебное пособие по обществоведению для 10-го класса общеобразовательных учреждений. Ее авторы утверждают о том, что «плановая экономическая система существовала в Советском Союзе и других социалистических странах. Ей были свойственны жесткое централизованное планирование, ликвидация частной собственности на средства производства и безраздельное господство государственной собственности. Такую систему еще называют административно-командной, потому что она основана на директивном управлении экономикой, осуществляемом центральными органами государственной власти» [5, с. 93]. В пособии для 11-го класса по тому же предмету экономика СССР уже называется планово-централизованной [6, с. 126].

Откуда взялся термин «административно-командная система»? В постсоветской экономической литературе он появился в результате его некритического заимствования из западных учебников по «экономикс».

Либеральные постсоветские экономисты полагают, что все, что в экономике США – хорошо, а все остальное от лукавого. Достаточно перевести американские учебники по «экономикс» на русский и другие языки, применить изложенные там рецепты на практике и вы будете жить не хуже, чем в США. Можно подумать, что есть экономическая модель, которая подходит всем странам без исключения. В это связи вспоминается такой анекдот:

Правитель Эфиопии Негус, а это было в 30-е годы прошлого века, пригласил к себе известного американского экономиста и попросил помочь наладить развалившуюся экономику страны. Эко-

номист посоветовал использовать хорошо известный опыт Швеции. Однако Негус остроумно отклонил его предложение. Он сказал:

– Идея ваша хороша, но где я возьму столько шведов в Эфиопии?

В американских учебниках суть экономической системы СССР извращается то ли с идеологической целью, то ли по незнанию. Советская система называется командной или административно-командной. Вот, к примеру, что пишут американские авторы популярного на постсоветском пространстве учебника по экономике Пол Самуэльсон и Вильям Нордхаус: «**Командная** (читай советская. – В.Я.) **экономика** – это разновидность экономической организации, при которой все решения о производстве и распределении принимает государство» [7, с. 50].

Еще дальше пошли такие американские экономисты, как К.Р. Макконнелл и С.Л. Брю: «Поллярной альтернативой чистому капитализму является командная экономика, или коммунизм. Эту систему характеризуют общественная собственность практически на все материальные ресурсы и коллективное принятие решений посредством централизованного экономического планирования. Все крупные решения, касающиеся объема используемых ресурсов, структуры и распределения продукции, организации производства, принимаются центральным плановым органом. Предприятия являются собственностью государства и осуществляют производство на основе государственных директив. Иными словами, производственные планы устанавливаются плановыми органами для каждого предприятия... Рабочие закреплены по профессиям» [8, с. 47].

Императив о командной экономике в СССР реализуется и в опубликованном в России спустя 15 лет 19-м издании «Экономикс», написанном уже в составе трех американских авторов и переведенном с английского языка на русский и именуемом российским учебником. Здесь уже дается сравнительная характеристика экономических систем Северной и Южной Кореи, где в качестве оценочных показателей используются ВВП, экспорт и импорт. На стр. 46 говорится следующее: «Под влиянием Советского Союза Северная Корея создала в стране командную экономику, в которой ставка делается на собственность государства и централизованное планирование. Южная Корея под защитой США пошла по пути рыночной экономики, в основе которой лежат частная собственность и стимул получения прибыли» [9, с. 46]. При этом не учитываются, по меньшей мере, два обстоятельства. Во-первых, СССР был разрушен более четверти века тому назад, а экономика Северной Кореи продолжает развиваться

и добилась значительных успехов в области образования, науки и техники и сдаваться на милость США пока не собирается. Во-вторых, по инициативе США Северная Корея до сих, как и Республика Куба, вот уже много лет находится в жесточайшей экономической блокаде, однако поставить на колени народ Северной Кореи так и не удалось.

Не все американские экономисты, истины ради скажем, столь прямолинейны в оценке экономической системы СССР. Дж. Долан и Д. Линдсей, например, приходят к более обоснованному и фундаментальному выводу: «Некоторые экономические системы базируются в основном на рынке, другие – на иерархии. Например, в системах с централизованным планированием, таких как в бывшем СССР, имеет особое значение центральная власть. Рыночные системы, такие как Соединенные Штаты, в значительной степени действуют на основе стихийного порядка. Но ни одна экономика не пользуется исключительно одним способом координации» [10, с. 21–22]. В качестве примера эффективного сочетания рыночного способа координации с централизованным планированием и управлением можно привести КНР. Эта страна не испытывает кризисного падения производства более тридцати лет и в настоящее время по объему производства реального ВВП находится на первом месте в мире.

Что собой представляла система в СССР на самом деле? В действительности это была централизованно управляемая социалистическая экономическая система советского типа, в основе которой лежали экономическое и социальное проектирование и планирование. Ядро советской системы составляли общественная собственность и отношения сотрудничества, а производство было нацелено на наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей каждого человека и общества в целом. В СССР ушли в прошлое кризисы, нищета и безработица, конкуренция, классовая и национальная вражда. Утвердились равноправие, сотрудничество и взаимопомощь людей. Создавались условия для гармоничного развития личности. В капиталистических же моделях целью развития производства главным образом является получение прибыли, а основаны они на частной собственности и конкуренции.

Основу экономической системы СССР составляла общественная собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности. При этом заметим, что в ст. 10 Конституции СССР было сказано, что «никто не вправе использовать социалистическую собственность в целях личной наживы и в других корыстных целях» [11].

В собственности государства находились: земля, ее недра, воды, леса. Государству также принадлежали основные средства производства в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, банки, имущество организованных государством торговых, коммунальных и иных предприятий, основной городской жилищный фонд.

Основу личной собственности граждан СССР должны были составлять трудовые доходы.

В пользовании граждан могли находиться участки земли для ведения подсобного хозяйства, садоводства и огородничества, а также для индивидуального жилищного строительства.

Доминирующим социально-экономическим субъектом в СССР был совокупный работник-труженик, собственник основных ресурсов социалистического общества. Предполагалось, что источником роста общественного богатства, благосостояния народа и каждого советского человека должен быть труд, свободный от эксплуатации (ст. 14). Здесь же говорится о том, что государство в соответствии с принципом социализма «От каждого – по способностям, каждому – по труду» осуществляет контроль за мерой труда и потребления.

В такой модели положение человека в обществе определяют общественно полезный труд и его результаты. Государство, сочетая материальные и моральные стимулы, поощряя новаторство, творческое отношение к работе, способствует превращению труда в первую жизненную потребность каждого советского человека. Обязанность и дело чести каждого способного к труду гражданина СССР – добросовестный труд в избранной им области общественно полезной деятельности, соблюдение трудовой дисциплины. Уклонение от общественно полезного труда несовместимо с принципами социалистического общества (ст. 60). В конституциях же капиталистических стран, в лучшем случае, говорится лишь о праве гражданина государства на труд. Если же гражданин может работать, но не желает этого, то имеет право на это и государство не будет его принуждать к общественно полезному труду.

В основе отношений между советскими экономическими субъектами лежали отношения сотрудничества, солидарности и взаимопомощи. Это и понятно, поскольку сам совокупный работник был собственником основных производительных ресурсов общества, а правительство от его имени распоряжалось этими ресурсами. Конкуренция же имела место между советскими предприятиями и зарубежными.

Главным звеном советского хозяйственного механизма было централизованное управление экономикой. Необходимость такого управления вытекала из того, что экономика СССР состав-

ляла единый народнохозяйственный комплекс, охватывающий все звенья общественного производства, распределения и обмена на территории страны (ст. 16).

Основу централизованного управления составляло **планирование** – деятельность правительства по разработке, согласованию, утверждению и доведению планов до исполнителя, а также – по контролю за их исполнением. Руководство экономикой в СССР осуществлялось на основе государственных планов экономического и социального развития, с учетом отраслевого и территориального принципов, при сочетании централизованного управления с хозяйственной самостоятельностью и инициативой предприятий, объединений и других организаций. При этом стали активно использоваться хозяйственный расчет, прибыль, себестоимость, другие экономические рычаги и стимулы.

Правовую основу советского планирования составлял Закон о Государственном плане. Положение о Госплане было принято 22 февраля 1921 года Советом народных комиссаров.

В течение 1928–1929 гг. в Госплане была создана единая система разделов и показателей пятилетнего плана, которая составила основу плана первой пятилетки. С 1928 года экономическая жизнь Советского Союза полностью направлялась пятилетними планами. На протяжении 70 лет своего существования Госплан СССР являлся инициатором, главным движущим рычагом реализации экономической политики государства.

Механизм формирования и реализации плана был, можно сказать, стержнем всей экономики и социальной жизни советского общества. Закон о Госплане ежегодно утверждался в ноябре на сессии Верховного Совета СССР. Этому событию предшествовала большая и непрерывная работа, которая практически не прекращалась.

Какова была процедура рассмотрения планов экономического и социального развития СССР? В соответствии с законом 1934 года «О государственном плане СССР» происходило широкое обсуждение проектов планов экономического и социального развития СССР на среднесрочную (пять лет) и долгосрочную перспективу (десять лет), имело место демократическое согласование действий всех слоев и групп советского общества. В обсуждении проекта плана участвовали практически все трудящиеся, начиная с первичных трудовых коллективов и заканчивая уровнем союзных министерств и ведомств, то есть централизованное управление в СССР предусматривало между разработчиками проектов планов социального и экономического развития и всеми заинтересованными хозяйствующими субъектами прямую

и обратную связи. По закону СССР «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями» [12] участие трудовых коллективов в планировании было не только правом, но и обязанностью коллектива в целом и каждого его члена в отдельности. Это право и обязанность были зафиксированы и в Конституции СССР. Участие трудящихся при разработке и обсуждении пятилетних планов и планов на десять лет происходило в три этапа.

На первом этапе в Госплане СССР формировался проект плана экономического и социального развития СССР на предстоящий год, он обсуждался на Политбюро и только затем направлялся во все министерства и ведомства и регионы. Из министерств и ведомств, после доработки, проекты ведомственных планов поступали во все предприятия и учреждения, где начиналась основная работа. Далее дирекции предприятий и учреждений с привлечением специалистов, при участии партийных и комсомольских руководителей обсуждали номенклатуру и объемы производства продукции, которые предприятия должны были произвести в следующем году, задачи роста производительности труда, проблему необходимых для производства ресурсов. Затем проекты планов социального и экономического развития обсуждались на партийных и профсоюзных собраниях. При этом тщательно оценивались: рост заработной платы, количество жилья, которое мог получить коллектив, строительство детских садов, число путевок в санатории, дома отдыха, пионерские лагеря. То есть все то, что общество должно предоставить коллективу предприятия.

Таким образом, шел постоянный процесс координации экономических и социальных интересов всех субъектов, классов и социальных групп советского общества. С одной стороны, планы согласовывались по вертикали: «предприятие – министерство». С другой стороны – по горизонтали: с властью района, города, области, края, республики.

В результате обсуждения заключались коллективные договоры, где фиксировались контрольные цифры, взаимные обязательства и взаимная ответственность руководства и коллектива предприятия. Проекты таких коллективных договоров предварительно обсуждались в низовых коллективах (бригада, цех), а затем выносились на общее собрание или конференцию предприятия. Далее договора направлялись вверх – на уровень города, области, края, республики, Союза, где продолжался процесс уточнения согласованных интересов и целей различных уровней.

Системная подготовка государственного плана фактически означала постоянное функци-

онирование общесоюзного переговорного процесса, в котором участвовали десятки миллионов людей. Так преодолевалось отчуждение государства от общества, и поэтому можно сказать, что в Советском Союзе понятия «государство» и «общество» по сути были синонимами. Это ли не пример подлинной демократии, когда сам народ принимает активное участие в социальном и экономическом проектировании?

На втором этапе на основе полученных из Госплана СССР контрольных цифр по главным направлениям развития отрасли и предложений трудовых коллективов устанавливались контрольные цифры для каждого производственного объединения, предприятия (по номенклатуре показателей планов). На основе полученных контрольных цифр трудовые коллективы разрабатывали проекты пятилетних планов экономического и социального развития, брали встречные обязательства. Для участия трудовых коллективов в планировании формировались постоянно действующие совещания, комитеты, группы, посты народного контроля и т.д.

На третьем этапе проекты планов экономического и социального развития широко обсуждались в первичных партийных организациях, районных, городских, окружных, областных, краевых и республиканских организациях партии. В обсуждении участвовали более 130 млн членов профсоюзных организаций, в т.ч. 19 млн коммунистов. Затем на съездах КПСС выступали с докладами Генеральный секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР. После всестороннего обсуждения проект государственного плана экономического и социального развития СССР принимался съездом КПСС, утверждался на сессии Верховного Совета СССР и приобретал силу закона. Таким образом согласовывался общенародный интерес с коллективными и личными интересами. Такую систему называть административно-командной язык не поворачивается, но, к сожалению, этот термин глубоко вошел и в вузовские учебники по экономике.

Вместе с тем следует заметить, что в развитии СССР были периоды, когда административно-командные методы принятия решения действительно доминировали, например, при подготовке экономики СССР к войне с фашистской Германией, во время Великой Отечественной войны и восстановления разрушенного фашистами народного хозяйства. А разве тогда могло быть иначе?

В Беларуси, кстати говоря, позитивный опыт участия трудовых коллективов в планировании социально-экономического развития Республики Беларусь на пятилетнюю перспективу нашел свое отражение в подготовке и проведении пяти

Всебелорусских народных собраний, где также согласовывались национальные интересы с интересами коллективов и отдельных граждан. Разве это не проявление подлинной демократии?

Какой была социальная политика в СССР?

Экономическая система СССР позволяла проводить и соответствующую социальную политику. Суть этой политики раскрывается в ст. 20 Конституции СССР: «В соответствии с коммунистическим идеалом “Свободное развитие каждого есть условие развития всех” государство ставит своей целью расширение реальных возможностей для применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований, для всестороннего развития личности».

В СССР действовали и развивались (ст. 24) государственные системы здравоохранения, социального обеспечения, торговли и общественного питания, бытового обслуживания и коммунального хозяйства. Государство также должно содействовать развитию массовой физической культуры и спорта.

Вот как определялась главная задача (ст. 25) образования: «В СССР существует и совершенствуется единая система народного образования, которая обеспечивает общеобразовательную и профессиональную подготовку граждан, служит коммунистическому воспитанию, духовному и физическому развитию молодежи, готовит ее к труду и общественной деятельности».

Отметим также и ст. 27, где говорится: государство заботится об охране, преумножении и широком использовании духовных ценностей для нравственного и эстетического воспитания советских людей, повышения их культурного уровня.

Вот как были определены основные задачи социальной политики на XII-ю (1986–2000 годы) пятилетку:

- неуклонное улучшение условий жизни и труда советских людей;
- все более полное осуществление во всех сферах общественных отношений принципа социальной справедливости;
- сближение классов и социальных групп и слоев, преодоление существенных различий между умственным и физическим трудом, городом и деревней;
- совершенствование национальных отношений, укрепление братской дружбы наций и народностей страны.

В 1990 году СССР по индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП) лишь немного уступал США. Советский Союз тогда занимал по ИРЧП 26-е место, а США – 19-е. За годы же либерально-рыночного «оздоровления» стран бывшего СССР это отставание возросло во много раз.

По докладу ООН в 2015 году Беларусь и Россия по ИРЧП среди 188 стран занимали 50-е место, хотя ВВП на душу населения в России значительно больше. Это обстоятельство позволяет экспертам сделать вывод о том, что в России ВВП распределяется недостаточно справедливо. Намного дальше по этому показателю были другие страны СНГ: Казахстан – 56-е место, Грузия – 76-е, Азербайджан – 78-е, Украина – 81-е, Армения – 89-е и т.д.

В СССР за период с 1950 по 1991 год численность населения возрастала в среднем по 2,6 млн человек в год, увеличившись на 111,6 млн чел. – с 178,5 до 290,1 млн чел. За годы же рыночных реформ (1990–2008 годы) население Беларуси, России и Украины сократилось на 11,588 млн человек.

Социальная политика в СССР реализовалась на уровне как государства, так и предприятий. Само предприятие представляло собой не только экономическую, но и социальную ячейку. Критики СССР во многих случаях на это обстоятельство не обращают внимания. На каждом советском предприятии была определенная социальная сфера как инструмент проведения соответствующей политики. При этом выделим следующие направления такой социальной политики:

- общественное питание;
- жилищно-коммунальные услуги предприятия;
- охрана здоровья;
- оздоровительные детские лагеря;
- дошкольные детские учреждения.

Общественное питание. Услугами системы общественного питания в советской России в 1990 г. пользовались ежедневно 84 млн человек (более половины населения). На предприятиях промышленности, строительства, транспорта и в совхозах, а также в рабочих общежитиях было сосредоточено около 40% мест системы общественного питания.

Практически все предприятия предоставляли дотации столовым, работающим на их территории. Кроме того, у большей части предприятий были свои подсобные хозяйства. Связи предприятия с подсобным хозяйством были разнообразны – от шефства над колхозом или совхозом до превращения совхоза в структурное подразделение предприятия. Такие отношения, понятное дело, с рыночным механизмом не имеют ничего общего. Заметим также, что в заводских столовых, с одной стороны, качество питания было выше, чем в государственных. С другой – цены были ниже. В 1990 г. 9,1% рабочих промышленности, а также 8,5% работников совхозов и колхозов получали питание бесплатно или с частичной доплатой.

Жилищно-коммунальные услуги предприятия. В СССР обеспечение жильем было консти-

туционным правом, которое гарантировалось государством. Государство как в лице местных советов, так и предприятий предоставляло жилье бесплатно в вечное пользование. В семейном бюджете расходы по оплате жилья составляли около 1%, а со всеми коммунальными услугами – не более 3%. Вряд ли здесь нужны какие-то комментарии.

Весь жилой фонд СССР в начале 1991 г. составлял 4,6 млрд кв. м, из них государству принадлежало 2,5 млрд кв. м, ведомственная же площадь составляла 1,44 млрд кв. м.

Важную роль в предоставлении услуг, связанных с жильем, да и не только, играли предприятия. Они строили и содержали жилье, обеспечивали коммунальными услугами (водоснабжением, отоплением, канализацией и др.). Теперь же так называемые «эффективные» частные собственники считают такие активы непрофильными и, как правило, ликвидируют их.

Охрана здоровья. В СССР система здравоохранения была бесплатной и воспринималась в общественном сознании как естественное право.

Участие предприятий в здравоохранении выражалось в следующих формах:

- содержание на предприятии и за счет его средств (или совместно с органами здравоохранения) поликлиник или врачебных пунктов;
- дотации из средств предприятия лечебным учреждениям в районах проживания работников предприятия;
- содержание лечебно-профилактических оздоровительных учреждений (домов отдыха, санаториев, профилакториев);
- организация на предприятии профилактических медицинских осмотров работников.

Оздоровительные детские лагеря. Важной частью социальных услуг предприятия было содержание детских оздоровительных учреждений (или оплата путевок для детей работников).

Система детских оздоровительных учреждений в СССР (для детей в возрасте 7–15 лет) была основана на сети т.н. пионерских лагерей. Здесь следует заметить, что даже в странах социализированного капитализма таких лагерей не существует. Всесоюзная пионерская организация была создана в 1922 г. Одной из главных ее задач была оздоровительная работа среди детей, организация их досуга, укрепление здоровья, развитие творческих способностей. В СССР издавалось 28 газет и 40 журналов для детей, были созданы и регулярно функционировали Дворцы и Дома пионеров.

Еще в 30-е годы прошедшего столетия появились пионерские лагеря. В этих учреждениях дети отдыхали во время каникул. На время отды-

ха с детьми выезжали врачи, и в лагерях проводились медицинские обследования. Велась здесь и культурная работа, в лагеря выезжали педагоги и художники.

Большинство крупных предприятий содержали свои лагеря. Имелись также «общие» лагеря у отраслевых профсоюзов. За организацию работы и распределение путевок отвечали профсоюзы, но предприятия выделяли материальные ресурсы и работников (вожатых, воспитателей, обслуживающий персонал).

Дошкольные детские учреждения. В СССР была создана и эффективно функционировала обширная сеть детских учреждений – яслей и детских садов.

Из сказанного видно, что в СССР предприятия выполняли не только экономическую, но и важную социальную функции. Поэтому некорректно сравнивать капиталистические и советские предприятия по экономической эффективности, основанной на получении прибыли, как это часто делается.

По мнению первого главы правительства суверенной Беларуси Ф. Кебича, глубокого знатока экономики Беларуси и СССР, «ни серьезных внешних, ни объективных внутренних причин для распада Советского Союза не существовало. Верховная власть имела и законное право, и реальную силу, чтобы решительно и быстро нейтрализовать сепаратистскую выходку “беловежских зубров” и, используя ситуацию, резко повернуть руль управления страной в сторону действительного восстановления политической и экономической стабильности» [13, с. 339]. По этому поводу он приводит убедительные аргументы. К этому можно добавить и результаты всесоюзного референдума 17 марта 1991 года о сохранении СССР. В нем из 185,6 миллиона граждан СССР с правом голоса приняли участие 148,5 миллиона (79,5%); из них 113,5 миллиона (76,43%) высказались за сохранение обновленного СССР, но воля народа была преступно игнорирована.

Экономическая система СССР конечно же нуждалась в серьезном реформировании. В ней абсолютно доминировала государственная собственность на средства производства, недооценивался потенциал предпринимательства, следовало совершенствовать планирование, надо было создать условия для функционирования рыночного сектора... Но ведь с грязной водой недруги СССР, как внутренние, так и внешние, из ванной выплеснули и ребенка.

Заключение. В целом проведенное нами исследование позволяет относительно экономической системы и социальной политики в СССР сделать следующие выводы.

Во-первых, экономика СССР представляла собой вполне жизнеспособную и социально эффективную централизованно управляемую социалистическую экономическую систему советского типа.

Во-вторых, в СССР впервые в мире была сделана попытка сформировать государственную власть, реализующую на практике общенародный экономический интерес.

В-третьих, опыт СССР по всенародному обсуждению проектов текущих, среднесрочных и долгосрочных планов и программ экономического, социального и научно-технического развития является актуальным и полезным для Республики Беларусь.

В-четвертых, в современных макроэкономических системах рыночный способ координации в зависимости от степени социальной ориентации экономики должен органично сочетаться с централизованным стратегическим планированием и управлением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальная экономика Беларуси: учебник / В.Н. Шимов [и др.]; под ред. В.Н. Шимова. – Минск: БГЭУ, 2012. – 651 с.
2. Лемешевский, И.М. Экономическая теория: Основы. Вводный курс: учеб.-метод. пособие для студентов вузов, обучающихся по экон. специальностям / И.М. Лемешевский. – Минск: ФУАинформ, 2010. – 496 с.
3. Нуреев, Р.М. Курс микроэкономики: учебник / Р.М. Нуреев. – М.: Норма, 2009. – 576 с.
4. Вечканов, Г.С. Экономическая теория / Г.С. Вечканов. – СПб.: Питер, 2009. – 448 с.
5. Обществоведение: учеб. пособие для 10-го кл. общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения / М.И. Вишневский [и др.]; под ред. М.И. Вишневецкого. – Минск: Адукацыя і выхаванне, 2009. – 240 с.
6. Обществоведение: учеб. пособие для 11-го кл. общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения / М.И. Вишневский [и др.]; под ред. М.И. Вишневецкого. – Минск: Нар. Асвета, 2010. – 270 с.
7. Самуэльсон, Пол А. Экономика: пер. с англ. / Пол А. Самуэльсон, Вильям Д. Нордхаус. – М.: «Изд-во БИНОМ», 1997. – С. 800.
8. Макконнелл, К.Р. Экономикс: принципы, проблемы и политика: в 2 т. / К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю; пер. с англ. 11-го изд. – М.: Республика, 1992. – Т. 1. – 399 с.
9. Макконнелл, К.Р. Экономикс: принципы, проблемы и политика: учебник: пер. с англ. / К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю, Ш.М. Флинн. – 19-е изд. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 1028 с.
10. Долан, Э.Дж. Микроэкономика / Э.Дж. Долан, Д. Линдсей; под общ. ред. Б. Лисовика и В. Лукашевича; пер. с англ. В. Лукашевича [и др.]. – СПб., 1994. – 448 с.
11. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. – М., 1988.
12. Закон Союза Советских Социалистических Республик о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями. – М.: Профиздат, 1983.
13. Кебич, В.Ф. Любим ли мы Россию? / В. Кебич. – Минск: Торгово-финансовый союз «БТФС», 2015.

Поступила в редакцию 12.02.2018 г.

Интегративный подход к пониманию совладающего поведения учащихся подростково-юношеского возраста

Токарева Н.Н.

Государственное высшее учебное учреждение

«Криворожский государственный педагогический университет», Украина

Повышение стрессогенности современного информационного общества, расширение спектра социокультурных кризисов эпохи постмодернизма обуславливают возрастающую значимость проблемы совладающего поведения для психологической науки. Многообразие стрессогенных ситуаций, а также индивидуально-психологические особенности личности детерминируют амбивалентность копинг-стратегий человека в стрессовых обстоятельствах жизнедеятельности. Особенно актуальной данная проблема является в дискурсе психолого-педагогического сопровождения личностного развития учащихся подростково-юношеского возраста в условиях мобильного пространственно-временного хронотопа.

Цель данного исследования – уточнение психологических особенностей совладающего поведения учащихся подростково-юношеского возраста в контексте системно-интегративного подхода.

Материал и методы. Эмпирическая часть исследования была направлена на выявление динамики и сопоставление содержательных характеристик копинг-поведения учащихся средней и старшей школы. Анализу подлежали базовые элементы копинг-стратегий, способность к самоуправлению в общении и асертивность респондентов.

Результаты и их обсуждение. Сопоставление средних величин параметров исследования, дисперсионный и корреляционный анализ полученных данных позволили констатировать отсутствие выраженного положительного вектора развития стратегий совладающего поведения в подростково-юношеском возрасте. Результаты эмпирического исследования подтвердили гипотетическое допущение о необходимости целенаправленного психолого-педагогического сопровождения субъектогенеза взрослеющей личности.

Был обозначен потенциальный ресурс системно-интегративного подхода в понимании тенденций модернизации отношений личности и среды в современном обществе.

Заключение. Изучение возрастных особенностей копинг-поведения позволяет более полно использовать возможности целенаправленного формирования личностных конструктов для гармонизации субъективных параметров благополучия и моделирования конструктивных поведенческих стратегий учащихся подростково-юношеского возраста.

Ключевые слова: личностное развитие, постиндустриальное общество, стрессогенная ситуация, копинг-поведение, ресурс совладания, субъективное благополучие, подростково-юношеский возраст, системно-интегративный подход, моделирование, личностный конструкт.

An Integrated Approach to Understanding the Coping Behavior of Students in their Juvenile and Adolescent Age Periods

Tokareva N.M.

State Institution of Higher Education "Kryvyi Rih State Pedagogical University", Ukraine

The increase in the stressfulness of the modern information society and the expansion of the spectrum of social; and cultural crises of the postmodern era determine the growing importance of the issue of the coping behavior for the psychological science. The variety of stressful situations, as well as the individual psychological traits of a person determines the ambivalence of the person's coping strategies in the stressful circumstances of his/her life. The issue is especially relevant regarding the discourse of the psychological and pedagogical support for the personality development of students of the juvenile and adolescent age under the conditions of a mobile space-time chronotope.

The purpose of the current study is to clarify the psychological characteristics of the coping behavior of the students in their juvenile and adolescent age periods within the context of a systemic-and-integrative approach.

Material and methods. The empirical part of the study was aimed at revealing the dynamics and comparing the meaningful characteristics of the coping behavior of students in the middle and high school. Subject to analysis were the basic elements of coping strategies, the ability to self-control in communication and the assertiveness of the respondents.

Findings and their discussion. The comparison of the average values of the parameters of the study, the analysis of variance and the correlation analysis of the data obtained have made it possible to confirm the absence of a pronounced positive development vector of coping strategies in the juvenile and adolescent age periods. The findings of the empirical research corroborated the hypothetical assumption of the need for the targeted psychological and pedagogical support for the subject's genesis of a maturing personality.

A potential resource of the systemic-and-integrative approach to the understanding of the trends in the modernization of the relationships between an individual and the environment in the modern society has been identified.

Conclusion. Studying the age-specific features of the coping behavior makes it possible to put to fuller use the potential for purposeful formatting of personality constructs for harmonizing the subjective well-being perception parameters and modeling constructive behavioral strategies for students in their juvenile and adolescent age periods.

Key words: personality development, postindustrial society, stressful situation, coping behavior, coping resource, subjective well-being, juvenile and adolescent age, systemic-and-integrative approach, modeling, personality construct.

Потенциальный контент развития современного пространственно-временного хронотопа постиндустриального общества XXI столетия обусловлен качественными изменениями ценностных основ эволюции социокультурного пространства. Постиндустриальную модель общественного развития (post-industrial society), как отмечает Д. Белл [1], характеризует не мышечная сила (присущая доиндустриальной модели), не машинная техника (индустриальная модель), а знания, интеллект. Информатизация и интеграция измерений культуротворчества, интертекстуальность и полицентризм восприятия реальности, гетерогенность и фрагментарность смысловых конструктов личностной самореализации являются необходимыми атрибутами жизнотворчества современного человека.

Ключевые тенденции постиндустриального общества взаимосвязаны и имеют высокую степень неопределенности: «распад универсальной картины мира, кризис коллективной идентичности, интенсивность субкультурной стратификации, взрыв эсхатологических настроений» [2, с. 5] – признаки переломного этапа развития цивилизации, обозначенные в философско-культурологических исследованиях конца XX – начала XXI столетия, безусловно, присущи и настоящему. Вместе с тем развитие новых информационных и коммуникационных технологий и активная деятельность на мировой арене субъектов глобализации обеспечивают эволюцию человечества сквозь призму прогресса знаний. Именно поэтому акценты в создании прогнозов развития будущей социальной реальности были смещены на осознание закономерностей генезиса самого человека, его поведения и тех фундаментальных ценностей, которые наполняют смыслом его жизненные перспективы.

Теоретики современного постиндустриализма (Д. Белл, М. Кастельс, Л. Мочалов, Э. Тоффлер, Ф. Фукуяма и др.) в своих исследованиях стремятся определить тенденции модификации личности социокультурными измерениями этики постмодернизма. Л.В. Мочалов характерными чертами нынешней эпохи считает смешивание реальности и иллюзии, утверждение игрового принципа; современный темп жизни диктует «необходимость все новых дебютов», главное – заявить о себе, «сделать жест» [3, с. 191]. В исследованиях Э. Тоффлера [4] отмечается, что характеристика

ми человека, «избранного самой природой для будущего», выступают изменения в отношении человека к пространству и времени – овладение «новой темпоральностью», симптомокомплекс которой предполагает стремление к динамичному темпу жизни, умение чувствовать себя комфортно в вихре изменений, способность оставить любое место (в том числе место работы, дом, родину, место в профессиональной или иной иерархии), умение разорвать всяческие социальные связи (профессиональные, семейные, гражданские), психологическая способность не придавать этому существенного значения, быть «чужим среди чужих» [4, с. 114]. Ф. Фукуяма также объявляет разрушения социальных связей в информационном обществе прогрессом в сфере социальных норм, «творческим разрушением», хаосом, из которого происходит новый порядок [5, с. 238–239]. «Многомерный человек» информационного общества может выбирать и выстраивать по своему не только общие стратегии жизни, но и логику межличностных взаимоотношений с другими людьми; социальные отношения все меньше господствуют над ним. В целом культура постмодернизма – как особый тип мировосприятия в современном информационном социокультурном пространстве – «откликается на разрушение привычной картины мира и усиление психического давления эффектом отстранения, бегства от действительности» [6, с. 129–130]. В калейдоскопических измерениях бытия идентичность человека дробится под влиянием противоречивых информационных потоков, что, в свою очередь, вызывает фрагментацию индивидуального опыта человека, разрушает осознаваемую целостность личностного пространства субъекта жизнотворчества, снижает уровень субъективного благополучия. Повышение стрессогенности современного общества становится для человека источником напряжения, нарушающего баланс взаимодействия субъекта с социальной средой.

В контексте обозначенного проблема совладающего поведения как психологического ресурса успешной адаптации личности к неблагоприятным (стрессогенным) жизненным событиям приобретает все большую популярность в зарубежной (S. Brown, E. Frydenberg, R. Westbrook, R. Wong & ets.; В.А. Бодров, Л.И. Вассерман, Е.Р. Исаева, Е.И. Рассказова и др.) и отечественной (М.З. Есип, Н.С. Моргунова, В.О. Олефир,

В.И. Шебанова и др.) психологии. Проблемное поле совладающего поведения (или копинг-поведения (coping – от англ. «соре» – успешно справляться, преодолевать) в терминологии зарубежных исследований) отражает систему способов и приемов психологического преодоления дезадаптации и стрессовых состояний [7, с. 212–213]. Вопросам реализации совладающего поведения личности посвящено немало научных исследований [7–12], но вместе с тем онтогенетический контент регуляции поведения в стрессогенных ситуациях остается на периферии научных дискуссий. Особого внимания психологов в современном информационном обществе эпохи постмодернизма требует анализ ресурсов совладания непростой категории учащихся подростково-юношеского возраста. Актуальность изучения особенностей копинг-стратегий подростков и юношей обусловлена, прежде всего, высокой сензитивностью молодежи данной возрастной группы к социально-культурным изменениям в условиях мобильного пространственно-временного хронотопа.

Цель исследования – конкретизация психологических особенностей совладающего поведения учащихся подростково-юношеского возраста в контексте системно-интегративного подхода.

Материал и методы. Принимая во внимание, что совладающее поведение предопределяет проявление устойчивого репертуара способов преодоления внутреннего напряжения, стрессовых состояний, формирующегося и закрепляющегося в процессе жизнедеятельности (социогенеза) личности, нами было сделано гипотетическое допущение о существовании различий в доминирующих копинг-стратегиях учащихся подростково-юношеского возраста.

Выборку эмпирического исследования составили 632 учащихся 6–11-х классов общеобразовательных школ г. Кривого Рога (Украина); возраст респондентов (11–16 лет) детерминирован особенностями генезиса подростково-юношеского этапа развития в системе образовательного пространства.

В основу эмпирического исследования были положены результаты предварительного теоретического анализа проблемы копинг-поведения. Полиmodalность и вариативность совладающего поведения взрослеющей личности в условиях нестабильности социокультурной ситуации обусловили необходимость использования интегративного [13] личностно-контекстуального подхода, позволяющего анализировать копинг в контексте моделирования личностных конструктов, детерминирующих успешность саморегуляции и выбора способов преодоления стресса в различных ситуациях деятельности.

В качестве психодиагностического инструментария были использованы методики, адекватные предмету и задачам исследования: опросник «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (С. Норман, Д. Эндлер, Д. Джеймс, М. Паркер; адаптированный вариант Т.А. Крюковой), позволяющий определить доминирующие копинг-стратегии, а также методики, ориентированные на выявление особенностей базовых элементов структуры личностных конструктов поля социально-психологической мобильности: опросник «Изучение способности к самоуправлению в общении», предназначенный для определения мобильности, адаптивности в различных ситуациях общения; тест ассертивности (В.В. Шпалинский, К.А. Помазан), диагностический потенциал которого позволяет определить особенности интегративного личностного конструкта, влияющего на социальную презентацию и успешность личности в когнитивной, эмоционально-волевой и поведенческой сферах.

При обобщении и анализе результатов эмпирического среза была использована компьютерная статистическая программа IBM SPSS Statistics 19 («Statistical Package for the Social Science»).

Результаты и их обсуждение. Интегративный подход к пониманию континуума совладающего поведения личности обуславливает интерпретацию копинга как личностного ресурса (сложно организованной системы личностных конструктов), предопределяющего стратегию переживания (предотвращения, купирования) стресса. Одним из важных показателей успешной копинг-стратегии является субъективное благополучие человека как интегративное психическое образование, включающее оценку и отношение человека к самому себе, к своей жизни, к миру в целом [9; 12]. Вариативность психического развития личности в процессе взросления (подростково-юношеский период жизнетворчества) в условиях нестабильного информационного общества требует гибкого применения разноректорных копинг-стратегий в сложных жизненных ситуациях.

Обобщенные результаты психодиагностического измерения копинг-стратегий в сравниваемых группах выборочной совокупности приведены в таблице 1.

Анализ первой ранговой позиции распределения показателей средних величин (Mx) проявления типов копинг-поведения личности в возрастной динамике подростково-юношеского периода генезиса обозначил склонность младших подростков и старшеклассников в стрессовых ситуациях демонстрировать наименее эффективную стратегию избегания решения проблем

($Mx = 53,18$ и $Mx = 53,00$ соответственно): уход или бегство из трудной ситуации, отрицание проблемы. При этом прослеживается доминирование непродуктивной субшкалы отвлечения, основными измерениями которой являются отвлечение на посторонние мысли, онлайн-игры, отдых с целью побега из стрессовой ситуации. В данных возрастных группах зафиксированы также максимальные показатели Mx по субшкале «Поиск социальной поддержки» ($max Mx = 19,50$ у старшеклассников), что, в частности, детерминирует склонность респондентов к времяпрепровождению в виртуальном пространстве социальных сетей (Facebook, Youtube и т.д.), которые являются не только источником информации, но и одним из основных факторов социализации личности. В измерениях виртуального пространства взрослые тинейджеры ищут и, как правило, находят, социальную поддержку, не доступную им в реальном мире. Активное ненормированное использование ресурсов интернет-среды и коммуникация с «виртуальными агентами социализации» (переписка по e-mail, Viber, общение на форумах, в чатах, блогах, телеконференциях и online-играх) компенсируют деструктивные переживания в реальном пространстве подростков: кроме новых возможностей принадлежности к референтным социальным категориям, виртуальная коммуникация, благодаря таким своим особенностям, как анонимность, безопасность и управляемость, предоставляет личности возможность создавать сетевую идентичность полностью по своему желанию, что снижает эмоциональное напряжение, стабилизирует отношения с собой, с другими, с миром.

Подростки 12–14/15 лет преимущественно ориентированы на решение проблемы (максимальный показатель $Mx = 54,09$ отмечен в копинг-стратегии 13-летних подростков), что свидетельствует о стремлении подростков к выявлению самостоятельности, активной жизненной позиции и конструктивного поведения. Механизм реализации данной стратегии основан на процессах когнитивного оценивания стрессогенной ситуации и личностных ресурсов, позволяющих принять конструктивное решение для снижения переживаний.

Вторая ранговая позиция распределения показателей Mx определила склонность младших подростков и старшеклассников к выявлению проблемно-ориентированной стратегии ($Mx = 53,09$ и $Mx = 51,83$ соответственно), тогда как в репертуаре копинг-стратегий подростков 12–14/15 лет эту позицию занимает стратегия избегания проблем (максимальный показатель $Mx = 48,55$ отмечен у старших подростков 14/15 лет); также доминирует субшкала отвлечения.

Менее всего (третья ранговая позиция) респондентами выборочной совокупности используется эмоционально-ориентированная модель совладающего поведения (максимум $Mx = 42,65$ проявляется в поведении подростков 13 лет), что объясняет высокий уровень рациональности (и даже меркантильности) поведения современной молодежи.

Однофакторный дисперсионный анализ ANOVA (таблица 2), корректность применения которого проверена с привлечением критерия однородности дисперсий Ливиня (при $p > 0,05$), показал, что различия между возрастными группами подростков и юношей в выявлении ориентированной на избегание копинг-стратегии являются статистически достоверно значимыми ($F = 5,152$ при $p = 0,001$, что $\leq 0,05$): Mx сравниваемых величин качественно отличаются. Статистически достоверные значимые различия между возрастными группами респондентов также зафиксированы по субшкале социального отвлечения ($F = 5,022$ при $p = 0,001$, что $\leq 0,05$). Вместе с тем уровень проявления Mx по шкалам «Проблемно-ориентированная копинг-стратегия» и «Субшкала отвлечения» в сравниваемых группах не имеет статистически значимых различий ($p > 0,05$).

Подтверждение статистической значимости различий копинг-поведения в возрастных группах подростков и юношей обеспечило непараметрический (ранговый) односторонний дисперсионный анализ (Kruskal–Wallis H-Test), позволяющий проверить гипотезы относительно различий больше двух выборок по уровню выявления исследуемого признака. Было установлено, что уровни проявления эмоционально-ориентированных ($p = 0,049$, что $\leq 0,05$) и ориентированных на избегание ($p = 0,001$, что $\leq 0,05$) копинг-стратегий в разных возрастных группах респондентов статистически достоверно отличаются. Кроме того, учащиеся исследуемых групп на разных этапах взросления демонстрируют статистически достоверно разный уровень развития копинг-реакций, обозначенных субшкалой «Поиск социальной поддержки» ($p = 0,002$, что $\leq 0,05$). Уровень выявления Mx по таким параметрам, как «Проблемно-ориентированная копинг-стратегия» и «Субшкала отвлечения», в разных возрастных группах респондентов статистически значимо не отличается ($p > 0,05$).

Метод множественных парных (апостериорных) сравнений с использованием критерия достоверно значимой разницы (ДЗР) Тьюки (таблица 3) позволяет утверждать, что в усвоении типов копинг-поведения подростками статистически достоверные различия связаны с периодом 13 лет: формирование эмоционально-ориентированных копинг-стратегий достигает своего максимально-

го проявления к периоду пубертатного кризиса, потом постепенно снижается в генезисе старшего подросткового и юношеского возраста. В то же время у 13-летних подростков менее всего проявляется тенденция к избеганию проблем в стрессовых ситуациях (в том числе и с использованием модели поиска социальной поддержки) – это период минимального Мх по данным признакам, тогда как в поведении 14/15-летних подростков и старшеклассников указанные поведенческие сценарии более выражены.

В целом динамика становления поведенческих копинг-стратегий реагирования подростков и юношей в стрессовых ситуациях не имеет четко выраженного положительного вектора развития.

В контексте интегративного подхода к пониманию психологической сущности совладающего поведения учащихся подростково-юношеского возраста выбор копинг-стратегии определяется не только внешними ситуативно-контекстуальными факторами, но и внутренними, личностными свойствами человека. Конкретизация данного тезиса обусловила изучение отдельных личностных конструктов поля социально-психологической мобильности [14] респондентов. Обобщенные результаты психодиагностического измерения тенденций самоуправления в общении и асертивности у подростков разных возрастных групп и у старшеклассников приведены в таблице 4.

Анализ средних величин (Мх) уровня самоуправления в общении респондентов разных возрастных групп (11–16 лет) зафиксировал абсолютное доминирование среднего (ситуативного) уровня данного признака в выборочной совокупности. Максимального показателя Мх самоуправления в общении достигает в личностном профиле 12-летних подростков (Мх = 14,42), в дальнейшем – постепенно снижается. Минимальный уровень Мх самоуправления в общении (Мх = 13,54) наблюдается в личностном профиле старшеклассников, что провоцирует импульсивное бунтарство и конформный отказ от ответ-

ственности, свойственный респондентам раннего юношеского периода.

Проверка значимости показателей динамики уровня развития самоуправления в общении тинейджеров разных возрастных групп (таблица 5.) была выполнена с помощью дисперсионного однофакторного метода анализа ANOVA (корректность использования данного метода подтверждена критерием однородности дисперсий Ливиния при $p > 0,05$). Полученные результаты позволили констатировать отсутствие статистически достоверных значимых различий между исследуемыми группами ($F = 0,134$ при $p = 0,875$, что $> 0,05$): Мх уровня самоуправления в общении учащихся 11–16 лет отличаются только количественно, что свидетельствует об отсутствии конструктивного развития навыков самоуправления в общении в течение подростково-юношеского периода онтогенеза.

Подтверждение обозначенной тенденции находим и в исследовании интегративной социальной активности подростков (ассертивности).

Анализ Мх выявления асертивных моделей поведения по шкале «Зависимость–Ассертивность–Агрессивность» тинейджерами разных возрастных групп (11–15 лет) зафиксировал абсолютное доминирование асертивного вектора в выборочной совокупности (45–60 баллов по шкале теста), что обуславливает потенциальную возможность учащихся подростково-юношеского возраста выступать субъектом собственного жизнетворчества и обеспечивает способность самостоятельно регулировать поведение независимо от внешних воздействий и оценок. Уровень асертивности (уверенности в себе) минимально проявляется в группе подростков 12 лет (Мх = 56,62) и достигает максимума проявления в моделях взаимодействия 16-летних юношей (Мх = 59,34). В то же время максимальный уровень Мх выявления асертивности старшеклассниками обозначивает актуализацию вектора агрессивности (Мх ≥ 60 баллов по шкале теста).

Таблица 1 – Динамика средних величин копинг-стратегий учащихся подростково-юношеского возраста

Типы копинг-стратегий	Возрастные группы				
	11 лет (N=143)	12 лет (N=123)	13 лет (N=103)	14/15 лет (N=108)	16 лет (N=155)
	Средние величины (Мх)				
Проблемно-ориентированная	53,09	50,08	54,09	52,62	51,83
Эмоционально-ориентированная	39,64	39,26	42,65	36,86	32,17
Ориентированная на избегание	53,18	47,67	43,10	48,55	53,00
Субшкала отвлечения	24,64	21,66	20,43	22,18	22,67
Субшкала поиска социальной поддержки	18,18	18,77	13,92	16,72	19,50

Таблица 2 – Показатели дисперсионного однофакторного анализа различий типов копинг-стратегий между возрастными группами респондентов

Критерии анализа Типы копинг-стратегий	Критерий однородности дисперсий Ливиня		Значения однофакторного дисперсионного анализа		Непараметрический односторонний дисперсионный анализ
	Критерий Ливиня	Уровень значимости различий p	F-критерий	Уровень значимости различий p	Критерий Краскела–Уоллиса
Проблемно-ориентированная	1,226	0,305	1,136	0,344	0,296
Эмоционально-ориентированная	2,798	0,030	3,236	0,015	0,049
Ориентированная на избегание	1,376	0,248	5,152	0,001	0,001
Субшкала отвлечения	0,662	0,620	1,990	0,102	0,053
Субшкала поиска социальной поддержки	0,734	0,571	5,022	0,001	0,002

Таблица 3 – Значимые результаты множественных сравнений зависимых переменных (показателей копинг-стратегий) между группами респондентов

Параметры анализа Зависимые переменные	Возрастные группы		Разница средних (I-J)	Уровень значимости различий p
	I возраст	J возраст		
Критерий достоверно значимой разницы (ДЗР) Тьюки				
Эмоционально-ориентированная	13	16	10,48*	0,025
Ориентированная на избегание	11	13	10,08*	0,002
	13	16	-9,90*	0,026
Субшкала поиска социальной поддержки	11	13	4,26*	0,011
	13	14/15	-2,80*	0,046
	13	16	-5,57*	0,007

* Разница средних значима на уровне $p \leq 0,05$.

Таблица 4 – Динамика личностных конструктов поля социально-психологической мобильности респондентов

Возрастные группы Личностные конструкты	11 лет (N=143)	12 лет (N=123)	13 лет (N=103)	14/15 лет (N=108)	16 лет (N=155)
	Средние величины (Mx)				
Уровень самоуправления в общении	14,10	14,42	14,18	14,23	13,54
Ассертивность (уверенность в себе)	57,32	56,62	58,03	59,07	59,34

Таблица 5 – Показатели дисперсионного однофакторного анализа различий в становлении личностных конструктов между возрастными группами респондентов

Критерии анализа Личностные конструкты	Критерий однородности дисперсий Ливиня		Значения однофакторного дисперсионного анализа	
	Критерий Ливиня	Уровень значимости различий p	F-критерий	Уровень значимости различий p
Уровень самоуправления в общении	2,203	0,115	0,134	0,875
Ассертивность (уверенность в себе)	4,026	0,053	1,570	0,181

Корреляционный анализ с применением ко-эффектанта ранговой корреляции r_s Спирмена выявил взаимосвязь между переменными «Возрастные группы» и «Ассертивность» на достаточном уровне статистической значимости ($p \leq 0,05$): взаимосвязь слабая ($0,01 < r \leq 0,29$), однако характеризует потенциальные тенденции прогрессивного развития уверенности в себе (ассертивности) личности в период взросления.

Проверка значимости показателей динамики ассертивности респондентов разных возрастных групп (таблица 5) с помощью дисперсионного однофакторного метода анализа ANOVA (корректность использования данного метода подтверждена критерием однородности дисперсий Ливиния при $p = 0,053$, что $> 0,05$) позволила констатировать отсутствие статистически достоверных значимых различий между исследуемыми группами учащихся ($F = 1,570$ при $p = 0,181$, что $> 0,05$).

В целом результаты эмпирического исследования базовых элементов структуры личностных конструктов учащихся 11–16 лет подтверждают экспериментальную гипотезу лишь частично: в измерениях поля социально-психологической мобильности личности статистически достоверные различия фиксируются в проявлении отдельных стратегий копинг-поведения; личностные конструкты самоуправления в общении и ассертивности респондентов подростково-юношеского возраста статистически достоверно не отличаются. Указанное позволяет констатировать противоречивый характер социального развития школьников в период взросления. Недостаточность сформированности навыков межличностного взаимодействия в индивидуальном опыте респондентов разных возрастных групп затрудняет парадигму субъектогенеза и вызывает проявления социально осуждаемых моделей поведения.

Осмысление результатов эмпирического исследования подтверждает, что феномен становления личности в динамично изменяющихся социокультурных условиях является амбивалентным и полисистемным, что предопределяет его изучение как имманентного способа субъектогенеза личности, содержание которого аккумулирует векторы социального и психического развития человека. В данном ключе личностный формат совладающего поведения можно рассматривать не как проявление совокупности неизменных поведенческих стратегий человека, а как реализацию индивидуальных возможностей активности (личностного ресурса) субъекта в определенном культурно-смысловом пространстве. Следовательно, копинг-поведение можно определять и как проактивную стратегию, ориентированную на предотвращение воздействия стресс-фактора, форми-

рование готовности к деятельности в стрессовой ситуации, в ситуации неудачи.

Потенциальные возможности личности изменяются в течение жизни и обуславливаются закономерностями возрастного развития. Наиболее значимые изменения онтогенетического становления личности в период взросления связаны с форматированием *self*-парадигмы субъекта жизнестворчества, способностью к самооцениванию личностного потенциала, в том числе и ресурсов совладающего поведения. Однако, как показали результаты исследования динамики копинг-стратегий тинейджеров подростково-юношеского возраста, формирование копинг-компетентности, позволяющей эффективно использовать доступный копинг-ресурс для преодоления стресса в сложных ситуациях, требует целенаправленного психолого-педагогического сопровождения в образовательном пространстве [14]. Опыт адекватного гибкого использования стратегий совладающего поведения (стратегий когнитивной адаптации к трудностям, поведенческой адаптации, конструктивного эмоционального реагирования на проблему) должен формироваться под контролем профессионалов (практических психологов, педагогов, воспитателей) в условиях паритетного диалога ребенка и взрослого путем коммуникативного моделирования, социально-психологической стимуляции отдельных составляющих личностных конструктов, обуславливающих возникновение личностно значимых целей, установок и актуализирующих ресурсы совладания.

Практика коммуникативного моделирования личностных конструктов в период взросления как перманентный многоуровневый процесс формирования, актуализации, упорядочения (многовариантного расширения и уточнения) паттернов субъективного опыта личности может осуществляться в двух направлениях: активизации потенциальных возможностей субъекта (внутренняя детерминация поведения) и целенаправленного социально-психологического стимулирования поведения (внешняя детерминация навыков целеполагания, совладающего поведения и социально-психологической мобильности личности).

Заключение. Подводя итоги исследования, необходимо отметить, что в процессе работы над проблемой совладающего поведения получили дальнейшее развитие знания об основных тенденциях и закономерностях личностного развития в период взросления. Были очерчены перспективы организации образовательного пространства, ориентированного на формирование личностного опыта гибкого копинг-поведения, необходимого для конструктивного совладания субъектов учебно-воспитательного процесса со стрессом

в условиях нестабильного информационного общества.

Практическое значение результатов, представленных в данном исследовании, заключается в широких возможностях использования теоретико-эмпирических положений и сформулированных на их основе психологических выводов для целенаправленного моделирования условий квалифицированной психолого-педагогической поддержки школьников в период взросления.

Выполненное исследование не исчерпывает всех аспектов проблемного поля совладающего поведения, но открывает перспективы для дальнейшего его изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриального общества. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; [пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева]. – М.: Academia, 2004. – 788 с.
2. Хренов, Н. Культура в эпоху социального хаоса / Н. Хренов. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 448 с.
3. Мочалов, Л.В. Раннее евангелие постмодернизма или «При наличии отсутствия» / Л.В. Мочалов // Нева. – 1997. – № 4. – С. 191–205.
4. Тоффлер, Э. Шок будущего (Футушок) / Э. Тоффлер; [пер. с англ. Е. Руднева, Л. Бурмистрова [и др.]]. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002. – 557 с.
5. Фукуяма, Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма; [пер. с англ. под общ. ред. А.В. Александровой]. – М.: ООО «Изд-во АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 474 с.
6. Градинарова, Е.А. «Информационный человек»: его проблемы в эпоху постмодерна / Е.А. Градинарова // Вопросы гуманитарных наук. – 2004. – № 5(14). – С. 129–130.
7. Водопьянова, Н.Е. Психодиагностика стресса / Н.Е. Водопьянова. – СПб.: Питер, 2009. – 336 с.
8. Вассерман, Л.И. Совладание со стрессом: теория и психодиагностика: учеб.-метод. пособие / Л.И. Вассерман, В.А. Абабков, Е.А. Трифонова. – СПб.: Речь, 2010. – 192 с.
9. Рассказова, Е.И. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE / Е.И. Рассказова, Т.О. Гордеева, Е.Н. Осин // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – Т. 10, № 1. – С. 82–118.
10. Brown, S.P. Good Cope, Bad Cope: Adaptive and Maladaptive Coping Strategies Following a Critical Negative Work Event / S.P. Brown, R.A. Westbrook, G. Challagalla // Journal of Applied Psychology. – 2005. – Vol. 90(4), Jul. – P. 792–798.
11. Shamne, A.V. The features of coping behavior and frustrating reactions of teenagers / A.V. Shamne // European science review. Scientific journal (January-February). – 2014. – № 1. – S. 116–122.
12. Wong, P.T. Effective management of life stress: The resource-congruence model / P.T. Wong // Stress & Health. – 1993 – Vol. 9 (January). – P. 51–60.
13. Токарева, Н.Н. Гносеологический аспект коммуникативного моделирования личностных конструктов в формате методологического синтеза / Н.Н. Токарева // Scientific Papers of The Witelon State University of Applied Sciences in Legnica. – 2016. – № 20(3). – S. 93–103.
14. Токарева, Н.М. Психологія комунікативного моделювання особистісних конструктів у підлітковому віці: дис. ... д-ра психол. наук: спец. 19.00.07 «Педагогічна та вікова психологія» / Н.М. Токарева; Ін-т психології імені Г.С. Костюка НАПН України. – Київ, 2015. – 530 с.

Поступила в редакцию 14.03.2018 г.

УДК 159.931:159.937

Участие зрения в восприятии объектов с вариативной формой

Лосик Г.В.*, Ермоленко И.А.***, Северин А.В.***

*Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка»

**Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

***Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

В статье освещается проблема зрительно-тактильного восприятия объекта, который имеет вариативную форму.

Цель работы – рассмотреть закономерности восприятия объекта, когда его форма отличается вариативностью.

Материал и методы. Экспериментально проверяется гипотеза, согласно которой человек, дотрагиваясь до вариативного по форме предмета рукой и фиксируя зрительно возникающую от этого деформацию (вариацию) его формы, определяет упругость, гибкость, пластичность, кинематику разных участков предмета. По всем экспериментам составлялась матрица баллов для каждого испытуемого, которая затем обрабатывалась экспериментатором на компьютере по методу многомерного шкалирования (программа Statistica 8.0).

Результаты и их обсуждение. Механизм оценки упругости и вариативности объекта реализуется рукой совместно со зрением. С помощью активного воздействия на предмет рука изучает в нем «зрительную» нестабильность формы. Скоординированная работа зрительного, тактильного и кинестетического анализаторов образует отдельный автономный анализатор. Благодаря одновременным синхронным движениям глаз и руки этот анализатор позволяет воспринимающему человеку обнаружить больше информации для сравнения предъявляемых объектов вариативной формы и оценки различий между ними.

Заключение. В процессе нанесения перцептивных воздействий на объект с вариативной формой формируется в психике еще один его образ, дополнительный к образу статичности формы предмета – образ динамики его формы. Полученные данные являются интересными в контексте исследования закономерностей восприятия при компьютерном изучении вариативных объектов в учебной деятельности.

Ключевые слова: объект с вариативной формой, образ предмета, анализатор, восприятие, перцептивная оценка.

Participation of Eyesight in the Perception of Objects with a Varied Form

Losik G.V.^{*}, Yermolenko I.A.^{**}, Severin A.V.^{***}

^{*}Educational Establishment “Belarusian State Pedagogical M. Tank University”

^{**}Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

^{***}Educational Establishment “Brest State A.S. Pushkin University”

The issue of visual and tactile perception of an object, which has a varied form, is considered in the article.

The purpose of the article is to consider regularities of an object perception when its form is varied.

Material and methods. A hypothesis is experimentally verified, according to which a person, when touching an object varied in form with his hand and visually fixing the arising deformation (variation) of the form, identifies how hard, flexible, plastic, cinematic its different parts are. Each experiment resulted in a matrix of scores for every tested person, which was later computer processed by the experimenter in accordance with the method of multimeasure scaling (Statistica 8.0).

Findings and their discussion. The assessment mechanism of hardness and variability of an object is done by hand and vision. By active impact on the object the hand examines its “visual” instability of the form. The coordinated work of the visual, tactile and kinesthetic analyzers makes up a separate autonomous analyzer. Due to simultaneous synchronic movements of the eyes and the hand this analyzer makes it possible for the person who perceives to find more information for comparing the presented objects of varied forms and identification of their differences.

Conclusion. In the process of making perceptive impacts on the object with a varied form one more image is shaped in one’s psyche, which is additional to the image of the statics of the object form – the image of its dynamics. The obtained data are interesting in the context of the research of the regularities of the perception in computer studies of varied objects in the academic activities.

Key words: object with a varied form, the image of the object, analyzer, perception, perception assessment.

Экспериментальное исследование зрительного восприятия человеком окружающих его предметов осуществляется с позиции разных подходов [1–3]. Эти подходы отличаются тем, какую именно задачу планирует решить экспериментатор: изучить свойства предметности и целостности восприятия [4; 5], выявить закономерности работы глаза и руки при восприятии, то ли вскрыть механизм восприятия, то ли изучить алгоритм формирования психического образа [6].

Воспринимаемый предмет для человека отличается от другого предмета, прежде всего, формой и цветом [7]. Поэтому для формирования образа нового для субъекта предмета часто нет необходимости прикасаться к этому предмету рукой и наносить какие-либо возмущающие его состояние воздействия [8]. Он может быть воспринят на дистанции от человека зрением, распознан по форме и цвету, получен с экрана телевизора или компьютера, с картинки в книге. Вместе с тем существует категория предметов, имеющих вариативную форму, для большей различимости которых при их восприятии человек стремится ощутить их вес, гибкость, шероховатость, аморфность [8; 9]. При формировании образа таких предметов необходимо активное прикосновение

руки к предмету. Такие атрибуты объекта, как его форма, цвет, текстура, шероховатость, температура поверхности, условно можно назвать *атрибутами формы*. Они измеряются глазом и рукой изначально и легко наполняют психический образ. В дополнение к этим атрибутам формы предмета введем такой атрибут, как «вариативность формы». Для оценки статической формы, шероховатости, липкости, температуры, вкусовых качеств объекта недостаточно зрения, а нужно уже прикосновение к нему руки, языка. Вместе с тем в этом случае иногда достаточно пассивного прикосновения к предмету [10]. Такие прикосновения вызывают тактильные ощущения. Кроме них при активном, силовом нажатии на предмет у человека возникают еще и кинестетические ощущения, под которыми понимаются ощущения в мышцах и суставах, рождающихся при мышечных усилиях [11]. При пассивном прикосновении к предмету они не участвуют.

Сосредоточим внимание на случае восприятия объекта – вариативного предмета. Предметы с вариативной формой – это тело человека, туловище четвероногого животного, птицы, рыбы, внутренние их органы, сердце, мозг, почки, печень, крона дерева, стебель цветка, мяч, воздушный шарик. В данном исследовании под объектом

с вариативной формой будет пониматься физический объект, который от усилия мышц руки человека при перцептивных ее воздействиях на него, меняет свою форму в зрительно заметной человеку степени. При этом изменение формы, свойственное физической природе такого объекта, идет в масштабах, не разрушающих объект и его функциональное предназначение для человека. Например, объект, отличающийся упругостью, возвращается после перцептивного воздействия на него к прежней форме, а объект, отличающийся пластичностью, – не возвращается.

Данное определение объекта с вариативной формой основывается не на естественно-научной природе существования объекта, а на когнитивной природе, на природе объекта становиться предметом, функциональной «вещью» для человека (по терминологии Э. Канта), то ли прекращать быть «вещью» в случае его разрушения [12; 13]. Такое определение является сугубо психологическим, ибо по нему к категории вариативных предметов относится предмет при конъюнктивном выполнении трех условий, из которых второе и третье имеют субъектную, не естественно-научную природу. По первому условию объект (по физическому материалу) потенциально способен менять форму, например, быть гибким, пластичным, хрупким, от воздействия силы в диапазоне, которую могут реализовать мышцы человеческой руки. По второму условию субъект должен в адрес этого объекта совершить рукой активное силовое воздействие, причем с силой, достаточной для масштабного объективного изменения формы. Изменение должно быть настолько масштабным, чтобы зрение могло по порогу чувствительности зафиксировать факт изменения. По третьему условию объект не должен прекратить от такого активного перцептивного воздействия свое существование, не должен потерять способность выполнять ту антропологическую функцию, которую за ним закрепил субъект. Невыполнение этих трех конъюнктивно связанных условий переводит объект в категорию «объект с невариативной формой».

Мы считаем, что в восприятии объекта с вариативной формой участвуют кинестетические ощущения суставов и система «рука человека» в целом. Наряду с этим синхронно с рукой работает зрительная система. Оценка степени вариативности формы предмета с точки зрения вектора вариативности невозможно свести к сумме оценок двух или трех анализаторов, к сумме ощущений. Согласно нашей гипотезе в онтогенезе у человека формируется для оценки вариативности формы предмета отдельный анализатор, точнее, корковый отдел анализатора. У этого анализатора нет своих рецепторов, а используются рецепторы

зрительного анализатора и кинестетические рецепторы руки, пальцев.

Цель – рассмотреть закономерности восприятия объекта, когда его форма отличается вариативностью.

Материал и методы. Теоретически можно предположить два варианта механизма хранения у человека в психическом образе информации о вариативности формы предмета. Согласно первому из них вариативность присуща многим предметам, и поэтому в филогенезе у человека для оценки этого качества сформировался отдельный анализатор и функционирует специальный вид ощущения. В таком случае перцептивная оценка человеком нестабильности формы предмета может происходить только после восприятия стабильного предмета. В этом случае, вероятно, такую оценку организует рука совместно со зрением. С помощью воздействия рукой на предмет и с помощью зрения человек изучает в нем наряду с тактильной еще и «зрительную» нестабильность формы [8, с. 67]. Согласно второму варианту можно предположить, что специального анализатора нет, и оценку качеств вариативности предмета осуществляют кинестетические ощущения руки; они выполняют эту оценку без участия зрительного анализатора [10]. Для проверки этих двух альтернативных вариантов гипотезы нами был проведен полимодальный эксперимент по методике многократного восприятия одних и тех же предметов (12 пружин), однако в разных условиях комбинации двух анализаторов: зрительного и кинестетического.

Результаты и их обсуждение. В ходе эксперимента в качестве предметов с вариативной формой для восприятия были использованы 12 металлических пружин, различных по упругости, длине, диаметру витка, шагу витка, толщине проволоки, материалу, цвету (рисунок 1).

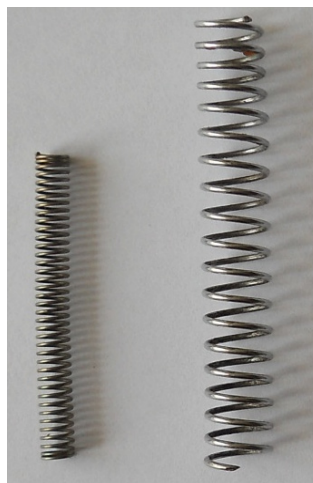

Рисунок 1 – Пример пары пружин, которые предъявлялись испытуемому для балльной оценки их меры несходства.

Чтобы соотнести субъективные и объективные свойства пружины, у нее был описан цвет, измерены коэффициент упругости пружины динамометром, длина, диаметр витка, шаг витка и толщина проволоки пружины штангенциркулем (таблица 1). О свойствах пружин испытуемому не сообщалось. О них знал только экспериментатор. Предполагалось, что потенциально испытуемый может избрать данные свойства для оценки различия пружин.

В пилотажном эксперименте приняли участие восемь испытуемых в возрасте от 18 до 55 лет, из них три человека женского, пять человек мужского пола. У всех испытуемых ведущей рукой была правая.

Каждый из 8-ми испытуемых участвовал последовательно во всех трех экспериментах, в которых он оценивал степень различия одних и тех же пар объектов-пружин при разных комбинациях анализаторов. До опыта один раз все пружины вместе показывались испытуемому на короткое время для ознакомления. Испытуемому было разрешено изучать пружины только одной рукой, чтобы упростить экспериментатору последующий анализ по видеосъемке участие тактильно-кинестетических ощущений в балльной оценке различия пружин.

Эксперимент с участием только зрения. Испытуемый оценивал степень различия пары пружин в условиях только зрительного восприятия с исключенным тактильным и кинестетическим анализаторами. Испытуемый не имел возможности прикасаться к пружинам. Он должен был на основании зрительного восприятия внешнего вида двух пружин дать оценку их различия баллом от 0 (нет различия) до 9 (максимальное различие), без подсказок экспериментатора.

Эксперимент с участием только руки. Испытуемый оценивал различие пружин в условиях тактильного и кинестетического восприятия – с исключенным зрительным анализатором. Он должен был на основании поочередного ощупывания этих объектов правой рукой дать оценку различия между ними. Процесс ощупывания фиксировался на видеокамеру.

Эксперимент с участием зрения и руки. В нем оценка степени различия пружин осуществлялась в условиях одновременного зрительного, тактильного и кинестетического восприятия. Процесс в этом случае также фиксировался на видеокамеру.

По каждому эксперименту составлялась матрица баллов для каждого испытуемого, которая затем обрабатывалась экспериментатором на компьютере по методу многомерного шкалирования (программа Statistica 8.0). В процедуре многомерного шкалирования на первом шаге

находилась минимальная размерность, которой можно экстраполировать балльные оценки испытуемых. Существует несколько методов для определения минимальной размерности психологического пространства (Торгерсон, Шепорд, Измайлов). Ч.А. Измайловым [14] отмечается, что выбор размерности для психологических задач не столь важен, как выбор хорошей содержательной интерпретации шкал. Для психологической интерпретации того, какие качества объектов использованы испытуемыми при оценке их различий, в нашем случае достаточно было трех шкал, обнаруженных компьютерной обработкой баллов. Критерием выбора размерности в нашем случае явилось отсутствие прибавки точности экстраполяции после размерности «три шкалы».

Число шкал при применении многомерного шкалирования в исследовании восприятия обычно оказывается порядка двух, трех или четырех. Число шкал отражает не число физических параметров стимула, а число психологических шкал как физиологических новообразований в мозге. Они компенсируют большое число объективных параметров предметов малым числом интегральных шкал. Так, однополюсные объективные шкалы параметров заменяются в перцептивном пространстве на альтернативно-полюсные шкалы [11].

В нашем случае важно было проверить гипотезу о существовании комплексного механизма, комплексной шкалы перцептивной оценки человеком вариативности формы предмета. Нужно было проверить, что шкала оценки вариативности предмета с помощью методики многомерного шкалирования в целом обнаруживает себя; что это комплексная шкала, и поэтому она исчезает, если то или иное звено ее механизма выключается. Мы допускали, что существует надстройка над самостоятельно работающими зрительным, тактильным, кинестетическим анализаторами. Это надстройка в виде еще одного, интегрального анализатора сигналов от указанных трех анализаторов. Результатом работы этого анализатора становится «ощущение» человеком такого качества предмета, как вариативность его формы. Для оценки этого качества у человека нет специальных рецепторов. Тем не менее в филогенезе для оценки этого биологически важного качества сформировалась на поведенческом уровне и на корковом уровне отдельная шкала оценки. Аналогом данному анализатору является анализатор оценки удаленности предмета от наблюдателя по стереопсису зрения, по сопоставлению в зрительной коре двух видеоизображений, поступающих в мозг с правого и левого глаза.

После обработки матрицы эксперимента-тор получал возможность видеть на бумаге «рас-

положение» 12 точек предметов в трехмерном психологическом пространстве. Производился анализ расположения точек и выяснялось, какие признаковые шкалы выбрал испытуемый для различения пружин. Очередность расположения на шкале и дистанция расположения предметов позволяли экспериментатору интерпретировать то, с каким физическим свойством данных объектов (пружин) ближе всего связана данная шкала у данного испытуемого.

Результаты эксперимента по одномодальной зрительной оценке различия пружин (без дотрагивания до них). Как отмечалось, в первом эксперименте испытуемый по 9-балльной шкале принимал решение о различии пружин, при этом он мог лишь видеть их, лежащими на столе перед испытуемым. Испытуемый мог рассматривать пружины без ограничения времени, менять направление взора, но дотрагиваться до пружин в ходе этого опыта испытуемому не разрешалось. Естественно, что в этом эксперименте такими свойствами, которые испытуемый мог выбирать для отличия пружин, могли быть только оптические распознаваемые свойства пружины, например, ее длина, цвет, толщина. Выявленные по итогам первого эксперимента у разных испытуемых признаковые шкалы представлены в таблице 2.

Из таблицы видно, что такое свойство, как упругость пружины, испытуемые в первом эксперименте не использовали. В этом случае зрительный осмотр пружины чаще всего нацеливал внимание испытуемых на ее длину. Во вторую очередь вниманием охватывался диаметр витка пружины. Восприятие пружин испытуемый строил на основе ощущений (измерений), как правило, двух каких-либо их качеств, геометрических свойств формы. Такое восприятие, по сути, близко к «сумме ощущений».

Результаты эксперимента по одномодальной тактильно-кинестезической оценке различия пружин (без участия зрения). Второй эксперимент с одним и тем же испытуемым следовал через небольшой промежуток времени после первого. Глаза испытуемого были завязаны, и он мог лишь ощупывать рукой пару лежащих перед ним пружин. Испытуемый дотрагивался до пружины рукой, ощупывал ее пальцами, брал в ладонь, изгибал. Испытуемый использовал тактильные и кинестезические ощущения. Выявленные у разных испытуемых с помощью обработки на компьютере признаковые шкалы по итогам второго эксперимента представлены в таблице 3. Естественно, что в данном эксперименте, когда зрение не использовалось, а оценка различий была обеспечена тактильным и кинестезическим анализаторами, мы получили от испытуемых иные, чем в первом экс-

перименте, балльные оценки различия тех же пружин, иные выявленные шкалы, коррелирующие с иными физическими характеристиками пружин, весом, плотностью витков, упругостью.

Из второго эксперимента заметно, что для оценки различий испытуемыми использовалась шкала упругости пружин. Чаще всего испытуемые нацеливали внимание тактильного анализатора на ее длину. Во вторую очередь внимание обращалось на оценку упругости пружины. Как и в первом опыте, неожиданных закономерностей во втором опыте мы не обнаружили. Как и ранее, восприятие отличия пружин испытуемый строит, как правило, на основе ощущений двух каких-либо их метрических качеств, свойств формы. Такое восприятие также близко к «сумме ощущений».

Результаты заключительного эксперимента по полимодальной оценке различия пружин с участием зрения и тактильного ощущения. В третьем эксперименте испытуемому, наконец, предоставлялась возможность оценивать пружины и зрительно, и на ощупь. В этом эксперименте проверялось, будет ли в данном случае балльная оценка равна алгебраической сумме двух предыдущих оценок, или же верна гипотеза о новой дополнительной информации об упругости формы предмета, которую может обнаружить совместная работа руки и глаза. Для этого, прежде всего, была проанализирована видеосъемка двигательного-зрительного поведения испытуемых. Она показала, что испытуемый оценивал в баллах различие двух предъявленных ему пружин путем их осмотра, ощупывания обеих пружин одной рукой, путем нанесения изгибающих воздействий на пружины. С помощью видеокамеры фиксировались движения рук испытуемого и изменения положения его головы, направления взора. В среднем испытуемые в этом опыте несколько дольше во времени изучали пружины прежде, чем принять решение о величине их различия. Важно, что испытуемые не заслоняли руками вид изгибаемых пружин, когда руки манипулировали с ними. Испытуемый отслеживал глазами ход воздействия своей руки на предмет, следил глазами за изменениями зрительной картины, трансформациями формы пружины под воздействием руки. Как и ранее, мы получали матрицы баллов, которые затем обрабатывались на компьютере. В таблице 4 представлены данные о шкалах, которые оказались выявленными и проинтерпретированными в третьем эксперименте у каждого испытуемого.

Из таблицы 4 видно, что испытуемые оценивают отличие пружин в этом полимодальном эксперименте по большому числу разных признаков. Оценка по шкале упругости пружины стала очень представительной. В то время как

Таблица 1 – Объективные свойства пружин

№ пружины	Коэффициент упругости	Длина пружины, см	Диаметр витка пружины, см	Толщина проволоки, мм	Плотность витков (кол. на см)	Вес пружины, граммы	Цвет пружины
1	3	2	0,9	3	0,8	10	Стальной
2	6	4	0,9	1	7,0	27	Серый
3	0	5	0,5	9	5,0	90	Нет
4	9	9	0,6	1	3,0	24	Медный
5	2	2	0,5	2	4,0	15	Белый
6	13	2,2	0,4	1,5	5,0	8	Нет
7	4	2,4	0,4	1,3	6,2	6	Серый
8	11	11	1,0	0,9	2,7	50	Серый
9	15	11	1,0	0,9	5,3	45	Черный
10	8	4	0,6	1,1	8,0	35	Нет
11	6	5	0,8	0,7	2,2	45	Стальной
12	4	6	0,9	0,9	4,0	55	Нет

Таблица 2 – Признаковые шкалы, выявленные у испытуемых в эксперименте при сугубо зрительной оценке различия пружин

Испытуемый	Факт выявления (признаковая шкала D _i) конкретной физической оси в ответах испытуемого с помощью обработки данных многомерного шкалирования программой Statistica					
	Длина пружины	Упругость пружины	Диаметр витка пружины	Толщина проволоки пружины	Плотность витков	Цвет пружины
Женя Н.	D2		D1			
Лена П.	D1		D2			
Валя П.	D1		D3			D2
Alex Kh				D1		
Alex S				D1		D2
Artiom			D2	D1		
Катя	D1				D2	
Витя М.	D1		D2			
Типичные шкалы	D1, D2		D1, D2, D3	D1	D2	D2

Примечание. Знаком «D_i» отмечен факт выявления шкалы у данного испытуемого в виде одной из шкал трехмерного психологического пространства, а пропуском – факт отсутствия соответствующей шкалы в трехмерном пространстве.

Таблица 3 – Признаковые шкалы, выявленные у испытуемых в эксперименте при одномерной тактильно-кинестетической оценке различия пружин

Испытуемый	Факт выявления (признаковая шкала D _i) конкретной физической оси в ответах испытуемого с помощью обработки данных многомерного шкалирования программой Statistica					
	Длина пружины	Упругость пружины	Диаметр витка пружины	Толщина проволоки пружины	Плотность витков	Вес пружины
Женя Н.	D1	D2				D3
Лена П.	D1	D2				
Валя П.		D1	D2			
Alex Kh	D1	D2			D3	
Alex S		D1	D3			

Artiom	D1	D2		D3		
Катя	D2					D1
Витя М.		D1	D2			
Люда	D1		D2			D3
Типичные шкалы	D1, D2	D1, D2	D2	D3	D3	D3

Таблица 4 – Признаковые шкалы, выявленные у испытуемых в эксперименте по полимодальной (зрительно-тактильной) оценке пружин

Испытуемый	Факт выявления (признаковая шкала D _i) конкретной физической оси в ответах испытуемого с помощью обработки данных многомерного шкалирования программой Statistica					
	Длина пружины	Упругость пружины	Диаметр витка пружины	Толщина проволоки пружины	Плотность витков	Цвет пружины
Женя Н.	D2	D1				
Лена П.		D3	D1	D2		
Валя П.	D2	D1				
Alex Kh		D1	D2			
Alex S		D2	D2			
Artiom	D2	D1				
Катя	D1	D2				
Витя М.	D1	D3			D2	
Типичные шкалы	D1, D2	D1, D2, D3	D1, D2	D1, D3	D2	

цвет не был признан признаком отличий, оценка происходит по зрительным и тактильным признакам пружин в большинстве случаев параллельно и совместно.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что подтверждается первая гипотеза. Вероятнее всего, оценка упругости, вариативности формы предмета происходит после восприятия статики стабильного поначалу предмета. Лишь после формирования статического образа предмета начинается реализация механизма оценки вариативности его формы и пополнение информацией ранее сформированного образа.

Механизм оценки упругости и вариативности реализуется рукой совместно со зрением. С помощью активного воздействия на предмет рука изучает в нем «зрительную» нестабильность формы. Скоординированная работа зрительного, тактильного и кинестетического анализаторов образует отдельный автономный анализатор. Благодаря одновременным синхронным движениям глаз и руки, этот анализатор позволяет воспринимающему человеку обнаружить больше информации для сравнения предъявляемых предметов вариативной формы и оценки различий между ними.

Наряду с этим при оценке отличий предметов друг от друга человеком (в условиях отсутствия предписаний) используются такие параметры предметов, как длина предмета, вес, цвет. Однако, если рука человека совершает активные воздействия на предмет и трансформирует его форму, то балльная оценка попарного отличия предметов меняется.

Заключение. Определение объекта с вариативной формой может быть основано не на естественнонаучной природе существования предмета, а на когнитивной природе, на природе объекта становиться предметом, функциональной «вещью» для человека. При таком определении объектом с вариативной формой является физический объект, который от усилия мышц руки человека при перцептивных ее воздействиях на него меняет свою форму в зрительно заметной человеку степени. При этом изменение формы, свойственное физической природе такого объекта, идет в масштабах, не разрушающих объект и его функциональное предназначение для человека. Так, объект, отличающийся упругостью, возвращается после перцептивного воздействия на него к прежней форме, а объект, отличающийся пластичностью, – не возвращается.

Так, объект, отличающийся «крохкостью», приобретающий трещины, не может считаться объектом с вариативной формой.

К категории вариативных объектов может быть отнесен предмет при конъюнктивном выполнении трех условий, из которых второе и третье имеют субъектную, не естественнонаучную природу. По первому условию предмет должен быть объективно по физическому материалу потенциально способным менять форму. Например, быть гибким, пластичным, хрупким, от воздействия силы в диапазоне, который могут реализовать мышцы человеческой руки. По второму условию субъект в адрес этого предмета многократно совершает рукой активное воздействие с силой, достаточной для масштабного объективного изменения его формы. Изменение должно быть в такой степени масштабным, чтобы зрение в состоянии было зафиксировать факт изменения, т.е. должен сработать рефлекс на новизну. По третьему условию объект не должен прекратить от такого активного перцептивного воздействия свое существование, не должен потерять способность выполнять ту антропологическую функцию, которую за ним закрепил субъект.

В восприятии объекта с вариативной формой участвуют кинестетические ощущения суставов и система руки человека в целом. Наряду с этим, синхронно с рукой работает зрительная система. Поэтому оценка степени вариативности предмета (оценка направления вариативности) не сводится к сумме оценок двух или трех анализаторов, не сводится к сумме ощущений. В онтогенезе у человека для оценки вариативности формы объекта формируется отдельный анализатор. У этого анализатора, в отличие от классических, имеется лишь корковый отдел анализатора и нет своих рецепторов и проводящих путей. Им используются рецепторы и проводящие пути зрительного анализатора и кинестетические рецепторы руки, пальцев.

У человека в процессе нанесения перцептивных воздействий на объект с вариативной фор-

мой формируется в психике еще один его образ: дополнительно к образу статики формы предмета формируется образ динамики формы этого предмета. Полученные данные являются интересными в контексте исследования закономерностей восприятия при компьютерном изучении вариативных объектов в учебной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ганзен, В.А. Восприятие целостных объектов / В.А. Ганзен. – Л.: ЛГУ, 1974. – 160 с.
2. Гибсон, Дж. Перцептивное научение – дифференциация или обогащение? / Дж. Гибсон, Э. Гибсон // Хрестоматия по ощущению и восприятию. – М.: МГУ, 1975. – С. 181–197.
3. Зинченко, В.П. Формирование зрительного образа / В.П. Зинченко, Н.О. Вергилес. – М.: МГУ, 1969. – 287 с.
4. Гончаров, О.А. Топологический и метрический принципы обработки пространственной информации: перцептивные и возрастные закономерности / О.А. Гончаров, Н.Е. Емельянова, Ю.Н. Тяпковкин // Психологический журнал. – 2011. – Т. 32, № 1. – С. 87–96.
5. Соколов, Е.Н. Восприятие и условный рефлекс. Новый взгляд / Е.Н. Соколов. – М.: МГУ, 2003. – 288 с.
6. Кремень, М.А. Упреждающая адаптация к новым условиям жизнедеятельности / М.А. Кремень // Народная асвета. – 2000. – № 2. – С. 33–36.
7. Зинченко, В.П. Образ и деятельность / В.П. Зинченко. – М.: МГУ, 1997. – 608 с.
8. Лосик, Г.В. Перцептивные действия человека: кибернетический аспект: монография / Г.В. Лосик. – Минск: ОИПИ, 2008. – 147 с.
9. Лосик, Г.В. Перцептивные действия с предметами инвариантной формы и восприятие их упругости / Г.В. Лосик, А.В. Северин // Шестая междунар. конф. по когнитивной науке: тез. докл., Калининград, 23–27 июля 2014 г. / БФУ. – Калининград, 2014. – С. 402–403.
10. Запорожец, А.В. Восприятие и действие / А.В. Запорожец, Л.А. Венгер, В.П. Зинченко. – М.: Наука, 1967. – 326 с.
11. Лосик, Г.В. Физиологическая интерпретация психологических шкал / Г.В. Лосик, В.Н. Шумская // Когнитивные штудии: сб. ст. – Минск: БГПУ, 2006. – С. 55–62.
12. Беспалов, Б.П. Понятия «предмет» и «средство» в субъектно-деятельностной психологии труда / Б.П. Беспалов // Ежегодник Российского психологического общества. – М., 2005. – Т. 2. – С. 73–79.
13. Вартаков, А.В. Проблема размерности в интеграции локальных анализаторов: сенсорика и моторика / А.В. Вартаков, Г.В. Лосик // Современная психология в контексте трансдисциплинарных исследований: материалы VI междисциплинар. конф. – Минск: БГПУ, 2015. – Вып. 6. – С. 34–38.
14. Измайлов, Ч.А. Психофизиология цветового зрения / Ч.А. Измайлов, Е.Н. Соколов, А.М. Черноризов. – М.: МГУ, 1989. – 194 с.

Поступила в редакцию 02.03.2018 г.

Характеристика компонентов детерминации фрустрационных состояний учеников разных возрастных групп

Прахова С.А.

Государственное высшее учебное заведение

«Криворожский государственный педагогический университет», Украина

Проблема изучения фрустрационных состояний приобретает новое звучание в контексте тех социокультурных трансформаций и преобразований, которые переживает современное человеческое общество. Насыщенная фрустрационными состояниями реальность довольно часто делает невозможным беспрепятственную реализацию заложенного потенциала, значимых целей и жизненных планов личности, что в свою очередь может привести к психологическим трудностям и появлению негативно окрашенных решений.

Целью данной работы является построение и дальнейший анализ предикторной структуры отдельных компонентов детерминации фрустрационных состояний для учеников разных возрастных групп.

Материал и методы. Для реализации поставленной цели использовались валидные психологические методики и методы статистического анализа полученных данных. Основным методом стал регрессионный анализ, который дал возможность выделить восемь предикторных моделей для двух фрустрационных профилей реагирования, которые включали в себя экстрапунитивные реакции самозащитного характера (признанные наиболее неконструктивными) и импунитивные реакции необходимо-упорствующего характера (максимально конструктивные реакции). Распределение данных проводилось методом пошаговой регрессии, которая применялась отдельно для каждого фактора во всех четырех возрастных группах учеников, что позволило построить соответствующие регрессионные уравнения: «Младшие школьники», «Младшие подростки», «Старшие подростки», «Юноши».

Результаты и их обсуждение. В ходе построения регрессионных моделей были определены характерные закономерности, в соответствии с которыми одни психологические параметры выступают факторами усиления фрустрационных состояний (акцентуации характера, тревожность, заниженная самооценка, дезадаптивность), а другие личностные характеристики, наоборот, активизируют обратные процессы, направленные на преодоление фрустрационных состояний (положительные личностные черты, высокая самооценка, интернальный локус контроля, адаптивность).

Заключение. Компоненты детерминации фрустрационных состояний в предикторных регрессионных моделях учеников разных возрастных групп имеют ряд индивидуальных особенностей и отличий, что делает перспективным дальнейшее лонгитюдное исследование этих особенностей в рамках отдельных возрастных периодов.

Ключевые слова: фрустрационные состояния, предикторная модель, детерминанты, младшие школьники, подростки, юноши.

Characteristic of the Determination Components of Frustration States of Different Age Group Pupils

Prakhova S.A.

Kryvyi Rih State Pedagogical University

The problem of studying frustration states acquires a new aspect in the context of those social and cultural transformations and changes that modern human society is experiencing. The reality, which is saturated with frustration states, quite often makes the unhindered realization of the inherent potential, significant goals and life plans of the individual, impossible, which in turn can lead to psychological difficulties and the appearance of negatively colored decisions.

The purpose of this paper is to construct and further analyze the predictor structure of the individual components of the determination of different age group pupils' frustration states.

Material and methods. To implement the goal valid psychological methods and methods of statistical analysis of the data were used. The main method was regression analysis, which made it possible to distinguish eight predictor models for two frustration profiles of response, which included extra-punitive self-protective reactions (recognized as the most unconstructive) and impunitive reactions of necessary-persistent nature (defined as the most constructive reactions). The data distribution was carried out by the stepwise regression method, which was applied separately to each factor in all the four age groups of the students, which allowed constructing the appropriate regression equations: "younger pupils", "younger teenagers", "older teenagers", "young men".

Findings and their discussion. In the course of regression models constructing, characteristic patterns were determined in accordance with which, some psychological parameters act as factors of intensification of frustration states (character accentuation, anxiety, low self-esteem, de-adaptivity), while other personal characteristics, on the contrary, activate reverse processes directed at overcoming frustration states (positive personality traits, high self-esteem, an internal locus of control, adaptability).

Conclusion. The components of the determination of frustration states in predictor regression models of different age group pupils have a number of individual features and differences, which makes it particularly promising to further explore these features in a longitudinal period.

Key words: frustration states, predictor model, determinants, younger pupils, teenagers, young men.

Обобщающий анализ существующих методологических и теоретико-парадигмальных основ изучения феномена фрустрации показал не только отсутствие единого ракурса в его исследовании и понимании, но и серьезный дисбаланс в изучении детерминантов, сопровождающих процесс возникновения и преодоления фрустрационных состояний [1]. У истоков исследования данной проблемы стоял американский психолог С. Розенцвейг [2], который заложил основы для изучения феномена фрустрации с позиции современной ему психологической науки. В дальнейшем его идеи были существенно пересмыслены и преобразованы в работах советского психолога Н. Левитова [3], который вывел ее изучение на качественно новый уровень. На современном этапе научных исследований прослеживается новый виток интереса к проблеме фрустрации, которая фигурирует в ряде современных работ украинских и зарубежных психологов (О. Божок [4], М. Вовк [5], А. Шамне [6], Е. Янгичер [7] и др.). Однако несмотря на увеличение численности таких работ остается необходимость в разработке обобщающей модели детерминации фрустрационных состояний, которая бы учитывала индивидуальные особенности учеников разных возрастных групп, что и стало основной целью данного исследования.

Целью данной работы является построение и дальнейший анализ предикторной структуры отдельных компонентов детерминации фрустрационных состояний для учеников разных возрастных групп.

Материал и методы. В рамках представленного исследования был изучен симптомокомплекс детерминации профилей фрустрационного реагирования методом регрессионного анализа, который использовался с целью интегрировать в одну прогнозируемую модель все психологические факторы фрустрации, отделить тенденции возрастного развития от отдельных ситуативных показателей, а также оценить вклад каждого из предикторов в дисперсию всех критериальных переменных, которые влияют на появление и преодоление фрустрационных состояний у учеников разных возрастных групп. Статистическая обработка данных проводилась с помощью программ пакета IBM SPSS Statistics 22.0.00. [8].

В построение регрессионных моделей были включены все группы независимых переменных (потенциальных предикторов фрустрации), которые ранее были определены с помощью батареи психодиагностических методик и перераспределены через дальнейший корреляционный и факторный анализ. Значимые переменные представлены психологическими параметрами, которые показали наибольший вклад в регрессию: индивидуально-характерологические особенности, тревожность, самоотношение, локус контроля, акцентуации характера, социально-психологическая адаптация.

В качестве зависимых переменных выступили два профиля фрустрационного реагирования: экстрапунитивные реакции самозащитного характера (E/ED) и импунитивные реакции необходимо-упорствующего типа (M/NP). Распределение данных проводилось методом пошаговой регрессии, которая применялась отдельно для каждого фактора во всех четырех возрастных группах учеников, что позволило построить соответствующие регрессионные уравнения: «Младшие школьники», «Младшие подростки», «Старшие подростки», «Юноши».

Результаты и их обсуждение. Регрессионное уравнение «Младшие школьники» (таблица 1) представлено двумя моделями с одинаковым количеством предикторов (36), которые рассчитывались для двух зависимых переменных: E/ED (с множественным коэффициентом корреляции 0,453) и M/NP (с множественным коэффициентом корреляции 0,449).

Представленные регрессионные модели объясняют значительный процент дисперсии и являются значимыми по критерию Фишера (8,419 для E/ED и 12,511 для M/NP). В результате анализа полученных данных был определен статистически значимый позитивный вклад фактора «Общая интернальность» ($B = 0,280$) в реакцию M/NP и такой же статистически значимый, только обратный, вклад параметра интернальности в реакцию E/ED ($B = -0,328$). Такое соотношение может быть свидетельством того, что ученикам с экстермальным локусом контролем присущи неконструктивные реакции на фрустрационные ситуации (самозащитного типа, экстрапунитивного направления), а ученики с преобладающим интернальным типом способны воспринимать фрустрационную ситуацию более адекватно и проявляют реакции, направленные на решение существующей про-

блемы (импунитивные реакции необходимо-упорствующего типа).

Похожая ситуация наблюдается и с акцентуациями характера, которые имеют разный тип для двух зависимых переменных. Для реакций E/ED предиктором выступает педантичный тип акцентуаций ($B = 0,304$), а для реакций M/NP – демонстративный тип ($B = 0,258$). При этом демонстративный тип акцентуаций имеет больший процент конструктивности (среди положительных характеристик – легкость в установлении внешних контактов, стремление к лидерству, нестандартность мышления и поступков), чем педантичный, который характеризуется ригидностью, инертностью психических процессов, склонностью к негативным реакциям на любое нарушение порядка и большим количеством формальных требований к окружающим.

Прогностические свойства регрессионного уравнения «Младшие подростки» (таблица 2) представлены похожими (в сравнении с младшими школьниками) показателями множественного коэффициента корреляции (0,457 для переменной E/ED и 0,370 для M/NP) и общим коэффициентом детерминации (0,208 и 0,137).

Построение множественных регрессионных моделей в группе учеников младшего подросткового возраста позволило выяснить, что на переменные E/ED и M/NP имеют влияние совершенно разные факторы. В составе регрессионной модели E/ED наиболее значимыми предикторами стали: низкая самооценка (глобальное самоотношение ($B = -0,505$)), тревожный тип акцентуаций ($B = 0,413$), дезадаптация (общая адаптивность ($B = -0,408$)), уверенность в себе ($B = 0,285$), эмоциональный комфорт ($B = -0,232$), а наибольшее влияние на M/NP реакции имеют такие факторы, как тревожность (переживание социального стресса ($B = -0,309$)), фрустрация достижения успеха ($-0,203$)), локус контроля (интернальность в области неудач ($B = 0,311$)), сразу два типа акцентуаций (эмотивный ($B = 0,270$), демонстративный ($B = 0,398$)). Высокая значимость фактора «Акцентуации характера» в обоих регрессионных уравнениях показывает, что отдельные типы акцентуаций могут быть как позитивными (демонстративный, эмотивный типы), так и негативными (тревожный тип) факторами при формировании профилей фрустрационного реагирования младших подростков.

Регрессионное уравнение «Старшие подростки» (таблица 3) с множественным коэффициентом корреляции 0,576 и коэффициентом детерминации 0,331 для независимой переменной E/ED представлено пятью предикторами, а для переменной M/NP – только четырьмя (множественный

коэффициент корреляции – 0,395, а коэффициент детерминации – 0,287).

В представленном регрессионном уравнении зафиксирован значимый коэффициент регрессионной связи между переменными E/ED и параметром переживания социального стресса ($B = 0,243$), что объясняется тем фактом, что подростки часто воспринимают себя зависимыми от внешних обстоятельств и имеют низкую способность контролировать ситуацию, что в результате приводит к повышенному уровню тревожности и ряду других личностных проблем. В этом же уравнении было выделено еще четыре фактора, которые влияют на представленную зависимую переменную: «Самоконтроль» ($B = -0,285$), «Страх самовыражения» ($B = -0,221$), «Тревожный тип акцентуаций» ($B = 0,287$), «Принятие других» ($B = -0,289$). Все названные параметры (кроме типов акцентуаций) приведены с отрицательным знаком, что свидетельствует о наличии возможных проблем с окружающими и в соединении со слабым самоконтролем ведет к дестабилизации действий старших подростков.

Показательным можно считать тот факт, что тревожный тип акцентуаций, который фигурирует в представленном уравнении как статистически значимый предиктор, имел высокие показатели и в предыдущей возрастной группе (младшие подростки). Этот факт можно считать свидетельством того, что невротическая акцентуация (которая является лидирующей в тревожном типе акцентуаций) провоцирует появление неконструктивных экстрапунитивно-самозащитных реакций у подростков, поведение которых характеризуется недисциплинированностью, конфликтностью и склонностью к нарушениям правил поведения. В целом для старших подростков характерным является влияние тревожности как личностного качества, которое в соединении с импульсивностью и низким уровнем адаптации негативно влияет на гибкость поведения и способность адекватно воспринимать фрустрационную ситуацию, что в результате может вылиться в необоснованную агрессию по отношению к окружающим и спровоцировать формирование E/ED-профиля фрустрационного реагирования. Характерным является то, что эти факты совпадают с основными позициями украинских исследователей в области изучения психологических характеристик современных подростков (Н. Токарева, Н. Макаренко, А. Шамне) [9].

Ключевыми предикторами в модели M/NP стали: с положительным знаком – «Интернальность в области достижений» ($B = 0,355$), «Самоуважение» ($B = 0,219$), а с отрицательным знаком – «Фрустрация достижения успеха» ($B = -0,249$),

Таблица 1 – Результаты регрессионного анализа детерминации фрустрационных состояний в группе учеников младшего школьного возраста

Название предиктора	β	Beta	t	p <	Статистики модели
Зависимая переменная – E/ED					
Общая интернальность	-0,575	-0,328	-3,571	0,001	R = 0,453 RI = 0,205 F (8,419) p = 0,000
Педантичный тип акцентуаций	0,198	0,284	3,095	0,003	
Внешний контроль	-0,115	-0,397	-2,866	0,006	
Зависимая переменная – M/NP					
Общая интернальность	0,290	0,280	3,072	0,003	R = 0,449 RI = 0,202 F (12,511) p = 0,000
Общая тревожность	-0,055	-0,286	-3,010	0,003	
Ожидаемое отношение от других	0,028	0,366	2,908	0,005	
Демонстративный тип акцентуаций	0,090	0,258	2,045	0,046	

Примечание: тут и дальше: R – коэффициент множественной корреляции, RI – коэффициент детерминации, F – критерий Фишера, β – значение коэффициента детерминации, Beta – стандартизированный коэффициент регрессии, t – критерий Стьюдента, p – уровень значимости.

Таблица 2 – Результаты регрессионного анализа детерминации фрустрационных состояний в группе учеников младшего подросткового возраста

Название предиктора	β	Beta	t	p <	Статистики модели
Независимая переменная – E/ED					
Глобальное самоотношение	-0,082	-0,505	-4,650	0,000	R = 0,457 RI = 0,208 F (8,424) p = 0,000
Уверенность в себе	0,460	0,285	2,650	0,009	
Эмоциональный комфорт	-0,089	-0,232	-2,490	0,014	
Тревожный тип акцентуаций	0,323	0,413	2,651	0,013	
Адаптивность	-0,047	-0,408	-2,617	0,014	
Независимая переменная – M/NP					
Эмотивный тип	0,097	0,270	2,801	0,006	R = 0,370 RI = 0,137 F (7,689) p = 0,001
Фрустрация достижения успеха	-0,202	-0,203	-2,107	0,038	
Демонстративный тип акцентуаций	0,185	0,398	3,739	0,000	
Интернальность в области неудач	0,317	0,311	2,929	0,005	
Переживание социального стресса	-0,305	-0,309	-2,951	0,004	

Таблица 3 – Результаты регрессионного анализа детерминации фрустрационных состояний в группе учеников старшего подросткового возраста

Название предиктора	β	Beta	t	p <	Статистики модели
Независимая переменная – E/ED					
Самоконтроль	-0,654	-0,285	-3,419	0,001	R = 0,576 RI = 0,331 F (8,593) p = 0,000
Принятие других	-0,197	-0,289	-3,427	0,001	
Переживание социального стресса	0,572	0,243	2,774	0,007	
Страх самовыражения	-0,523	-0,221	-2,605	0,011	
Тревожный тип акцентуаций	0,237	0,287	2,245	0,017	

	Независимая переменная – M/NP				
Фрустрация достижения успеха	–0,213	–0,249	–2,649	0,009	R = 0,395 RI = 0,287 F (5,140) p = 0,007
Самоуважение	0,224	0,219	2,324	0,022	
Страх не соответствовать ожиданиям	–0,449	–0,368	–2,918	0,005	
Интернальность в области неудач	0,266	0,355	2,555	0,013	

Таблица 4 – Результаты регрессионного анализа детерминации фрустрационных состояний в группе учеников юношеского возраста

Название предиктора	β	Beta	t	p <	Статистики модели
Независимая переменная – E/ED					
Переживание социального стресса	0,987	0,482	5,051	0,000	R = 0,693 RI = 0,480 F (9,709) p = 0,000
Страх самовыражения	–0,668	–0,282	–2,835	0,006	
Склонность к рискам	0,610	0,266	2,809	0,007	
Самопонимание	0,029	0,195	1,994	0,050	
Интернальность в области межличностных отношений	–0,618	–0,289	–2,960	0,004	
Ведомость	–0,325	–0,527	–4,997	0,000	
Гипертимный тип акцентуаций	0,254	0,391	3,575	0,002	
Принятие себя	–0,73	–0,223	–2,099	0,048	
Независимая переменная – M/NP					
Интернальность в области межличностных отношений	0,205	0,243	2,235	0,029	R = 0,548 RI = 0,300 F (6,973) p = 0,000
Тревожность	–0,268	–0,269	–2,339	0,022	
Самоуважение	0,018	0,283	2,150	0,035	
Самоуверенность	0,026	0,426	2,974	0,005	

«Страх не соответствовать ожиданиям окружающих» (–0,368). Этот комплекс переменных характеризует подростка с импунитивно-необходимо-упорствующим профилем фрустрационных реакций, который имеет адекватную самооценку, интернальный локус контроля и низкий уровень тревожности. Приведенные характеристики являются абсолютно противоположными тем, которые встречались при описании подростков с E/ED-реакциями, что подтверждает положение про полярность определения фрустрационных реакций по отношению друг к другу.

Регрессионные модели для группы учеников раннего юношеского возраста (таблица 4) были наиболее информативными с точки зрения множественного коэффициента корреляции (R = 0,693 для E/ED и R = 0,548 для M/NP) и коэффициента детерминации (RI = 0,480 для E/ED и RI = 0,300 для M/NP).

Результаты множественной регрессии в группе учеников раннего юношеского возраста показали существенные отличия от данных, которые были получены в ходе анализа трех предыдущих выборок учеников (младших школьни-

ков, младших подростков, старших подростков). Количество предикторов, выделенных в данном регрессионном уравнении, оказалось значительно большим и включило в себя абсолютно все параметры, которые были даны для сравнения (индивидуально-характерологические черты, самооценка, тревожность, локус контроля, акцентуации характера и адаптация).

Наибольшее количество предикторов было зафиксировано для модели E/ED: «Ведомость» (–0,527), «Переживание социального стресса» (B = 0,482), «Склонность к рискам» (B = 0,266), «Самопонимание» (B = 0,195), «Гипертимный тип акцентуаций» (B = 0,391), «Страх самовыражения» (–0,282), «Интернальность в области межличностных отношений» (–0,289), «Принятие себя» (B = –0,223). Характерным является то, что практически все положительные характеристики личности представлены в этой модели с отрицательным знаком, а все негативные – с положительным, что говорит про деструктивное влияние на юношей таких параметров, как экстернальный локус контроля, низкий уровень адаптации, завышенный уровень тревожности и наличие акцентуаций характера.

Аналогичный анализ проводился по отношению к другой независимой переменной M/NP, который показал преобладание в данном регрессионном уравнении позитивных предикторов: «Самоуважение» ($B = 0,283$), «Самоуверенность» ($B = 0,426$), «Интернальность в области межличностных отношений» ($B = 0,243$). Среди негативных характеристик была выявлена статистически значимая связь с тревожностью ($B = -0,269$), однако отрицательный знак указывает на ее полярность. В целом данные по выборке учеников раннего юношеского возраста свидетельствуют об усложнении структуры личности юношей, что приводит к соответствующему увеличению потенциальных факторов, которые провоцируют реакции старшеклассников на фрустрационные ситуации.

Результаты регрессионного анализа дали возможность построить четыре регрессионные модели для неконструктивных за своим типом и направлением E/ED-реакций: младшие школьники («Внешний контроль» ($B = -0,397$), «Общая интернальность» ($B = -0,328$), «Педантичный тип акцентуаций» ($B = 0,284$)); младшие подростки («Глобальное самоотношение» ($B = -0,505$), «Тревожный тип акцентуаций» ($B = 0,413$), «Адаптивность» ($B = -0,408$), «Уверенность в себе» ($B = 0,285$), «Эмоциональный контроль» ($B = -0,232$)); старшие подростки («Принятие других» ($B = -0,289$), «Тревожный тип акцентуаций» ($B = 0,287$), «Самоконтроль» ($B = -0,285$), «Переживание социального стресса» ($B = 0,243$), «Страх самовыражения» ($B = -0,221$)); юноши («Ведомость» ($B = -0,527$), «Переживание социального стресса» ($B = 0,482$), «Гипертимный тип акцентуаций» ($B = 0,391$), «Интернальность в области межличностных отношений» ($B = -0,289$), «Страх самовыражения» ($B = -0,282$), «Принятие себя» ($B = -0,223$), «Склонность к рискам» ($B = 0,266$), «Самопонимание» ($B = 0,195$)).

Параллельно было построено четыре регрессионные модели и для наиболее конструктивных за типом и направлением M/NP-реакций: младшие школьники («Ожидаемое отношение от других» ($B = 0,366$), «Общая интернальность» ($B = 0,280$), «Общая тревожность» ($B = -0,286$), «Демонстративный тип акцентуаций» ($B = 0,258$)); младшие подростки («Демонстративный тип акцентуаций» ($B = 0,398$), «Интернальность в области неудач» ($B = 0,311$), «Переживание социального стресса» ($B = -0,309$), «Эмотивный тип акцентуаций» ($B = 0,270$), «Фрустрация достижения успеха» ($B = -0,203$)); старшие подростки («Страх несоответствия ожиданиям окружающих» ($B = -0,368$), «Интернальность в области достижений» ($B = 0,355$), «Фрустрация достижения успеха»

($B = -0,249$), «Самоуважение» ($B = 0,219$)); юноши («Самоуважение» ($B = 0,283$), «Тревожность» ($B = -0,269$), «Интернальность в области межличностных отношений» ($B = 0,243$), «Самоуверенность» ($B = 0,426$)).

Заключение. Полученные регрессионные модели дали возможность определить иерархию влияния представленных выше предикторов на возникновение фрустрационных состояний учеников разных возрастных групп. Хотя в середине построенных моделей присутствует определенная индивидуальная вариативность, их характерной особенностью является наличие таких параметров, как локус контроля, акцентуаций характера, тревожности и социально-психологической адаптации, которые присутствуют во всех четырех выборках учеников. Этот факт дает возможность предположить, что именно между этими группами предикторов и фрустрационными состояниями существует наиболее тесная связь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прахова, С.А. Теоретико-методологічний аналіз проблемами фрустрації на сторінках сучасних українських та російських періодичних видань / С.А. Прахова // Психологія особистості: науковий теоретико-методологічний і прикладний психологічний журнал ДВНЗ «Прикарпатський національний університет імені Василя Стефаника» / за ред. З.С. Карпенко. – 2014. – № 1(5). – С. 28–38.
2. Rosenzweig, S. The Rosenzweig picture-frustration study, children's form / S. Rosenzweig // Projective techniques with children. – New York, 1960.
3. Левитов, Н.Д. Фрустрация как один из видов психических состояний / Н.Д. Левитов // Вопросы психологии. – 1967. – № 6. – С. 118–129.
4. Божок, О.О. Емпіричне дослідження соціальних та психологічних детермінант виникнення фрустрації у період дорослішання / О.О. Божок // Вісник Національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут». Філософія. Психологія. Педагогіка: зб. наук. праць. – 2010. – № 1(28). – С. 74–76.
5. Вовк, М.В. Специфіка психологічних наслідків переживань фрустраційних ситуацій у сучасного студентства / М.В. Вовк // Міжнародний науковий форум: соціологія, психологія, педагогіка, менеджмент: зб. наук. праць. – Київ: НПУ імені М.П. Драгоманова, 2011. – Вип. 6. – С. 197–207.
6. Shamne, A.V. The features of coping behavior and frustrating reactions of teenagers / A.V. Shamne // European science review. Scientific journal (January-February). – Vienna, 2014. – № 1. – P. 116–122.
7. Янгичер, Е.В. Использование арттерапии в коррекции эмоциональных отклонений в состоянии фрустрации подростков из социально неблагополучных групп / Е.В. Янгичер // Вестн. МГОУ. Сер. Психологические науки. – 2009. – № 4. – С. 86–92.
8. Наследов, А. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных / А. Наследов. – СПб.: Питер, 2013. – 416 с.
9. Токарева, Н.М. Сучасний підліток у системі психолого-педагогічного супроводу: монографія / Н.М. Токарева, А.В. Шамне, Н.М. Макаренко. – Кривий Ріг: ТОВ ВНП «ІНТЕРСЕРВІС», 2014. – 312 с.

Поступила в редакцію 14.03.2018 г.

Системный подход в изучении феномена психосоциальной адаптации

Богомаз С.Л.* , Ковалевская Т.Н.**

*Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

**Учреждение образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет»

В статье рассматриваются вопросы изучения феномена психосоциальной адаптации. Исследование психосоциальной адаптации всегда является актуальным и требует тщательного научного обоснования, поскольку процесс психосоциальной адаптации — сложное, многокомпонентное явление, тесно взаимосвязанное с социализацией, самореализацией и психологическим здоровьем личности.

Цель научной работы — соотнесение методологических оснований и технологий изучения психосоциальной адаптации.

Материал и методы. Материалом послужили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные проблемам исследования психосоциальной адаптации с позиций системного подхода. Для решения поставленной задачи были использованы: систематизация и концептуализация научных идей, сравнительный, системный анализ.

Результаты и их обсуждение. На каждом возрастном этапе изучение психосоциальной адаптации целесообразно проводить с позиций системного подхода, предполагающего использование различных методик, построенных на индивидуально-дифференцированном подходе с учетом медицинского анамнеза, направленных на взаимодействие специалистов из разных областей, учитывающих многокомпонентную структуру процесса психосоциальной адаптации, а соответственно, и его нарушений, для получения более полного представления об изучаемом феномене, кроме того, выбранные методики должны быть адаптированы к возрасту респондента.

Заключение. Основопологающим при изучении психосоциальной адаптации является системный подход, основанный на принципах динамического исследования, использования разных методов и методик, соотнесения полученных данных с основными критериями изучения психосоциальной адаптации, такими как психологический, социальный и академический, характеризующие процесс протекания психосоциальной адаптации в соответствующих сферах развития личности. Изучение психосоциальной адаптации, основанное на системном подходе, позволит своевременно выявить и разработать комплексную систему сопровождения и коррекции обнаруженных отклонений на различных этапах онтогенеза личности.

Ключевые слова: психосоциальная адаптация, методология, метод, подход, методика.

A Systematic Approach to the Study of the Phenomenon of Psychosocial Adaptation

Bogomaz S.L.* , Kovalevskaya T.N.**

*Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

**Educational Establishment "Vitebsk State Order of Peoples' Friendship Medical University"

The article examines the issues of studying the phenomenon of psychosocial adaptation. The study of psychosocial adaptation is always topical and requires careful scientific justification, since the process of psychosocial adaptation is a complex, multicomponent phenomenon that is closely interrelated with socialization, self-realization and psychological health of the individual.

The aim of the scientific work is to correlate the methodological foundations and technologies of studying the psychosocial adaptation.

Material and methods. As material the works of domestic and foreign scientists devoted to the problems of studying psychosocial adaptation from the viewpoint of a systematic approach were used. To solve this problem, we used systematization and conceptualization of scientific ideas, comparative, system analysis.

Findings and their discussion. At each age stage, the study of psychosocial adaptation should be carried out from the standpoint of a systematic approach involving the use of different methods based on an individual-differentiated approach, taking into account medical history, aimed at the interaction of specialists from different fields, taking into account the multicomponent structure of the process of psychosocial adaptation, to obtain a more complete picture of the phenomenon being studied. In addition, the selected methodologies should be adapted to the age of the respondent.

Conclusion. Fundamental in the study of psychosocial adaptation is a systematic approach based on the principles of dynamic study, the use of different methods and techniques, correlating the findings with the basic criteria for studying psychosocial adaptation, such as psychological, social and academic, characterizing the process of psychosocial adaptation in the relevant spheres of personal development. The study of psychosocial adaptation, based on the system approach, will allow the timely detection and development of a comprehensive system for tracking and correcting the identified abnormalities at various stages of the ontogenesis of the individual.

Key words: psychosocial adaptation, methodology, method, approach, methodology.

В настоящее время увеличивается количество детей, которых нельзя с достаточной определенностью отнести ни к одному из традиционно выделяемых видов дизонтогенеза. Рост нервно-психических и соматических заболеваний, а также адаптационных расстройств коррелирует с общим снижением успеваемости, что обуславливает возросший интерес к проблеме психосоциальной адаптации и методов ее исследования. Изучение вопросов психосоциальной адаптации всегда актуально и требует тщательного научного обоснования, поскольку процесс психосоциальной адаптации – это сложное, многокомпонентное явление, тесно взаимосвязанное с социализацией, самореализацией и психологическим здоровьем личности. Если его нарушение на ранних этапах онтогенеза не компенсируется со временем, то переходит в более глубокие нарушения, затрагивающие многосторонние функциональные психологические аспекты личности [1; 2].

Исходя из того, что психосоциальная адаптация – это один из ключевых процессов становления и развития личности, адаптационные расстройства находятся в поле зрения различных специалистов, что обоснованно также комплексным характером, постоянным ростом и распространенностью данных расстройств [2; 3].

Анализ литературы показал, что в настоящее время не определены единые подходы к изучению феномена психосоциальной адаптации [3–8].

Было выявлено, что одно из ключевых понятий психологии – «адаптация» – рассматривается в рамках следующих подходов: биологического, характеризующего ее как приспособление, направленное на сохранение гомеостаза организма (Ю.А. Милославский, Н.А. Свиридов, И.М. Сеченов, А.А. Ухтомский); психоаналитического, который базируется на гедонистической, гомеостатической и прагматической направленности процесса адаптации (Г. Гартман, З. Фрейд); интеракционистского, рассматривающего ее как ряд ситуативных адаптаций (Дж.Г. Мид, Г. Блумер, Т. Шибутани, И. Гофман, Л. Филипс); информационного, акцентирующего внимание на психологической готовности человека к техногенным и информационным перегрузкам (О.И. Кайлаков, А.В. Сухарев); необихевиористского, понимающего ее не только как процесс, но и как состояние приспособления (Г. Айзенк, В. Арнолд, Р. Хэнки); деятельностного, понимающего ее в качестве основополагающего механизма различных видов деятельности (Л.М. Ковалева, Т.В. Костяк, П.В. Кузнецов, Б.Г. Мещеряков, Н.Я. Семаго, С.И. Семенака); системного, определяющего ее как сложное, полиструктурное, мно-

гоуровневое явление (Д.Н. Дубровин, А.Г. Маклаков, М.Е. Сандомирский, А.А. Реан) [2; 3].

Многоплановый, комплексный характер проблемы психосоциальной адаптации и огромное количество несистематизированного материала, касающегося данной проблемы, предполагает необходимость рассмотрения методологических принципов и подходов к ее изучению. Мы обращаемся к принципу системного подхода как одному из наиболее эффективных методологических принципов, позволяющих получить более полное представление об изучаемом феномене. Исследование психосоциальной адаптации на основе системного подхода позволит построить индивидуальный профиль общей адаптивности личности и прогнозировать наиболее вероятные типы нарушений адаптации [2; 3].

Цель научной работы – соотнесение методологических оснований и технологий изучения психосоциальной адаптации.

Материал и методы. Материалом послужили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные проблемам изучения психосоциальной адаптации с позиций системного подхода. Для решения поставленной задачи были использованы: систематизация и концептуализация научных идей, сравнительный, системный анализ.

Результаты и их обсуждение. В Республике Беларусь большой вклад в развитие методологии исследования внесли работы Ю.Н. Карандашева, В.М. Козубовского, И.А. Фурманова, А.В. Янчука [2; 3]. Методологической основой изучения ПСА адаптации в отечественной науке является культурно-историческая теория Л.С. Выготского [2; 3; 9], основанная на следующих принципах: комплексный подход как всестороннее обследование всех сфер активности индивида; системный подход, предполагающий анализ составляющих и рассмотрение интегральных свойств изучаемого явления, установление причинно-следственных связей; принцип динамического исследования с учетом возрастных особенностей испытуемых.

Системный подход в изучении адаптации предлагает также и А.А. Налчаджян [10]. Согласно А.А. Налчаджяну, психосоциальная адаптация представляет собой системное явление, состоящее из психологического, социального, академического, биологического и физиологического уровней, соответственно, личность может быть адаптирована на одном уровне, одновременно дезадаптирована на другом, и изучить данное явление возможно только при помощи системного подхода.

Такого же мнения придерживается в своих исследованиях и С. Миллер [11], выделяя одним из наиболее результативных методологических

подходов в исследованиях – мультиметодологический подход. Данный методологический подход предполагает проведение исследования с позиций множественности подходов, которые наиболее продуктивны для изучаемой области, использования синтеза различных методов и разнообразных методик, благодаря чему слабые стороны одного метода компенсируются сильными сторонами другого и выводы, основанные на совмещении результатов, полученных с помощью разных методик, более достоверны, чем выводы, полученные при помощи только одного метода. Как указывает С.А. Миллер, использование только одного метода ставит под угрозу валидность (монометодическое искажение) [2; 3; 11].

Как указывает С.А. Миллер, метод возрастных срезов позволяет проследить индивидуальные различия в процессе психосоциальной адаптации на различных этапах онтогенеза.

Исходя из положения об изучении психосоциальной адаптации на различных взаимодействующих друг с другом уровнях, обуславливающих понимание детерминант развития личности на разных этапах онтогенеза, и сложности данного феномена, мы согласны с мнением С.А. Миллера о целесообразности применения метода возрастных срезов, позволяющего выявить особенности протекания процесса психосоциальной адаптации на различных этапах онтогенеза личности и проследить динамику адаптационного процесса посредством собственно личностных психологических сил развития [2; 3; 11].

Концепцию особенностей протекания процесса адаптации на разных этапах онтогенеза выделяет в своих работах Л.И. Божович [12], согласно которой на каждом возрастном этапе развития личности процесс адаптации обусловлен приоритетными направлениями деятельности и проявляется в определенных значимых сферах, так в школьном возрасте – это усвоение знаний, принятие новой социальной роли, в подростковом – формирование межличностного взаимодействия, в юношеском – реализация в учебно-профессиональной деятельности. Базовой потребностью, обеспечивающей развитие, является потребность в новизне, вызывающей усвоение социального опыта.

Такой же принцип прослеживается и в работах В.А. Янчука, который также указывает на преимущества интегративного подхода, в основе которого лежат разновекторный анализ, учет множественности и диатропичности изучаемого феномена [3; 13; 14]. Разработанный В.А. Янчуком метод интегративной эклектики предполагает комбинирование количественных и качественных методов исследования, различных методологий

с целью выявления различных аспектов исследуемого явления, познания сложных и противоречивых социально-психологических феноменов. Преимуществом интегративной эклектики являются объединение теорий, их систематическое построение, использование различных теоретических подходов с целью получения максимума возможной информации [3; 15; 16; 17].

Системный подход к изучению феномена психосоциальной адаптации выделяет в своих работах и Б.С. Братусь [18], описывая концепцию взаимосвязи адаптации личности и психологического здоровья, согласно которой психологическое здоровье тесно связано с адаптированностью в социальных отношениях, развитием эмоционально-волевой и познавательной сфер, способностью к постановке жизненных целей и активностью в их достижении. Адаптированной в психологическом и психосоциальном смысле считается личность, способная к постоянному развитию, ответственности в межличностных отношениях, при соответствии поведения установленным социальным критериям.

Рассмотрение протекания процессов психосоциальной адаптации на разных, взаимодействующих друг с другом уровнях обосновано и с позиций подхода с точки зрения полного жизненного цикла (Всемирная организация здравоохранения) [19; 20], т.е. принцип ориентации на решение любой проблемы на каждом возрастном этапе развития личности – от дородового периода до подросткового возраста, при наличии межсекторального взаимодействия с целью улучшения психосоциального развития и психического здоровья детей и подростков.

Из вышесказанного очевидно, что на каждом возрастном этапе изучение психосоциальной адаптации целесообразно проводить с позиций системного подхода, предполагающего использование различных методик, построенных на индивидуально-дифференцированном подходе с учетом медицинского анамнеза, направленных на взаимодействие специалистов из разных областей, учитывающих многокомпонентную структуру процесса психосоциальной адаптации, а соответственно, и его нарушений, для получения более полного представления об изучаемом феномене, кроме того, выбранные методики должны быть адаптированы к возрасту респондента [3].

Заключение. В результате проведенного теоретического анализа были выделены наиболее значимые показатели психосоциальной адаптации, обобщенные в три сферы: академическая, психологическая и социальная. Основными показателями на разных этапах онтогенеза являются: в академической сфере – готовность к когнитив-

ному развитию, оптимальный уровень развития моторики, наглядно-образного мышления, произвольного внимания, произвольной памяти, способности устанавливать причинно-следственные связи, мотивационной готовности к обучению в школе, усвоение программы обучения. В психологической сфере – низкий уровень тревожности, астении, высокий уровень саморегуляции, удовлетворенность отношениями с окружающими, эмоционально-волевая зрелость, волевая регуляция. В социальной сфере – сформированность коммуникативных умений и навыков, высокий социальный статус, принятие новой социальной роли, положительное отношение к школе, положительное отношение к новой социальной ситуации развития. Так как психосоциальная адаптация охватывает практически все психологические сферы личности и состоит из большого числа компонентов, целесообразно проводить выборочное исследование наиболее значимых показателей, объединенных нами в три вышеописанные сферы [2; 3].

Наиболее перспективным направлением изучения показателей психосоциальной адаптации, на наш взгляд, является системный подход, который обеспечит соотнесение психологических концепций и осуществление на этой основе интеграции психологического знания [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Давидович, А.А. Усвоение понятия числа и счетных операций первоклассниками с нейропсихологическими синдромами отклонения развития: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.10 – коррекционная психология / А.А. Давидович. – Минск, 2005.
2. Ковалевская, Т.Н. Влияние задержки внутриутробного роста и развития плода на социально-психологическую адаптацию детей на различных этапах онтогенеза: монография / Т.Н. Ковалевская. – Витебск: ВГУ, 2015. – 226 с.
3. Ковалевская, Т.Н. Интегративный подход в изучении феномена психосоциальной адаптации / С.Л. Богомаз, Т.Н. Ковалевская // Проблеми сучасної психології: збірник наукових праць ДВНЗ «Запорізький національний університет» та Інституту психології імені Г.С. Костюка НАПН України / за ред. С.Д. Максименка, Н.Ф. Шевченко, М.Г. Ткалич. – Запоріжжя: ЗНУ, 2016. – № 1(9). – С. 14–19.
4. Простяков, А.И. К вопросу применения методики диагностики социально-психологической адаптации на практике / А.И. Простяков // Современные наукоемкие технологии. – 2007. – № 1. – С. 83–84.
5. Левина, Р.Е. Изучение неговорящих детей / Р.Е. Левина // Хрестоматия по логопедии: в 2 т. – М., 1997. – Т. 2. – С. 23–32.
6. Маклаков, А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях / А.Г. Маклаков // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22, № 1. – С. 16–24.
7. Мазиллов, В.А. Методология и методы психологии: основные направления методологических исследований и разработок в современной российской психологической науке / В.А. Мазиллов // Психологический журнал. – 2010. – № 1. – С. 3–14.
8. Мельникова, Н.Н. Диагностика социально-психологической адаптации личности: учеб. пособие / Н.Н. Мельникова. – Челябинск: ЮУрГУ, 2004. – 57 с.
9. Выготский, Л.С. Мышление и речь: в 6 т. / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 2. – С. 6–360.
10. Налчаджян, А.А. Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии) / А.А. Налчаджян. – Ереван: АН Армянской ССР, Ин-т философии и права, 1988. – 263 с.
11. Миллер, С. Психология развития: методы исследования / С. Миллер. – Питер, 2002. – 464 с.
12. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. – СПб.: Питер, 2008. – 400 с.
13. Янчук, В.А. Введение в современную социальную психологию: учеб. пособие для вузов / В.А. Янчук. – Минск: АСАР, 2005. – 768 с.
14. Янчук, В.А. Интегративная эклектика / В.А. Янчук // Всемирная энциклопедия: философия. – М.: АСТ; Минск: Современный литератор, 2001. – С. 312–313.
15. Янчук, В.А. Интегративно-эклектический подход к анализу психологической феноменологии / В.А. Янчук // Словарь-справочник. – Минск: АПО, 2001. – 48 с.
16. Янчук, В.А. Новые подходы в психологическом исследовании / В.А. Янчук // Выбранные научные работы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта: у 7 т. – Минск: БДУ, 2001. – Т. 1. – С. 217–232.
17. Yanchuk, V. Methodological triangularity approach to cross-cultural phenomenon's analysis / V. Yanchuk // Cultural diversity and European integration, Abstracts of Joint European Conference of International Association for Cross-Cultural Psychology and the International Test Commission, University of Graz, Austria, June 29 – July 2, 1999 / Q.E. Sim, N.K. Tanzer (Eds.). – Karl-Franzes Universitat Press, 1999. – P. 134–135.
18. Братусь, Б.С. Аномалии личности / Б.С. Братусь. – М.: Мысль, 1988. – 301 с.
19. Европейская стратегия «Здоровье и развитие детей и подростков» / Всемирная организация здравоохранения. – 2005. – С. 23.
20. Promoting optimal fetal development. Report of a Technical Consultation World Health Organization. – WHO: Document Production Services, Geneva, Switzerland, 2006. – 58 p.

Поступила в редакцию 10.01.2018 г.

Изучение синдрома «burnout» у педагогических работников

Макаренко Н.Н.

Государственное высшее учебное учреждение «Криворожский государственный педагогический университет», Украина

Burnout (эмоциональное выгорание работника) – всякое изменение, вызванное профессией, которое наступает в организме в результате многолетнего пребывания в одной и той же профессии, приобретающее стойкий характер, охватывающее все сферы физической и психической организации человека, изменяющее их влиянием выбранной профессии.

Цель статьи – проанализировать наличие синдромов эмоционального выгорания у работников сферы образования, причины их возникновения.

Материал и методы. Исследование проводилось в сентябре-октябре 2017 года в учреждениях образования разного типа (Доме малютки, общеобразовательных школах). Выборка составила 36 человек (18 воспитателей областного Дома малютки, 18 учителей школ). Стаж работы – 10 лет и более. В диагностике использована методика для оценки синдрома «выгорания» в профессиях системы «человек-человек» Н.Е. Водопьяновой (вариант II «Для учителей и преподавателей»). С помощью методики Д. Марлоу, Д. Крауна осуществлялась проверка уровня социальной желательности (мотивации одобрения).

Результаты и их обсуждение. Полученные результаты позволили утверждать, что у работников сферы образования (со стажем работы более 10 лет) наблюдаются все проявления синдрома профессионального выгорания: эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция личных достижений. Деперсонализация работников Дома малютки в определенной степени оказывает влияние на редукцию личных достижений.

Показатель деперсонализации учителей, в отличие от воспитателей, влияет на редукцию. Полученные результаты – свидетельство специфики работы учреждения. Деперсонализация работников интерната поясняется тем, что ими выполняются, в первую очередь, функции ухода за обездоленными и нездоровыми детьми. Деперсонализация работников школ обусловлена педагогической агрессией, ролевым экспансионизмом, преувеличением значения своей роли, неадекватностью самооценки, завышенным уровнем притязаний, дидактичностью. Редукция личных достижений – свидетельство того, что диагностируемые проявляют эмпатию, взаимопонимание в межличностных отношениях, создают атмосферу сотрудничества, планируют многое достичь в своей жизни и т.д. Такие данные определенным образом диссонировать с показателями первых двух критериев. Но, учитывая несколько завышенный уровень проявленной социальной желательности диагностируемых, эти данные можно отнести к разряду намеченных целей, которые при отсутствии четкого плана являются простыми желаниями.

Заключение. Проведенное исследование показало не только наличие компонентов профессионального выгорания у работников учреждений образования, но и дало возможность проанализировать причины, его порождающие, разработать на этой основе рекомендации по их профилактике. Рекомендации доводятся до сведения работников системы образования.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция личных достижений, профилактика.

A Study on Teachers' Burnout Syndrome

Makarenko N.N.

State Institution of Higher Education "Kryvyi Rih State Pedagogical University", Ukraine

Burnout (emotional burning out of a worker) is any changes caused by the profession which occur in a body as a result of a perennial stay in one and the same profession, which acquire persistent nature, covering all the areas of physical and mental structure of a person, changing them under the influence of the chosen profession.

The purpose of the article is to analyze presence of teachers' burnout syndromes and their causes.

Material and methods. The study was conducted in September-October 2017 in educational establishments of different types (Babies' Home, secondary schools). The sample was 36 people (18 Babies' Home nurses, 18 schools teachers) who worked ten and more years. The methodology for evaluation of burnout syndrome among the "person - person" professions (the 2nd variant "For teachers and instructors") by N.E. Vodopyanova was applied in the diagnostics. With the help of D. Marlowe and D. Crowne's methodology the level of social desirability (the approval motive) was checked.

Findings and their discussion. The findings let us claim that teachers, who work more than 10 years, manifest the burnout syndrome: emotional exhaustion, depersonalization, and reduction of personal achievements. Depersonalization of the orphanage workers has to some extent an impact on the reduction of personal achievements.

A rate of teachers' depersonalization unlike nurses affects reduction. The obtained results are the evidence of the specificity of the institution work. Depersonalization of the orphanage workers is explained by their taking care of destitute and unhealthy children. Depersonalization of school teachers resulted from pedagogical aggression, role expansion, exaggerating the importance of one's role, inadequate self-esteem, the overconfidence effect, didacticism. Reduction of personal achievements is the evidence of showing empathy, mutual understanding in interpersonal relations by the workers,

making atmosphere of co-working, planning to achieve a lot in their lives etc. These data discord the rates of two previous criteria. However, taking into account somewhat higher level of social desirability, we can attribute these data to the category of goals, which are simple desires, unless there is a definite plan.

Conclusion. The study not only showed availability of teachers' burnout components, but also gave the opportunity to analyse the generative causes and on their basis develop the recommendations for preventing them. The recommendations are notified to teachers.

Key words: professional burnout, emotional exhaustion, depersonalization, reduction of personal achievements, prevention.

В burnout – или эмоциональное выгорание работника – явление, пронизывающее все сферы деятельности человека. Этот синдром следует отнести к категории неспецифических профессиональных деформаций, деструкций личности. Словарь трактует понятие «деформация» (от лат. *deformatio* – искажение) как изменение формы, искажение сущности чего-либо; «деструкция» (лат. *destructio* – разрушение) – нарушение, разрушение правильного, нормального строения [1, с. 272, 274]. Под профессиональной деформацией понимают всякое изменение, вызванное профессией, которое наступает в организме в результате многолетнего пребывания в одной и той же профессии и приобретает стойкий характер. Она охватывает все сферы физической и психической организации человека, изменяя их влиянием выбранной профессии. Даже сами понятия «деформация», «деструкция», «выгорание» несут в себе отрицательное значение, не говоря о том, насколько изменяет человека синдром профессионального выгорания, снижает продуктивность его труда, ухудшает взаимоотношения с другими людьми.

Интерес к явлению изменений личности под влиянием профессии (возникновение, основные причины, симптомы) проявился еще в 30-е годы прошлого столетия. В «Истории советской психологии труда» С.Г. Геллерштейн отмечал, что деформацию следует понимать как изменение, наступающее в организме и приобретающее стойкий характер (например, искривление позвоночника у конторских служащих, угодливость приказчика, лживость кельнера) [2].

В конце XX века большой интерес исследователей привлек феномен профессионального (эмоционального) выгорания, присущий работающим в сфере «человек–человек». Понятие «эмоциональное выгорание» ввели американские психиатры Гинзбург и Фрейнденбергер, поначалу считая его состоянием изнеможения, истощения с ощущением собственной бесполезности [3]. Американский психолог С. Маслач изучал проявление синдрома в сфере профессий обслуживания. Он описал три стадии выгорания: от эмоционального и физического истощения в начале проявления синдрома, негативного циничного отношения к людям, снижения самооценки до третьей ста-

дии – полного выгорания [4]. Вместе с тем, анализируя сложное взаимодействие поведенческих, когнитивных, эмоциональных признаков, ученые не выделили индивидуальных, внутренних, организационных, внешних составляющих компонентов синдрома, особенностей взаимодействия. Синдром профессионального выгорания, скорее всего, рассматривался как реакция на длительный стресс, который наиболее часто встречается среди профессий «человек–человек».

Проблема профессиональных изменений актуальна и сегодня, привлекая внимание как зарубежных, так и отечественных исследователей. В.Г. Артамонова и Н.Н. Шаталов отнесли их к профессиональным болезням; С.П. Безносков, А.М. Митина изучали негативные новообразования, сопровождающие деструктивную профессионализацию; А.К. Маркова на основе обобщения исследований нарушения профессионального развития личности выделяла тенденции профессиональных деструкций; Э.Ф. Зеер, Э.Э. Сыманюк предложили психотехнологии преодоления профессионально обусловленных деструкций и т.д. [3].

Американский психолог Б. Перлман детально описал психологические, психосоматические и поведенческие симптомы выгорания. В. Бойко определил фазы выгорания: тревожное напряжение, резистенция, истощение; Т. Форманюк описаны факторы (личностные особенности, статусно-ролевой, организационный), которые играют существенную роль в эмоциональном выгорании [5; 6]. Н.В. Самоукиной определена «группа риска», куда вошли те, кто постоянно общается с другими, интроверты, личности с внутриличностными конфликтами. Н.В. Самоукиной описаны три группы симптомов «выгорания»: психофизические (утомление, синдром хронической усталости, появление болей, расстройство работы желудка); социально-психологические (пассивность в работе, равнодушие к ее результатам, раздраженность, негативные эмоции, тревожность); поведенческие (неудовлетворенность работой, осознание ее тяжести, трудоголизм, избегание принятия решений). Наиболее ярко синдром «выгорания» проявляется в тех случаях, когда коммуникации отягощены эмоциональной насыщенностью или когнитивной сложностью. Вероятность проявления проблемы «выгорания» увеличивается по мере возрастания частоты про-

должительности контактов разрушительной или раздражительной природы. Соответствующим образом «выгорание» соотносится с количеством и качеством контактов, которые профессионал имеет со своими клиентами [7].

Условия и влияние профессиональной педагогической деятельности как фактора профессиональной деформации личности учителей общеобразовательных школ и преподавателей вузов рассматривает Е.В. Захарова [8]. Результаты исследования, направленные на выявление взаимосвязи между эмоциональным выгоранием и типом поведения в конфликтной ситуации, представлены в работе М.В. Науменко, С.В. Жолудевой [9]. Сопоставительный анализ симптомов эмоционального выгорания учителей с различными уровнями личностной ответственности представили психологи Российского университета Дружбы народов [10].

В настоящее время известны три модели «психического выгорания», методы их оценки:

1. Одномерная модель, где выгорание – состояние психического и физического, прежде всего, эмоционального истощения, вызванного длительным пребыванием в эмоционально перегруженных ситуациях общения. Данная трактовка близка к понятию «синдрома хронической усталости».

2. Двухмерный конструкт голландских исследователей, которые рассматривают «выгорание» как эмоциональное истощение и деперсонализацию (ухудшение отношений с другими, иногда к себе лично).

3. Американские исследователи К. Маслач и С. Джексон разработали трехкомпонентную модель «выгорания»: синдром эмоционального истощения, деперсонализация, редукция личных достижений [4].

Но по-прежнему недостаточно исследований, определяющих влияние специфики учреждения (интернат, общеобразовательная школа, школа нового типа, высшее учебное заведение, дошкольное учреждение) на формирование синдрома профессионального выгорания, что делает нашу статью актуальной и своевременной.

Цель статьи – проанализировать наличие синдромов эмоционального выгорания у работников сферы образования, причины их возникновения (для последующей разработки эффективных мер профилактики).

Материал и методы. Наше исследование проводилось в сентябре-октябре 2017 года в учреждениях образования разного типа (интернате, общеобразовательной школе). Целью исследования было измерение уровня трех компонентов (по К. Маслачу) профессионального выгорания: синдрома эмоционального истощения, деперсонализации, редукции личных достижений

и определение основных причин их формирования, взаимовлияния компонентов. В диагностике использована методика для оценки синдрома «выгорания» в профессиях системы «человек-человек» Н.Е. Водопьяновой (вариант II для учителей и преподавателей) [13]. Перед началом диагностического исследования нами осуществляется проверка уровня социальной желательности (мотивации одобрения) с помощью методики Д. Марлоу, Д. Крауна. Озвученный результат тестирования по данной методике, как правило, предостерегает диагностируемого от последующей готовности продемонстрировать завышенное соответствие социальным нормам (неискренность) [11]. Дополнительная информация была получена в результате бесед и наблюдения. Качественный и количественный анализ (коэффициент ранговой корреляции Т-Кенделла) использовался для обработки результатов, определения взаимосвязи между ранговыми переменными.

Выборка составила 36 человек: 18 воспитателей областного Дома малютки, 18 учителей школ. Стаж работы – 10 лет и более.

Результаты и их обсуждение. Обобщенные результаты психодиагностических измерений представлены на диаграммах.

В Доме малютки уровень **эмоционального истощения** – 24,5. Это показатель выше среднего в сравнении с данными американских и российских исследований. Этот же показатель еще более высок в общеобразовательной школе – 29 (рисунок 1).

Как известно из проведенных исследований, эмоциональное истощение – основная составляющая синдрома. Она характеризуется сниженным эмоциональным фоном, равнодушием, эмоциональным перенасыщением, которое наступает вследствие многолетней работы с проблемными «обиженными» детьми (Дом малютки). Профессиональное выгорание работников именно этого учреждения связано с необходимостью многолетнего глубинного эмоционального отклика на людские беды и сложности, исчерпывающие возможности личности. Но в заведениях подобного типа имеется ряд преференций (надбавки к зарплате, доступное питание, обслуживание беспомощных детей), которые определенным образом могут уменьшить проявление данного синдрома.

У работников школ уже на этапе освоения профессиональной деятельности наблюдаются следующие недостатки в развитии эмоциональной сферы: они не умеют управлять своими эмоциями как при общении с учеником, так и при общении с коллегами, администрацией, родителями (в высших учебных заведениях этому вопросу не

уделяется внимания). Неадекватное выражение эмоций проявляется в слезливости, чрезмерной возбужденности, нервозности, импульсивности действий. В напряженных педагогических ситуациях учителя переживают негативно неуровновешенные состояния с повышенной психической активностью (обида, гнев, тревога, нервозность), неуровновешенные состояния со сниженной активностью (растерянность, униженность). По данным Е.П. Ильина, наиболее напряженными (52% ситуаций) есть ситуации взаимодействия «учитель–ученик», руководство их самостоятельной работой, организация учебно-воспитательных мероприятий; «учитель–коллеги–администрация» (30%); «учитель–родители» (18%) [2].

Представители обоих учреждений (и в силу ряда социально-экономических причин) чаще демонстрируют отрицательные эмоции.

Эмоциональная насыщенность деятельности постоянна, она инициирует развитие усталости, эмоционального выгорания. Данные негативные тенденции усугубляются возрастными психофизиологическими изменениями, семейными проблемами.

Второй показатель выгорания – **деперсонализация** (деформация отношений с другими, повышение негативизма, циничности) – выше у работников общеобразовательных школ (11). В Доме малютки уровень деперсонализация 9,5, что соответствует среднему показателю в сравнении с американской и российской выборкой (рисунок 2).

Подобный результат можно объяснить такими профессиональными деформациями учителей, как педагогическая агрессия (пристрастное отношение к «неудобным» ученикам, их родителям, коллегам, администрации), ролевой экспансионизм (фиксация на собственных личностных и профессиональных достижениях и трудностях, преувеличение значения своей роли, неадекватность самооценки, завышенный уровень притязаний), дидактичность (стремление к морализаторству, постоянному упрощенному пояснению). Специфика работы в Доме малютки (с постоянно увеличивающимся в Украине подобным контингентом детей младенческого, раннего и дошкольного возраста), в том, что работники в первую очередь выполняют функции ухода. Но они могут осознавать непродуктивность своей деятельности. Деятельность эта, как правило, однотипна, однообразие профессиональных будней утомляет, заставляет осознать бесперспективность работы. А появление молодых сотрудников, имеющих багаж теоретических знаний, но отсутствие практических навыков порождает скептицизм, негативизм в восприятии таких коллег.

Деперсонализация работников старшего поколения, отсутствие наставничества влияет на профессиональную адаптацию молодежи. Ее социально-профессиональные ожидания не оправдываются, что приводит к избеганию ответственности, имитации активности, эмоциональной отстраненности от старших коллег, то есть в определенной степени к тому же синдрому. Пусковым механизмом деформации молодых работников может стать деструкция ожидания на стадии вхождения в самостоятельную профессиональную жизнь. Педагогическая реальность сильно отличается от представления, сформированного у вчерашнего студента теми преподавателями вузов, которые сами не имеют опыта практической деятельности. Потому начинается поиск кардинальных методов работы, а возникшие неудачи, отрицательные эмоции, разочарования инициируют развитие профессиональной дезадаптации.

Показатель **редукции личных достижений** может проявляться либо в тенденции к негативному оцениванию себя, своих профессиональных достижений и успехов, негативизме относительно служебных достоинств и возможностей, либо в редуцировании собственного достоинства, ограничении своих возможностей (рисунок 3).

Высокий показатель (Дом малютки – 28,3, средняя школа – 30) свидетельствует о том, что диагностируемые проявляют эмпатию, взаимопонимание в межличностных отношениях, создают атмосферу сотрудничества, планируют многое достичь в своей жизни и т.д. Эти данные определенным образом диссонируют с показателями первых двух критериев.

Но, учитывая уровень проявленной социальной желательности диагностируемых, эти данные можно отнести к разряду намеченных целей, которые при отсутствии четкого плана являются простыми желаниями.

Известно, что по мере освоения профессии как воспитатели, так и учителя все более погружаются в профессиональную среду, реализуя деятельность относительно устойчивыми и оптимальными способами. Длительное выполнение одной и той же профессиональной деятельности провоцирует возникновение стереотипов, автоматизацию профессиональных навыков. Квалифицированное выполнение деятельности перестает требовать больших усилий. Личность перерастает себя, становится готовой к выполнению более сложных задач, но, как правило, отсутствие кадровой ротации и карьерного сопровождения в учреждении не дает этого сделать. Даже прохождение так называемых курсов повышения квалификации не становится мощным толчком

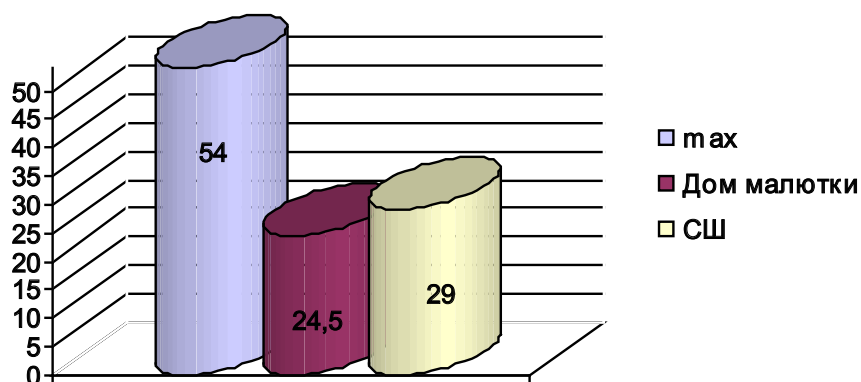

Рисунок 1 – Эмоциональное истощение работников Дома малютки и учителей общеобразовательных школ.

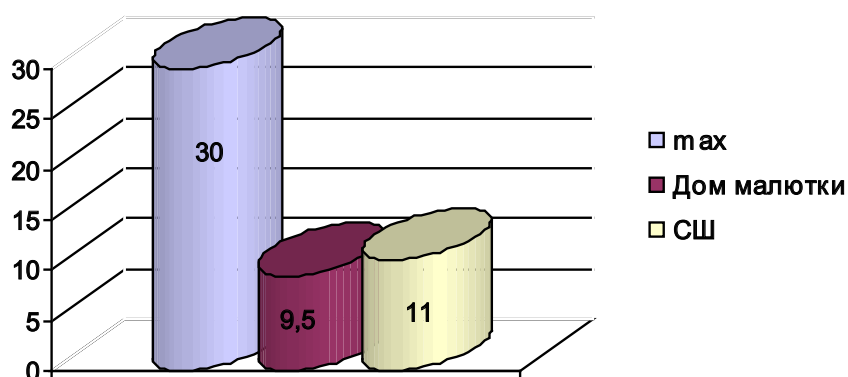

Рисунок 2 – Деперсонализация работников Дома малютки и учителей общеобразовательных школ.

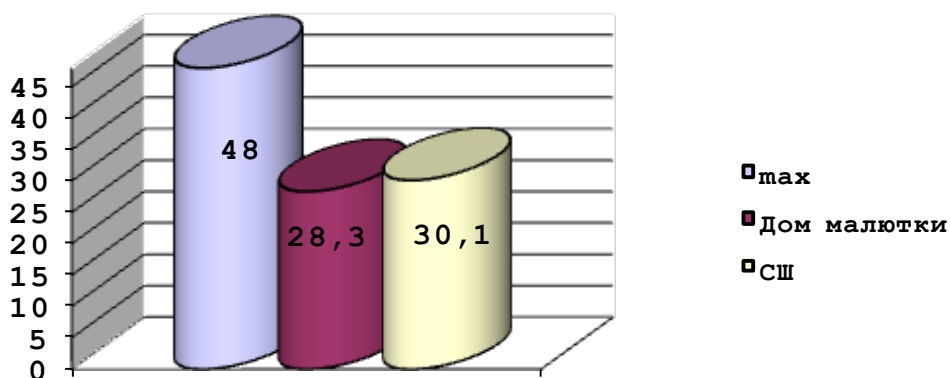

Рисунок 3 – Редукция личных достижений работников Дома малютки и учителей общеобразовательных школ.

к кардинальным изменениям в жизни и деятельности работника.

Как правило, к редукции приводят отсутствие нервно-психической устойчивости, недостаточно развитая способность к регуляции поведения. Поэтому работники воспринимают большой спектр рабочих, жизненных ситуаций как проблемные, неразрешимые. Соответственно, они ощущают себя недостаточно компетентными, а это порождает негативизм по отношению к окружающим, к своим профессиональным успехам. Также пояснение данному фактору дает система оценивания эффективности труда, которая сложилась в системе украинского образования. В связи с многолетним недостатком финансирования учреждений, невозможностью на свое усмотрение распоряжаться собственными сэкономленными средствами фонда заработной платы привела к разрушению системы поощрения работников. По-прежнему отсутствуют гарантированные премии по итогам года и участия в методической работе, направление на престижные курсы повышения квалификации, предоставление творческого отпуска в каникулярные дни, наличие достаточного количества технических средств обучения и т.д. Как показывают результаты исследований, социальное признание, материальная поддержка тоже могут препятствовать выгоранию. Однако новый закон Украины «Об образовании» предполагает выделение дополнительных средств для более вариативной возможности выбора видов повышения квалификации. Это определенным образом улучшает перспективы личных достижений. Также в ходе исследования с помощью коэффициента корреляции Кэнделла нами устанавливалась взаимосвязь между компонентами профессионального выгорания: эмоциональным истощением (ЭИ), деперсонализацией (Д), редукцией личных достижений (Р).

Ранговая корреляция между ЭИ и Д работников Дома малютки значимая, достаточно тесная [$\Phi(0,57) > T_{кр}(0,34)$], то есть определенным образом можно отметить, что эмоциональное выгорание обуславливает деперсонализацию и при повышении уровня эмоционального выгорания может увеличиться и деперсонализация.

Слабая ранговая корреляционная связь [$\Phi(0,36) > T_{кр}(0,34)$] между ЭИ и Д наблюдается у работников школ. Можно предположить, что ЭИ меньше влияет на Д учителей по той причине, что атмосфера интерната сильнее эмоционально истощает своих работников.

Ранговая корреляционная связь между параметрами ЭИ и Р у воспитателей [$\Phi(0,31) < T_{кр}(0,34)$] и учителей [$\tau(0,24) < T_{кр}(0,34)$] незначимая. Вероятно, со временем данная категория

специалистов подстраивает свои ожидания под реальную ситуацию, снижая завышенные ожидания. Но при отсутствии возможности реализовать свои карьерные устремления и недостаточности условий для самовыражения у данной категории работников также может снижаться мотивация профессиональной деятельности. Следует также обратить внимание, что полученные результаты могут говорить о наличии у некоторых специалистов со стажем более 10 лет «псевдопрофессионализма», проявляющегося во внешней демонстрации профессиональной активности при низком качестве работы, невысоком уровне самоактуализации и неудовлетворенности работой. А возможно, такой результат показала недостаточно большая выборка.

Заключение. Таким образом, проведенное исследование свидетельствует не только о наличии компонентов профессионального выгорания у работников учреждений образования, но и дало возможность проанализировать причины, его порождающие. Следует заметить, что существуют достаточно эффективные способы его профилактики. Применение этих способов может помочь в избегании такой кардинальной меры борьбы с синдромом, как смена вида деятельности, переход на другую работу. Основы знаний по профилактике профессионального выгорания передаются слушателям курсов повышения квалификации учителей, доводятся до сведения руководителей школ на научно-практических семинарах, куда регулярно приглашаются преподаватели кафедры общей и возрастной психологии Криворожского педагогического университета.

Это постоянное информирование работников о причинах и признаках выгорания (функция психолога школы); эмоциональная поддержка «выгорающих» коллегами, профсоюзным комитетом, администрацией; создание системы дел, повышающих значимость педагогической профессии (функция многочисленных контролирующих образование органов). Притом районные, городские, областные отделы образования должны проводить данную работу не в виде фанфарно-красочных мероприятий, прославляющих только опытных учителей.

Составляющие психологической устойчивости также определены. Это не только факторы социальной среды, но и отношение личности к себе, развитие своей когнитивной, эмоциональной, поведенческой, коммуникативной сфер. Но главное – это стремление личности к изменениям. Именно последний фактор (вернее, его слабая выраженность), на наш взгляд, демонстрирует такой высокий показатель синдрома профессионального выгорания.

Один из важных компонентов синдрома выгорания – коррекция неконструктивных способов поведения и формирование конструктивных coping-стратегий (совладание с профессиональными стрессами). В исследованиях Н.В. Водопьяновой корреляционных связей между показателями выгорания, адаптационными способностями и стратегиями поведения доказано, что эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция личных достижений имеют отрицательные корреляции с психической регуляцией, нервно-психической устойчивостью, коммуникативным потенциалом. Избегание, агрессия, манипуляции положительно коррелируют с уровнем эмоционального истощения; социальные контакты, асоциальные формы поведения – с уровнем деперсонализации; поиск социальной поддержки – с редукцией личных достижений [13]. Описанные связи убеждают, что модели преодолевающего поведения выбираются личностью, а свойства личности (уверенность в себе, развитие социальных навыков, коммуникативный потенциал) подлежат коррекции. Но работники образования имеют очень низкий уровень мотивации к изменениям, самоусовершенствованию, достижениям, что значительно затрудняет проведение корреляционной работы, требует поиска новых, креативных форм психологического воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – Минск: Харвест; М.: ООО «Изд-во АСТ», 2001. – 976 с.
2. Ильин, Е.П. Работа и личность. Трудоголизм. Перфекционизм. Лень / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2011. – 224 с.
3. Зеер, Э.Ф. Психология профессиональных деструкций / Э.Ф. Зеер, Э.Э. Сыманюк. – М.: Акад. Проект, 2005. – 240 с.
4. Maslach, C. Burnout: a social psychological analysis / C. Maslach, J. Jones [ed] // The burnout syndrome: current, reach, theory, interventions. – London, 1982.
5. Форманюк, Т.В. Синдром эмоционального сгорания как показатель профессиональной дезадаптации учителя / Т.В. Форманюк // Вопросы психологии. – 1994. – № 6.
6. Perlman, B. Burnout: summary and future research / B. Perlman, E. Hartman. – Human relation, 1982. – V. 35.
7. Самоукина, Н.В. Антикризисное управление компаний. Как не повторять чужих ошибок и исправить свои / Н.В. Самоукина. – СПб.: Питер, 2003. – 223 с.
8. Захарова, Е.В. Профессиональная педагогическая деятельность как фактор профессиональной деформации личности учителей и преподавателей / Е.В. Захарова // Изв. Самар. науч. центра РАН. – 2015. – Т. 17, № 2(2).
9. Науменко, М.В. Эмоциональное выгорание учителей с различным стилем поведения в конфликте / М.В. Науменко, С.В. Жолудева // Учен. записки ун-та имени П.Ф. Лесгафта. – 2017. – № 1(143). – С. 261–265.
10. Кудинов, С.И. Роль ответственности в эмоциональном выгорании учителей на начальном этапе профессионализации / С.И. Кудинов, С.С. Кудинов, И.В. Седова // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Психология и педагогика. – 2016. – № 3.
11. Диагностика здоровья. Психологический практикум / под ред. проф. Г.С. Никифорова. – СПб.: Речь, 2007. – 950 с.
12. Грановская, Р.М. Элементы практической психологии / Р.М. Грановская. – СПб.: Речь, 2003. – 655 с.
13. Водопьянова, Н.В. Синдром выгорания / Н.В. Водопьянова. – СПб.: Питер, 2005. – 342 с.

Поступила в редакцию 14.03.2018 г.

УДК 159.922.77

Полоролевые различия коммуникативных реакций на ревность в однополой и разнополой дружбе

Шостак Л.А.

Белорусский государственный университет

Рассматриваются результаты эмпирического исследования половых и ролевых различий коммуникативных реакций на ревность в однополой и разнополой дружбе.

Цель работы – выявить половые и ролевые различия коммуникативных реакций на ревность в однополой и разнополой дружбе с позиции ревнующего и ревнуемого индивидов.

Материал и методы. В исследовании использовалась авторская методика «Коммуникативные реакции на ревность в дружеских отношениях» (И.А. Фурманов, Л.А. Шостак). Выборку составили 755 респондентов в возрасте от 18 до 22 лет. Для оценки статистической значимости различий между группами рассчитывались среднее, стандартное отклонение и t-критерий Стьюдента.

Результаты и их обсуждение. Исследование показывает, что вне зависимости от пола и ролей в однополой и разнополой дружбе ведущими ревностными реакциями являются интегративная коммуникация и негативная аффективная экспрессия; субординационное положение занимают реакции компенсации/замещения, активного дистанцирования и избегания/отрицания. В однополой дружбе вне зависимости от ролей выявлены тождественные реакции на ревность у женщин (интегративная коммуникация, негативная аффективная экспрессия, активное дистанцирование, избегание/отрицание, компенсация/замещение) и мужчин (насильственное взаимодействие/угрозы, контакт с соперником). В разнополой дружбе у мужчин с позиции ревнуемого индивида установлена более высокая интенсивность проявления ревностных реакций, чем с позиции ревнующего индивида.

Заключение. В однополой и разнополой дружбе ревность характеризуется определенными коммуникативными реакциями – эмоциональными, когнитивными и поведенческими. Представляется перспективным продолжение исследований в избранном направлении с учетом широкого круга детерминант, которые могут влиять на проявление дружеской ревности, например, стиль привязанности, коммуникативная дистанция, понимание, принятие и авторитетность партнера (близкого друга или подруги).

Ключевые слова: дружеская ревность, коммуникативные реакции на ревность, однополая и разнополая дружба, ревнующий и ревнуемый индивиды, половые и ролевые различия.

Gender and Role Differences of Communicative Responses to Jealousy in the Same-Sex and Opposite-Sex Friendship

Shostak L.A.

Belarusian State University

Findings of an empirical research of gender and role differences of communicative responses to jealousy in the same-sex and opposite-sex friendship are considered.

The purpose of the study is to reveal gender and role differences of communicative responses to jealousy from the position of a jealous individual and the object of his/her jealousy in the same-sex and opposite-sex friendship.

Material and methods. The author's method "Communicative responses to jealousy in friendly relations", adapted and validated by I.A. Fourmanov and L.A. Shostak, was used in the research. The sample of the research includes 755 respondents aged between 18 and 22. To assess statistical significance of differences between groups the average, standard deviation and the Student's t-test were calculated.

Findings and their discussion. The research shows that an integrative communication and negative affective expression are the most frequently used responses in situations of friendly jealousy, regardless the gender; the responses of compensation/substitution, an active distancing and avoidance/negation take a subordinate position. In the same-sex friendship, similar reactions to jealousy of women (integrative communication, negative affective expression, active distancing, avoidance/negation, and compensation/substitution) and men (violent interaction/threats, rival contacts) are revealed, regardless of the role. In different-sex friendship, men have a higher intensity of manifestation of responses to jealousy from the position of the jealous individual.

Conclusion. In the same-sex and opposite-sex friendship jealousy is characterized by definite communicative responses as emotional, cognitive and behavioral. This is a promising continuation of the research in the chosen direction, taking into consideration a wide range of determinants, which can have an influence on the manifestation of friendly jealousy, for example, attachment style, communicative distance, understanding, acceptance and credibility of a close friend or girlfriend.

Key words: friendly jealousy, communicative responses to jealousy, same-sex and opposite-sex friendship, a jealous individual and the object of his/her jealousy, gender and role differences.

В мире рыночной экономики, с развитием мобильных технологий, Интернета и появлением социальных сетей понятие подлинной дружбы становится все больше идеалом и меньше – практикой социального взаимодействия [1]. В связи с этим в условиях неопределенности распространенным феноменом в близких отношениях будет выступать дружеская ревность.

С одной стороны, проявление ревнивого поведения связано с повышенной ценностью сохранения дружеских отношений, отличающихся высоким уровнем близости, доверительности и привязанности. С другой стороны, обусловлена тревогой и беспокойством, что при наличии третьего лица – конкурента, отношения с близким партнером могут завершиться или стать менее благополучными [2].

Ревность (англ. *jealousy*) – особое эмоциональное состояние, специфическая форма тревоги, возникающая из-за недостатка уверенности в привязанности того, кого любит индивид. В зарубежной литературе ряд авторов определяют ревность как любую неблагоприятную реакцию, вызываемую внедиадическими отношениями близкого партнера с другим индивидом, которые являются реальными, предполагаемыми или принимаемыми во внимание либо с большой вероятностью могут возникнуть в будущем [3]. Как отмечают А.М. Pines и С.Ф. Bowes [4], ревность является реакцией на реальную или воображаемую угрозу ценным отношениям.

Ревность в дружеских отношениях – это психический феномен (интеграция эмоций, мыслей и действий), возникающий в ситуациях, когда активность партнера (близкого друга или подруги) связана с вовлеченностью в отношения за пределами диадической дружбы с другим индивидом, который воспринимается как угрожающий конкурент [5, с. 105]. Эмоциональные, когнитивные и поведенческие реакции составляют коммуникативную систему ревности. Коммуникативная система ревности – это определенная форма реагирования индивида на ситуацию, провоцирующую ревность (то есть ситуация появления реального или мнимого соперника, угрожающего близким отношениям), направленная на сохранение дружеских связей и удержание значимого партнера (близкого друга, подруги).

Цель работы – выявить половые и ролевые различия коммуникативных реакций на ревность в однополой и разнополой дружбе с позиции ревнующего и ревнуемого индивидов.

Материал и методы. Для исследования ревности в однополой и разнополой дружбе использовалась авторская методика «Коммуникативные реакции на ревность в дружеских отношениях – КРРДО», разработанная и валидизированная И.А. Фурмановым и Л.А. Шостак [6]. Методика КРРДО позволила измерить степень выраженности 10-ти тактик поведения с позиции ревнующего и ревнуемого индивидов по 7-бальной шкале Лайкерта (1 – «Совершенно не согласен», 7 – «Полностью согласен»). Оценивались следующие реакции:

- *интегративная коммуникация (ИК)* – прямая, просоциальная коммуникация с партнером, попытки решения проблемы ревности через конструктивное взаимодействие;
- *негативная аффективная экспрессия (НАЭ)* – демонстрация негативных эмоций;
- *активное дистанцирование (АД)* – выражение неприятия, игнорирование партнера, уменьшение привязанности к нему;

- *избегание/отрицание (ИО)* – не прямые действия, предпринимаемые, чтобы избежать обсуждения вопросов, связанных с ревностью;

- *насиловое взаимодействие/угрозы (НВУ)* – прямые, агрессивные вербальные и невербальные угрозы или фактическое насилие над партнером;

- *дистрибутивная коммуникация (ДК)* – прямая, асоциальная коммуникация с партнером, попытки решения проблемы ревности через конфликтное взаимодействие;

- *контроль/ограничение (КО)* – действия, используемые для того, чтобы контролировать поведение партнера и ограничить доступ к конкурентам;

- *компенсация/замещение (КЗ)* – попытки угодить партнеру, сделать ему что-то приятное, стать более близким другом;

- *манипуляция (М)* – действия, предназначенные для того, чтобы вызвать негативные переживания у партнера и/или возложить на него ответственность за изменение ситуации;

- *контакт с соперником (КС)* – активная коммуникация с конкурентом, попытки противостоять сопернику [7].

В исследовании приняли участие 755 респондентов (женщины, N = 390; мужчины, N = 365) в возрасте от 18 до 22 лет, находящихся в однополых (N = 739) и разнополых (N = 610) дружеских отношениях. В целях выявления половых и ролевых различий были выделены следующие группы:

- 1) в однополой дружбе – женщины с позиции ревнующей (N = 379, Гр_ОД1), женщины с позиции ревнуемой (N = 379, Гр_ОД2), мужчины с позиции ревнующего (N = 360, Гр_ОД3), мужчины с позиции ревнуемого (N = 360, Гр_ОД4);

- 2) в разнополой дружбе – женщины с позиции ревнующей (N = 320, Гр_РД5), женщины с позиции ревнуемой (N = 320, Гр_РД6), мужчины с позиции ревнующего (N = 290, Гр_РД7), мужчины с позиции ревнуемого (N = 290, Гр_РД8).

Полученные данные подвергались статистической обработке с помощью программы SPSS Statistics v. 13 (рассчитывались среднее, стандартное отклонение, t-критерий Стьюдента).

Результаты и их обсуждение. Половые различия реакций на ревность в однополой дружбе.

В результате сравнительного анализа было установлено, что с позиции ревнующего индивида у женщин (Гру_ОД1) в сравнении с мужчинами (Гр_ОД3) имеются значимые более высокие показатели таких реакций, как интегративная коммуникация (M = 4,89, SD = 1,30 против M = 4,11, SD = 1,49, p < 0,001), негативная аффективная экспрессия (M = 3,50, SD = 1,45 против M = 2,98, SD = 1,38, p < 0,001), активное дистанцирование (M = 2,43, SD = 1,27 против M = 2,11, SD = 1,05,

$p < 0,001$), избегание/отрицание ($M = 2,76$, $SD = 1,29$ против $M = 2,37$, $SD = 1,21$, $p < 0,001$), компенсация/замещение ($M = 3,00$, $SD = 1,50$ против $M = 2,33$, $SD = 1,33$, $p < 0,001$). Вместе с тем с позиции ревнующего индивида у мужчин (Гр_ОД3) в сравнении с женщинами (Гр_ОД1) выявлены наиболее высокие показатели реакций по шкалам насильственного взаимодействия/угрозы ($M = 1,46$, $SD = 0,82$ против $M = 1,21$, $SD = 0,56$, $p < 0,001$) и контакта с соперником ($M = 1,30$, $SD = 0,66$ против $M = 1,15$, $SD = 0,50$, $p < 0,001$) (рисунок 1).

Аналогичные данные были получены и с позиции ревнуемого индивида. Так, у женщин (Гр_ОД2) в сравнении с мужчинами (Гр_ОД4) обнаружены значимые более высокие показатели таких реакций на ревность, как интегративная коммуникация ($M = 4,89$, $SD = 1,34$ против $M = 4,14$, $SD = 1,49$, $p < 0,001$), негативная аффективная экспрессия ($M = 3,66$, $SD = 1,51$ против $M = 3,07$, $SD = 1,37$, $p < 0,001$), активное дистанцирование ($M = 2,73$, $SD = 1,52$ против $M = 2,24$, $SD = 1,12$, $p < 0,001$), избегание/отрицание ($M = 2,91$, $SD = 1,41$ против $M = 2,39$, $SD = 1,20$, $p < 0,001$), компенсация/замещение ($M = 2,86$, $SD = 1,54$ против $M = 2,40$, $SD = 1,36$, $p < 0,001$) и более низкие показатели реакций насильственного взаимодействия/угрозы ($M = 1,26$, $SD = 0,63$ против $M = 1,58$, $SD = 0,91$, $p < 0,001$), контакта с соперником ($M = 1,18$, $SD = 0,50$ против $M = 1,38$, $SD = 0,75$, $p < 0,001$) (рисунок 1). Следует обратить внимание, что вне зависимости от занимаемой позиции ревнующего или ревнуемого индивида (то есть ролей) установлены тождественные реакции на ревность у женщин и мужчин.

В однополой дружбе женщины вне зависимости от ролей в ситуациях ревности чаще, чем мужчины, прибегают к прямой просоциальной коммуникации, предпринимают попытки решения проблемы через конструктивное взаимодействие с близкой подругой, пытаются усилить дружеские отношения (объясняют свои чувства, стараются поговорить о проблеме и достичь понимания). Наряду с этим женщины чаще, чем мужчины, демонстрируют негативные эмоции (проявляют свое недоверие, негодование, досаду, печаль и пр.), выражают неприятие, игнорирование близкой подруги, стараются уменьшить степень привязанности к ней (физически отдаляются, становятся менее разговорчивыми или устраивают «молчаливый бойкот»).

Мужчины вне зависимости от ролей в ситуациях ревности, в сравнении с женщинами, отдают предпочтение действиям агрессивного характера (выражают прямые, агрессивные вербальные и невербальные угрозы или фактическое насилие над близким другом), а также вступают в актив-

ную коммуникацию с конкурентом и совершают попытки противостоять сопернику. Более сдержанное поведение женщин в однополой дружбе можно объяснить существованием поведенческих стереотипов, которые связывают с проявлением в женском поведении сдержанности, терпимости, мягкости и гибкости. Поэтому женщины реже, чем мужчины, вступают в открытое агрессивное противостояние [8].

Рольевые различия реакций на ревность в однополой дружбе. Сопоставляя данные исследования, было установлено, что у женщин с позиции ревнующего индивида (Гр_ОД1) в сравнении с позицией ревнуемого индивида (Гр_ОД2) имеется достоверно значимый более высокий показатель реакции на ревность по шкале компенсации/замещения ($M = 3,00$, $SD = 1,50$ против $M = 2,86$, $SD = 1,54$, $p < 0,001$). При этом с позиции ревнуемого индивида у женщин (Гр_ОД2) наиболее высокими реакциями являются негативная аффективная экспрессия ($M = 3,66$, $SD = 1,51$ против $M = 3,50$, $SD = 1,45$, $p < 0,001$), активное дистанцирование ($M = 2,73$, $SD = 1,52$ против $M = 2,43$, $SD = 1,27$, $p < 0,001$), избегание/отрицание ($M = 2,91$, $SD = 1,41$ против $M = 2,76$, $SD = 1,29$, $p = 0,005$), манипуляция ($M = 1,60$, $SD = 1,14$ против $M = 1,49$, $SD = 0,97$, $p = 0,003$) (рисунок 1).

В однополой дружбе женщины, находясь в роли ревнующего индивида, используют тактики поведения, которые позволяют усилить дружеские чувства с близкой подругой (постараются проводить больше времени, чем обычно; преднамеренно сделают что-нибудь, располагающее к себе, например, подарят подарок, вместе сходят в музей и пр.). Однако при изменении ролей в отношениях реакции на ревность изменяются. В роли ревнуемого индивида женщины проявляют неприятие и негодование близкой подруги (пресекают попытки или требования общения и пр.) либо применяют реакции манипулятивного поведения (сделают так, чтобы близкая подруга почувствовала вину или испытала ответную ревность, проверяют ее на верность).

В однополой дружбе у мужчин с позиции ревнующего индивида (Гр_ОД3) в сравнении с позицией ревнуемого индивида (Гр_ОД4) выявлены более низкие показатели реакций на ревность по шкалам активное дистанцирование ($M = 2,11$, $SD = 1,05$ против $M = 2,24$, $SD = 1,12$, $p = 0,002$), насильственное взаимодействие/угрозы ($M = 1,46$, $SD = 0,82$ против $M = 1,58$, $SD = 0,91$, $p < 0,001$), контроль/ограничение ($M = 1,35$, $SD = 0,71$ против $M = 1,47$, $SD = 0,80$, $p < 0,001$), контакт с соперником ($M = 1,30$, $SD = 0,66$ против $M = 1,38$, $SD = 0,75$, $p < 0,001$) (рисунок 1). Значимых более высоких показателей у мужчин в роли ревнующего об-

наружено не было. Данную особенность можно объяснить тем, что мужчины в ситуациях появления возможного соперника выбирают стратегии, обеспечивающие поддержание самооценки, поэтому демонстрируют близкого друга как более ревнующего.

Иными словами, в роли ревнуемого индивида у мужчин в ситуациях провокации ревности обнаружена более высокая интенсивность проявления реакций, чем в роли ревнующего. Мужчины с позиции ревнуемого индивида используют тактики избегания взаимодействия с близким другом (физически отдаляются, стремятся уменьшить степень привязанности к нему и пр.), совершают контроль над поведением близкого друга с целью ограничения доступа к конкурентам, выражают стремление оказать сопротивление конкуренту, а также могут проявлять агрессию и насилие по отношению к близкому другу.

Половые различия реакций на ревность в разнополой дружбе. Сравнительный анализ позволил установить, что с позиции ревнующего индивида у женщин (Гр_РД5) в сравнении с мужчинами (Гр_РД7) имеются достоверно значимые более высокие показатели таких реакций, как интегративная коммуникация ($M = 4,65$, $SD = 1,45$ против $M = 3,95$, $SD = 1,61$, $p < 0,001$), избегание/отрицание ($M = 2,81$, $SD = 1,39$ против $M = 2,43$, $SD = 1,33$, $p < 0,001$) и более низкие показатели контроля/ограничения ($M = 1,36$, $SD = 0,75$ против $M = 1,57$, $SD = 0,93$, $p = 0,002$), контакта с соперником ($M = 1,20$, $SD = 0,55$ против $M = 1,57$, $SD = 0,89$, $p < 0,001$) (рисунок 2).

В разнополой дружбе женщины в роли ревнующего индивида более часто, чем мужчины, обсуждают переживания ревности в неагрессивной манере (рассказывают близкому другу о своих чувствах и потенциальных отношениях) либо предпринимают действия, чтобы избежать обсуждения вопросов, связанных с ревностью (постараются сохранить спокойствие, сделают вид будто все равно или как будто ничего не случилось). В свою очередь, мужчины в роли ревнующего индивида чаще, чем женщины, предпринимают действия, которые позволяют контролировать поведение близкой подруги и ограничить доступ к конкурентам (пытаются контролировать звонки и SMS-сообщения на телефоне; будут делать так, чтобы близкая подруга не имела возможности видеться с другим другом и пр.), а также совершают попытки противостоять сопернику.

По результатам исследования было выявлено, что с позиции ревнуемого индивида у мужчин (Гр_РД8) в сравнении с женщинами (Гр_РД6) имеются наиболее высокие показатели по шкалам негативная аффективная экспрессия

($M = 3,58$, $SD = 1,60$ против $M = 3,03$, $SD = 1,42$, $p < 0,001$), активное дистанцирование ($M = 2,72$, $SD = 1,40$ против $M = 2,40$, $SD = 1,38$, $p = 0,005$), насильственное взаимодействие/угрозы ($M = 1,79$, $SD = 1,20$ против $M = 1,29$, $SD = 0,68$, $p < 0,001$), дистрибутивная коммуникация ($M = 2,18$, $SD = 1,41$ против $M = 1,54$, $SD = 0,93$, $p < 0,001$), контроль/ограничение ($M = 2,09$, $SD = 1,32$ против $M = 1,48$, $SD = 0,94$, $p < 0,001$), манипуляция ($M = 2,22$, $SD = 1,39$ против $M = 1,54$, $SD = 0,98$, $p = 0,001$), контакт с соперником ($M = 1,61$, $SD = 0,96$ против $M = 1,38$, $SD = 0,81$, $p < 0,001$) и более низкий показатель по шкале интегративной коммуникации ($M = 3,93$, $SD = 1,63$ против $M = 4,62$, $SD = 1,45$, $p < 0,001$) (рисунок 2). Необходимо добавить, что под словосочетанием «с позиции ревнуемого индивида...» понимается партнер по отношениям противоположного пола (то есть у мужчин – близкая подруга; у женщин – близкий друг). Это значит, что, по мнению мужчин, в ситуациях ревности женщины характеризуются более интенсивными эмоциональными переживаниями, связанными с наличием соперника в отношениях. Однако полученные результаты, напротив, могут свидетельствовать о том, что мужчины отрицают проявление ревностных реакций у себя, поэтому демонстрируют наличие ревности у близкой подруги.

Данное предположение подтверждается эволюционной теорией C.R. Harris, согласно которой мужчины на подсознательном уровне воспринимают женщину как собственность и не могут допустить мысли о том, что кто-то третий может находиться в близких отношениях с ней или обладать ею [9]. Как отмечают J.L. Bevan и W. Samter, в разнополой дружбе индивиды размышляют о неуверенности и неопределенности наиболее часто, когда в ситуациях ревности используется дистрибутивная коммуникация или негативное выражение аффекта, и меньше, если применяются реакции интегративной коммуникации (попытки решения проблемы ревности через объяснение своих чувств, обсуждение проблемы совместно с партнером). По мнению исследователей, разнополые друзья имеют более высокие показатели неуверенности в партнере и неопределенности в близких отношениях, чем романтические партнеры, и, следовательно, более высокий уровень проявления ревности [10; 11].

Рольевые различия реакций на ревность в разнополой дружбе. Анализ данных позволил установить, что у женщин с позиции ревнующего индивида (Гр_РД5) в сравнении с позицией ревнуемого индивида (Гр_РД6) имеются значимые более высокие показатели реакций по шкалам активного дистанцирования ($M = 2,45$, $SD = 1,35$ против $M = 2,40$, $SD = 1,38$, $p = 0,004$) и манипуля-

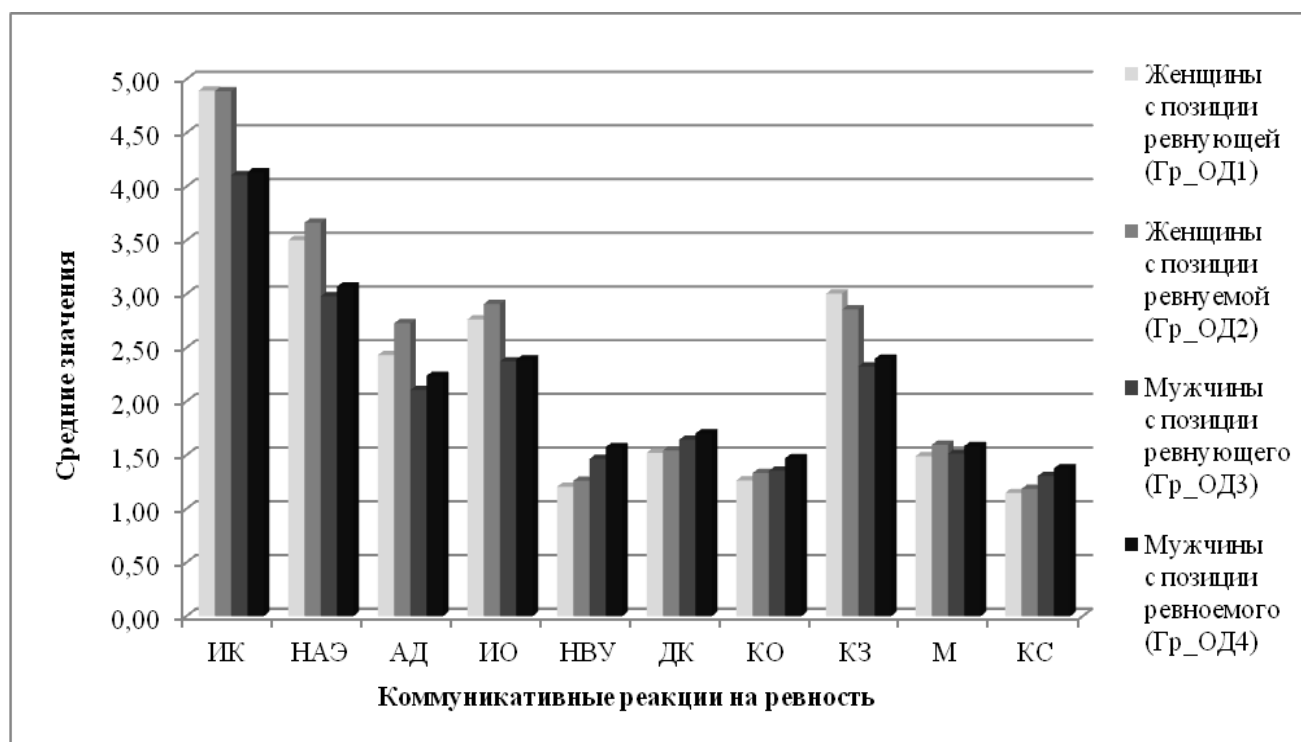

Рисунок 1 – Различия коммуникативных реакций на ревность с позиции ревнующего и ревнуемого индивидов в однополой дружбе.

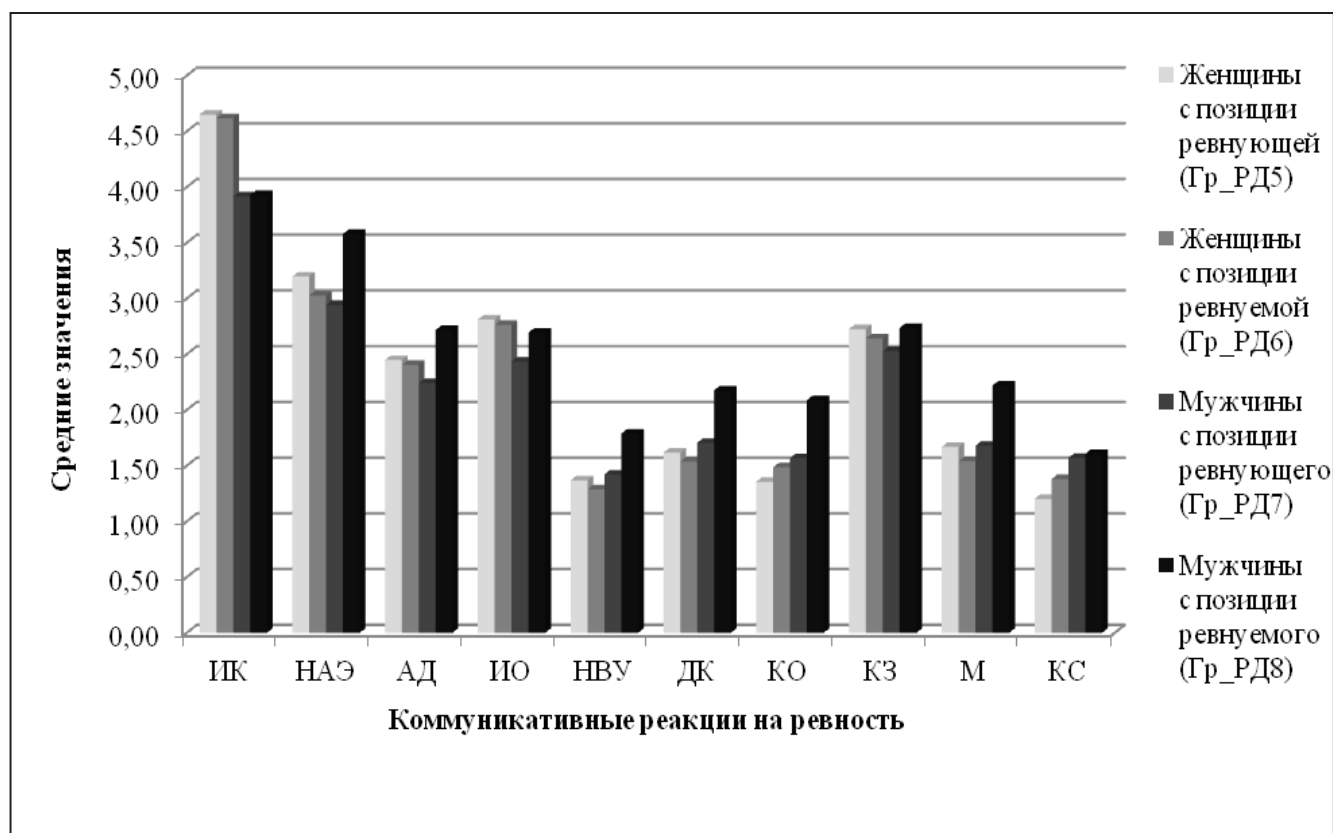

Рисунок 2 – Различия коммуникативных реакций на ревность с позиции ревнующего и ревнуемого индивидов в разнополой дружбе.

ции ($M = 1,67$, $SD = 1,15$ против $M = 1,54$, $SD = 0,98$, $p = 0,002$). Тогда как у женщин с позиции ревнуемого индивида (Гр_РД6) выявлены наиболее высокие показатели реакций контроля/ограничения ($M = 1,48$, $SD = 0,94$ против $M = 1,36$, $SD = 0,75$, $p = 0,002$) и контакта с соперником ($M = 1,38$, $SD = 0,81$ против $M = 1,20$, $SD = 0,55$, $p < 0,001$) (рисунок 2).

В разнополой дружбе женщины в роли ревнующего индивида используют тактики активного дистанцирования либо реакции манипулятивного поведения, направленных на привлечение внимания близкого друга (например, показывают свою любовь через заботу и ухаживания по отношению к нему, в то же время стремятся вызвать ответное чувство ревности или вины и пр.). Вместе с тем с изменением ролей в отношениях реакции ревнивого поведения изменяются. Женщины в роли ревнуемого индивида испытывают со стороны близкого друга контроль и ограничение действий (проявляется в организации мер контроля и ограничения ее в чем-либо и пр.), а также стремление оказать сопротивление конкуренту (угрозы, активная коммуникация в сторону соперника).

В разнополой дружбе у мужчин с позиции ревнующего индивида (Гр_РД7) в сравнении с позицией ревнуемого индивида (Гр_РД8) обнаружены значимые более низкие показатели таких реакций на ревность, как негативная аффективная экспрессия ($M = 2,94$, $SD = 1,46$ против $M = 3,58$, $SD = 1,60$, $p < 0,001$), активное дистанцирование ($M = 2,24$, $SD = 1,24$ против $M = 2,72$, $SD = 1,40$, $p < 0,001$), избегание/отрицание ($M = 2,69$, $SD = 1,41$ против $M = 2,43$, $SD = 1,33$, $p < 0,001$), насильственное взаимодействие / угрозы ($M = 1,79$, $SD = 1,20$ против $M = 1,42$, $SD = 0,83$, $p < 0,001$), дистрибутивная коммуникация ($M = 1,70$, $SD = 1,10$ против $M = 2,18$, $SD = 1,41$, $p < 0,001$), контроль/ограничение ($M = 1,57$, $SD = 0,93$ против $M = 2,09$, $SD = 1,32$, $p < 0,001$), компенсация/замещение ($M = 2,53$, $SD = 1,52$ против $M = 2,74$, $SD = 1,51$, $p = 0,003$), манипуляция ($M = 1,68$, $SD = 1,00$ против $M = 2,22$, $SD = 1,39$, $p < 0,001$) (рисунок 2). Значимых более высоких показателей у мужчин в роли ревнующего обнаружено не было. Полученные результаты исследования еще раз подтверждают идею о том, что мужчины в ситуациях появления возможного соперника выбирают стратегии поведения, обеспечивающие поддержание самооценки и чувства собственного достоинства.

Заключение. Таким образом, в результате сравнительного анализа коммуникативных реакций на ревность выявлены следующие половые и ролевые различия:

1) В однополой и разнополой дружбе вне зависимости от пола и ролей индивидов доминирующими ревностными реакциями являются интегративная коммуникация и негативная аффективная экспрессия; субординационное положение занимают реакции компенсации/замещения, активного дистанцирования и избегания/отрицания.

2) В однополой дружбе вне зависимости от ролей установлены тождественные реакции на ревность у женщин (интегративная коммуникация, негативная аффективная экспрессия, активное дистанцирование, избегание/отрицание, компенсация/замещение) и мужчин (насильственное взаимодействие/угрозы, контакт с соперником).

3) В однополой дружбе у женщин с позиции ревнующего индивида, в сравнении с позицией ревнуемого индивида, выявлен достоверно значимый более высокий показатель ревности по шкале компенсации/замещения; при этом у женщин с позиции ревнуемого индивида наиболее высокими показателями реакций являются негативная аффективная экспрессия, активное дистанцирование, избегание/отрицание и манипуляция.

4) В разнополой дружбе с позиции ревнующего индивида у женщин, в сравнении с мужчинами, установлены значимые более высокие показатели ревности по шкалам интегративной коммуникации и избегания/отрицания; в свою очередь у мужчин с позиции ревнующего индивида, в сравнении с женщинами, имеются наиболее высокие показатели реакций контроля/ограничения и контакта с соперником.

5) В разнополой дружбе у женщин с позиции ревнующего индивида, в сравнении с позицией ревнуемого индивида, выявлены более высокие показатели таких реакций на ревность, как активное дистанцирование и манипуляции; тогда как у женщин с позиции ревнуемого индивида наиболее высокими показателями ревностных реакций являются контроль/ограничение и контакт с соперником.

6) В разнополой дружбе у мужчин с позиции ревнуемого индивида установлена более высокая интенсивность проявления ревностных реакций, чем с позиции ревнующего индивида, так как не были обнаружены значимые более высокие показатели реакций на ревность.

Представляется перспективным продолжение исследований в избранном направлении с учетом широкого круга детерминант, которые могут влиять на проявление дружеской ревности, например, стиль привязанности, коммуникативная дистанция, понимание, принятие и авторитетность партнера (близкого друга или подруги).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бегина, И.А. Студенческая дружба: возрастная динамика восприятия / И.А. Бегина, М.А. Шедловская // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. – 2015. – Т. 15, вып. 1. – С. 27–29.
2. Шостак, Л.А. Проблемное эмпирическое поле изучения ревности в дружеских отношениях / Л.А. Шостак // Психология глазами студентов: материалы XIII Ежегод. науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов фак. филос. и соц. наук: в 2 ч. / под ред. А.С. Солодухо, Г.А. Фофановой. – Минск: БГУ, 2016. – Ч. 2. – С. 46–49.
3. Bringle, R. Extradysadic relationships and sexual jealousy / R. Bringle, B. Buunk // Sexuality in close relationships / ed. by K. McKinney, S. Sprecher. – Hillsdale, 1991. – P. 135–153.
4. Pines, A.M. Romantic Jealousy: How to recognize where jealousy comes from and how to cope with it / A.M. Pines, C.F. Bowes // Psychol. Today. – 1992. – № 3. – P. 8–16.
5. Шостак, Л.А. Ревность в триадических дружеских отношениях / Л.А. Шостак, И.А. Фурманов // Журнал Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. – 2017. – № 3. – С. 97–103.
6. Фурманов, И.А. Тактики поведения в ситуации переживания ревности: Методика «Коммуникативные реакции на ревность в дружеских отношениях» / И.А. Фурманов, Л.А. Шостак // Збірник наукових прац Академії післядипломної адукації. Вып. 14 / редкал.: А.П. Манастырны (гал. ред.) [i інш.]; ДУА «Акад. післядипломн. адукації». – Мінск: АПА, 2016. – С. 464–477.
7. Guerrero, L.K. Coping with the green-eyed monster: Conceptualizing and measuring communicative responses to romantic jealousy / L.K. Guerrero [et al.] // Western Journal of Communication. – 1995. – Vol. 59. – P. 270–304.
8. Parker, J.G. Friendship jealousy in young adolescents: Assessment of individual differences and links to sex, self-esteem, aggression, and social adjustment / J.G. Parker, C.M. Lowe [et al.] // Developmental Psychology. – 2005. – Vol. 41, № 1. – P. 235–250.
9. Harris, C.R. The Evolution of Jealousy / C.R. Harris // American scientist. – 2004. – Vol. 92(2). – P. 62–71.
10. Bevan, J. Toward a broader conceptualization of jealousy in close relationships / J. Bevan, W. Samter // Paper presented at the annual meeting of the Southern States Communication Association. – Lexington: KY, 2001. – P. 14–28.
11. Bevan, J.L. Expectancy violation theory and sexual resistance in close, cross-sex relationships / J.L. Bevan // Communication Monographs. – 2003. – Vol. 70, iss. 1. – P. 68–82.

Поступила в редакцию 26.03.2018 г.

УДК 316.614-053.4+159.922.73-053.4

Генезис просоциального поведения у детей в раннем и дошкольном возрасте

Кухтова Н.В., Скрипачёва Е.И.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Статья посвящена развитию просоциального поведения в раннем и дошкольном возрасте. Рассматриваются основные компоненты проявления просоциальности на данных возрастных этапах.

Цель статьи – методом научного психологического исследования теоретического уровня определить происхождение просоциальности в раннем и дошкольном возрасте.

Материал и методы. Материалом послужили работы известных зарубежных и отечественных ученых-психологов, фактологические данные, касающиеся заявленной проблемы. Использованы методы анализа и синтеза, формализации и сравнения научных источников. Для достижения поставленной цели в качестве исследовательского метода был применен контент-анализ, широко используемый как мощный аналитический метод в зарубежной психологии и рассматриваемый в настоящем исследовании как статистическая систематизация научных исследований просоциального поведения.

Результаты и их обсуждение. На основе изучения и анализа научных источников было выявлено, что просоциальное поведение проявляется в раннем возрасте. Это подтверждается многочисленными как зарубежными, так и отечественными исследованиями. Развитие просоциального поведения продолжается в дошкольном возрасте, усиливается эмоциональная вовлеченность, происходит децентрация.

Заключение. Просоциальность как феномен начинает проявляться до 2 лет и продолжает свое развитие на разных возрастных этапах, имея некоторые особенности.

Ключевые слова: просоциальное поведение, эмпатия, альтруизм, ранний возраст, дошкольный возраст, исследования.

The Genesis of Prosocial Behavior of Toddlers and Children Coming up to School Age

Kukhtova N.V., Skripacheva E.I.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article is devoted to the development of prosocial behavior of toddlers and children coming up to school age. The main displays of prosocial behavior at different ages are examined here.

The aim of the article is to define the genesis of prosocial behavior of toddlers and children coming up to school age through scientific psychological research.

Material and methods. This article is based on the researches of famous foreign psychologists and famous psychologists of our country, on the information related to the problem. Methods of analysis, synthesis, formalization and comparison of scientific sources are used. The method of content analysis has been used as a researching method to achieve the aim. This method is widely used as a mighty analytical method in foreign science of psychology. In our research it is considered as a statistical systematization of scientific researches of prosocial behavior.

Findings and their discussion. Having searched and analyzed the scientific sources we came to the conclusion that prosocial behavior is displayed at early ages. It can be confirmed by a great number of researches both in our country and abroad.

The prosocial behavior is developed at the age of coming up to school, emotional involvement is strengthened and decentralization takes place.

Conclusion. Prosocial phenomenon appears before the age of two and continues its development at different ages, showing special peculiarities.

Key words: prosocial behavior, empathy, altruism, early age, coming up to school age, researches.

Исследование просоциальности – относительно новое направление в изучении социального развития личности. Психологи разных стран (России, Белоруссии, Германии, США) начали интенсивную разработку проблемы готовности человека действовать на благо других и их внимание сосредотачивалось на выявлении механизмов, форм, закономерностей данного социального поведения (В. Айксс, Г. Барретт-Леннард, К. Бэтсон, Т.И. Брессо, Т.П. Гаврилова, Д. Гουλман, В.В. Гриценко, Ю.В. Ковалева, Н.В. Кухтова, Н.В. Молчанов, Ю.О. Мазур, Я. Рейковский, Е.В. Сорокоумова, С.Н. Субботский, М. Хоффман, И.М. Юсупов, Eisenberg, 1986; Eisenberg & Strayer, 1987, S.A. Hardy, 2005; N.R. Paola, 2005; K.E. Zethren) [1–5].

Одним из важнейших направлений научных поисков является изучение генезиса просоциального поведения в контексте возрастного развития (В.В. Абраменкова, И.Р. Алтунина, Т.П. Гаврилова, Т.Н. Котова, Н.В. Кухтова, С.К. Нартов-Бочавер, Е.О. Смирнова, В.Г. Утробин, И.М. Юсупов, Н. Over, M. Van Zomeren, F. Warneken, C. Zahn-Waxler) [2; 4; 5]. Просоциальность начинает закладываться с момента рождения, показывая взаимосвязь с другими возрастными этапами развития, и влияет на формирование личностных качеств человека.

В настоящее время актуальность статьи определяется несколькими причинами. Во-первых, просоциальное развитие – одна из линий онтогенетического развития человека, следовательно, все особенности данного процесса будут взаимосвязаны с другими линиями развития. Во-вторых, ранние онтогенетические формы проявления просоциальности способствуют раскрытию логики возникновения и функционирования зрелых конструкторов данного социального феномена.

Цель статьи – методом научного психологического исследования теоретического уровня определить происхождение просоциальности в раннем и дошкольном возрасте.

Материал и методы. Материалом послужили работы известных зарубежных и отечественных ученых-психологов, фактологические данные, касающиеся заявленной проблемы. Использованы методы анализа и синтеза, формализации и сравнения научных источников. Для достижения поставленной цели в качестве исследовательского метода был применен контент-анализ, рассматриваемый в зарубежной психологии как аналитический метод и используемый в настоящем исследовании для статистической систематизации научных исследований просоциального поведения. Кроме того, применялись сравнение и обобщение, в том числе обработка и интерпре-

тация библиографического списка, представленного в научной электронной библиотеке диссертаций и авторефератов Российской Федерации (DisserCat – электронная библиотека диссертаций), электронной библиотеке «eLIBRARY.RU» [6].

Результаты и их обсуждение. Начиная с 1970-х годов большой интерес у психологов вызывает феномен просоциального поведения. Согласно «Большому толковому психологическому словарю» просоциальное поведение – это общее описательное название для тех моделей социального поведения, которое является общественным по своему характеру. Обычно сюда включаются эмпатия, альтруизм, взаимопомощь, поддержка, сочувствие [7, с. 128].

На представление просоциального поведения в психологической науке накладывают свой отпечаток различные направления. Так, в бихевиоризме помощь понимается как позитивная форма поведения, которая формируется путем подкрепления (Ф. Скиннер, Дж. Уотсон), или следование эталонной модели поведения (А. Бандура), в психоанализе – как продукт модификации первичных эгоистических мотивов (З. Фрейд, А. Фрейд), гуманистическая психология рассматривает понятия «добро» и «любовь» по отношению к другому человеку как изначально закрепленное в человеке (К. Роджерс, Ф. Франкл), по мнению представителей когнитивной психологии (Х. Хекхаузен), человек следует принципу рациональности в построении моделей поведения.

Многочисленные исследования (Zahn-Waxler, Radke-Yarrow & Wagner, 1992; Eisenberg & Fabes, 1998; Staub, 1979; Bischof-Koehler 2012; Liszkowski, Carpenter, Striano, & Tomasello, 2006; Warneken & Tomasello, 2006, 2007; Rheingold, 1982) показали, что дети начинают проявлять просоциальное поведение очень рано, а именно до двух лет [6; 8; 9].

Наиболее масштабное изучение особенностей развития просоциального поведения детей в раннем периоде жизни провел К. Зан-Вакслер (К. Zahn-Waxler) с коллегами. В качестве испытуемых приняли участие дети в возрасте от 14 до 24 месяцев. Процедура исследования включала наблюдение со стороны матери и экспериментатора за поведением детей на протяжении второго года их жизни в ряде естественных и лабораторных ситуаций, требующих со стороны ребенка проявления просоциальных актов (поделиться, помочь или утешить) по отношению к родителям, другим детям и незнакомым взрослым [6].

Результаты измерений выявили тенденцию к возрастанию частоты, разнообразия и качества просоциальных актов по мере взросления ребенка в течение второго года жизни. Фактически

почти все участники в возрасте 2 лет оказывали какую-либо помощь родителю во всех условиях экспериментальной процедуры. Полученные данные также зафиксировали, что дети этого возраста оказывали помощь и незнакомцу, однако гораздо реже, чем матери [6].

Последние исследования и современные теории содержат различные, и даже противоречивые взгляды на причины, влияющие на проявление просоциального поведения в раннем возрасте. Некоторые психологи (Grusec, 2006; Nay, Cook, 2007; Rheingold, 1982) предполагают, что корни просоциальности лежат в базовом стремлении детей к другим людям и представляют собой комбинацию из тенденций к аффилиации и имитации [8–10]. Другие ученые утверждают (Bischof-Koehler, Zahn-Waxler), что основным источником раннего проявления просоциальности служит способность к пониманию внутренних состояний других людей, в том числе их эмоций [6; 14].

В то же время ряд исследователей придерживается мнения о биологической врожденности способности к альтруизму и эмпатии. Перечисленные теоретические направления ставят разные акценты на социально-когнитивном и мотивационном компонентах, участвующих в развитии просоциального поведения [2], о чем свидетельствует обзор изучения просоциального поведения и его компонентов у детей раннего возраста (таблица 1).

В свою очередь в дошкольном возрасте развитие просоциального поведения не останавливается и продолжается, так как поведение детей существенно меняется. Особое значение в этом возрасте имеет отношение ребенка к другим людям. Важно появление таких эмоций, как сочувствие другому, сопереживание. Сопереживание во многом зависит от ситуации и позиции ребенка. Сильный и наиболее значимый источник переживаний ребенка – его взаимоотношения со взрослыми и сверстниками. Например, Е.О. Смирнова и В.Г. Утробина исследовали возрастную динамику отношения ребенка к сверстнику на протяжении дошкольного возраста. Дети в возрасте трех лет равнодушны к действиям своих сверстников и его оценки со стороны взрослым. Однако они достаточно легко решают проблемные ситуации «в пользу» других детей.

В середине дошкольного возраста происходит переломный момент по отношению к сверстнику. В среднем дошкольном возрасте картина поведения детей в проблемных ситуациях существенно меняется: в два раза уменьшается число просоциальных решений проблемных ситуаций, резко возрастает эмоциональная вовлеченность в действия другого ребенка. В этом возрасте

чаще, чем в других, наблюдается парадоксальная эмоциональная реакция на поощрения и порицания взрослого [10].

Отношение к сверстнику существенно меняется к началу старшего дошкольного возраста.

К шести годам количество просоциальных действий значительно увеличивается, вместе

с этим усиливается эмоциональная вовлеченность в переживания и действия сверстника, а сопереживание по отношению к другим становится более выраженным и адекватным. Дошкольники не только рассказывают о себе, но и обращаются к сверстнику с вопросами. К концу дошкольного возраста возникают устойчивые избирательные

Таблица 1 – Вариативность исследования просоциального поведения и его компонентов в раннем возрасте

Компоненты проявления просоциального поведения	Возраст	Страна	Автор	Результаты исследования
Проявление инструментальной альтруистической и эмпатической помощи	Дети раннего возраста	Россия	Т.В. Котова, Т.О. Юдина [11]	Инструментальная помощь (помощь другому в достижении его предметной цели), возникает в начале второго года жизни. Альтруистическая форма или способность делиться с другими начинает проявляться позднее, между 18 и 24 месяцами. Эмпатическая помощь как просоциальный акт ограничена и требует наличия репрезентации эмоционального состояния другого
Проявление эмпатии (сочувствия)	Дети раннего возраста	Германия	A. Vaish, M. Carpenter, M. Tomasello [12]	Дети раннего возраста способны сочувствовать при отсутствии явных эмоциональных сигналов, возможно, в форме аффективной перспективы
Проявление альтруистической помощи	Дети раннего возраста	Германия	F. Warneken, M. Tomasello [13]	Дети раннего возраста (18 мес.) способны помогать другим достичь своих целей в самых разных ситуациях
Проявление эмпатии	Дети в конце раннего возраста	Германия	C. Zahn-Waxler, M. Radke-Yarrow, E. Wagner, M. Chapman [16]	Дети раннего возраста способны реагировать на страдания сверстников
Проявление эмпатии	Дети раннего возраста	США	C.A. Brownell, M. Svetlova, S. Nichols [15]	Дети раннего возраста способны проявлять эмпатию, если родители разговаривают об эмоциях со своими детьми

Таблица 2 – Вариативность исследования просоциального поведения и его компонентов в дошкольном возрасте

Проявление просоциального поведения	Выборка испытуемых	Страна	Автор	Результаты исследования
Способность к децентрации	Дошкольный возраст (младший дошкольный, средний дошкольный, старший дошкольный)	Россия, г. Москва	А.Д. Андреева [17]	В младшем дошкольном возрасте децентрация проявляется в способности к самоузнаванию, а именно зрительному, а потом описательному. На границе младшего и среднего дошкольного возраста появляется способность к децентрации в сфере пространственных представлений, в среднем дошкольном возрасте – способность к децентрации в отношении социальной роли. В старшем дошкольном возрасте – способность к преодолению эгоцентрической позиции в сфере мотивационно-нравственных представлений
Просоциальное поведение дошкольников (сочувствие) в различных культурах	Дети дошкольного возраста	Германия, Израиль, Индонезия, Малайзия	Г. Троммсдор, В. Фридлмайер, Б. Мэйер [18]	В Германии мальчики выражают значительно меньше сочувствия, нежели чем девочки. Мальчики и девочки из Израиля и Индонезии меньше проявляют сочувствие. Немецкие и израильские дети показали значительно больше просоциального поведения, чем дети из Индонезии и Малайзии
Проявление эмпатии	Дети старшего дошкольного возраста	Россия, г. Волгоград	В.С. Спицына, А.М. Солодкова [19]	Дети дошкольного возраста различают и называют выраженные эмоциональные состояния, в то время как понимание эмоционального состояния другого человека очень значительный фактор в развитии умения сопереживать другим людям, сочувствовать им
Проявление эмпатии	Дети среднего дошкольного возраста	Россия, г. Нерюнгри	Т.Е. Габышева, И.И. Николаева [20]	У детей среднего дошкольного возраста недостаточно сформировано чувство эмпатии, понимание переживаний, чувств, мыслей другого человека

привязанности между детьми, которые выражаются в таком понятии, как дружба.

В процессе исследования Е.О. Смирнова и В.Г. Утробина было также изучено, что поведение старших дошкольников в экспериментальных ситуациях не всегда являлось произвольно регулируемым. Это подтверждается мгновенным принятием решений, которое было зафиксировано преимущественно в большинстве случаев. Просоциальные действия старших дошкольников, в отличие от младших дошкольников, в основном были выражены положительными эмоциями, адресованными на сверстника. Старшие дошкольники в большинстве случаев были эмоционально включены в действия сверстника.

В дошкольном возрасте традиционным ростом объяснения просоциальности является развитие децентрации, т.е. способности рассматривать и понимать точку зрения другого, со стороны. К шести годам у большинства детей возникает непосредственное и бескорыстное желание помочь сверстнику, уступить, подарить. Исходя из того, что ведущей деятельностью является игровая, то предполагается проявление у детей децентрации, т.е. принятие на себя роли действовать в соответствии с ней, согласовывать свою точку зрения и других играющих детей. Децентрация достигается свободно благодаря тому, что в этот момент действуют не интеллектуальные механизмы, а эмоциональные моменты [4]. Далее приведен краткий обзор изучения просоциального поведения и его компонентов у детей дошкольного возраста (таблица 2).

Заключение. Так, просоциальное поведение начинает проявляться с раннего детства. Способность помочь другому человеку в достижении его предметной цели и способность делиться впервые возникают в начале второго года жизни и стремительно развиваются в течение последующего полугодия. В дошкольном возрасте поведение детей существенно меняется. В этом возрасте особое значение имеет отношение ребенка к другим людям. В среднем дошкольном возрасте уменьшается число просоциальных решений проблемных ситуаций, резко возрастает эмоциональная вовлеченность в действия другого ребенка. Наблюдается эмоциональная реакция на поощрения и порицания взрослого. К старшему дошкольному возрасту меняется отношение к сверстнику. Значительно возрастает количество просоциальных действий, усиливается эмоциональная вовлеченность в действия и переживания сверстника, сопереживание становится более выраженным и адекватным.

Важно отметить, что ребенку с раннего возраста необходимо прививать желание оказывать

помощь окружающим, развивать чувство ответственности за порученные дела, от результата которых зависят окружающие. Начиная с самой простой обязанности – убирать свои игрушки и превратив это в увлекательную игру, у ребенка будет вырабатываться привычка помогать. Ребенок, который с самого детства помогает взрослым и сверстникам, вырастает самостоятельной, отзывчивой и ответственной личностью. Взрослея, ребенок начинает проявлять сострадание и учиться сочувствовать. Он начинает сталкиваться с социальным неравенством, осознавать, что люди могут жить хорошо или плохо. Главное – научить ребенка находить способы помогать людям, поддерживая в нем зарождающееся чувство сострадания.

Полученные данные позволяют расширить кругозор по изучаемой тематике, более детально исследовать данный феномен, его особенности проявления у детей в раннем и дошкольном возрасте, выявить недостатки и малоизученность, что способствует дальнейшему изучению и углублению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брессо, Т.И. Социокультурные детерминанты просоциальной мотивации студентов социэкономических профессий: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Т.И. Брессо. – М., 2013. – 172 с.
2. Гаврилова, Т.П. Понятие эмпатии в зарубежной психологии. Исторический обзор и современное состояние проблемы / Т.П. Гаврилова // Вопросы психологии. – М., 2005. – № 2. – С. 147–156.
3. Hoffman, M.L. Socioemotional development in toddlers: transient processes and transformations / M.L. Hoffman. – New York: Guilford Press, 2007. – P. 132–145.
4. Кухтова, Н.В. Возрастные и гендерные различия в проявлении просоциального поведения / Н.В. Кухтова // Весн. Вісб. дзярж. ун-та. – 2004. – № 2(32). – С. 66–71.
5. Кухтова, Н.В. Просоциальное поведение мигрантов и принимающего населения в условиях межкультурного взаимодействия: монография / Н.В. Кухтова, В.В. Гриценко Н.В. Молчанова, Ю.В. Ковалева; под ред. Н.В. Кухтовой. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. – 160 с.
6. Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/>. – Дата доступа: 22.03.2018.
7. Ребер, А.С. Большой толковый психологический словарь: в 2 т. / А.С. Ребер. – М.: АСТ, 2003. – Т. 1. – С. 497.
8. Hay, D.F. The transformation of prosocial behavior from infancy to childhood / D.F. Hay, K.V. Cook // Socioemotional development in the toddler years: Transitions and transformations. – 2007. – Vol. 2. – P. 100–131.
9. Rheingold, H.L. Little children's participation in the work of adults, a nascent prosocial behavior / H.L. Rheingold // Child Development. – 1982. – Vol. 53, № 1. – P. 114–125.
10. Grusec, J. Prosocial and helping behavior / J. Grusec, M. Davidov, L. Lundell // Smith PK, Hart CH, editors. Blackwell handbook of childhood social development. – Malden, MA: Blackwell Publishing, 2002. – P. 457–474.
11. Котова, Т.Н. Развитие просоциального поведения у детей раннего возраста / Т.Н. Котова, Т.О. Юдина // Шаги-Steps. – 2015. – № 1. – С. 108–121.
12. Tomasello, M. Understanding and exchange of intentions: sources of cultural knowledge. Behavioural and brain sciences / M. Tomasello, M. Carpenter, J. Call, T. Behne, H. Moll. – 2005. – P. 675–691.

13. Warneken, F. The help and cooperation at the age of 14 months. *Infancy* / F. Warneken, M. Tomasello. – 2007. – Vol. 11, № 3. – P. 271–294.
14. Bischof-Kohler, D. The development of empathy in infants / D. Bischof-Kohler // Lamb ME, Keller H, editors. *Infant development: Perspectives from German-speaking countries*. – England: Lawrence Erlbaum Associates, Infancy, 1991. – P. 245–273.
15. Zahn-Waxler, C. Development of concern for others / C. Zahn-Waxler, M. Radke-Yarrow, E. Wagner, M. Chapman // *Development psychology*. – 1992. – Vol. 28, № 1. – P. 126–136.
16. Braunell, S. To divide or not to share: when do kids respond to others requirements? / S. Braunell, M. Svetlova, S. Nichols // *Infancy*. – 2009. – Vol. 14, № 1. – P. 117–130.
17. Андреева, А.Д. Становление способности к децентрации в дошкольном возрасте / А.Д. Андреева // *Теоретическая и экспериментальная психология*. – 2016. – Т. 9, № 4. – С. 39–52.
18. Trommsdorff, G. Sympathy, suffering and pro-social behavior of preschool children in four cultures / G. Trommsdorff, V. Fridlmayer, B. Mayer // *The International magazine of behavioural development*. – 2007. – Vol. 31, № 3. – P. 284–293.
19. Спицына, В.В. Психологическое содержание эмпатии как возрастного новообразования дошкольного возраста [Электронный ресурс] / В.В. Спицына, А.М. Солодкова // *Ребенок и общество*. – Режим доступа: <http://childandsociety.ru/ojs/index.php/cas>. – Дата доступа: 23.03.2018.
20. Габышева, Т.Е. Формирование эмпатии у детей среднего дошкольного возраста / Т.Е. Габышева, И.И. Николаева // *Новая наука: от идеи к результату*. – Стерлитамак: АМИ, 2016. – № 4(2). – С. 118–120.

Поступила в редакцию 05.04.2018 г.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК;
- название статьи;
- фамилия и инициалы автора (авторов);
- организация, которую он (они) представляет (-ют);
- введение;
- раздел «Материал и методы»;
- раздел «Результаты и их обсуждение»;
- заключение;
- список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел «**Материал и методы**» включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе «**Результаты и их обсуждение**» автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может де-

литься на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В **заключении** в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. **Список литературы** должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: абзац – 1 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.

10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К статье нужно приложить экземпляр иллюстраций. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.

11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).

12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентич-

ными. Электронная версия пересылается на адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

13. К статье прилагаются следующие материалы:

- реферат (200–250 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;

- ключевые слова на языке оригинала;

- название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;

- домашний адрес автора, номер телефона, адрес электронной почты;

- рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;

- экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

16. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

INSTRUCTIONS TO THE AUTHORS

Scientific and practical journal **“Law. Economics. Psychology”** publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year post-graduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

- UDC index;
- title of the article;
- surname and initials of the author (s);
- represented organization;

- introduction;

- section “Materials and Methods”;

- section “Results and Discussions”;

- conclusion;

- bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The introduction provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section **“Materials and Methods”** includes description of the objects and the content of the research conducted by the author (authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section **“Results and discussions”** the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with

the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section **“Conclusion”** must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. **References** should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1], [2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript are indicated, as well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14 000 printed characters, including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers should be prepared in Word for Windows. Use the following format page: paragraph – 1 cm; field: top – 2,5 cm, from the bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, on the right – 2 cm.

10. Illustrations, formulas, equations should be numbered in the order of citation in the text. It is necessary to attach a copy of illustrations to the article. Figure captions, diagrams and tables are printed single-spaced. The names of tables and figures should not be abbreviated.

11. The size of all variables used in the text should comply with the International System of Units (SI).

12. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

13. The article should be accompanied by the following materials:

- abstract (200–250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material and methods, results and discussion, conclusions;

- key words in the original language;

- name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;

- the author's home address, phone number, e-mail address;

- recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;

- expert opinion on the possibility of publishing in the press.

14. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

15. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

16. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.